

ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ

ДВЕНАДЦАТЬ ЦЕЗАРЕЙ

Серия «Исторические силуэты»

ДВЕНАДЦАТЬ ЦЕЗАРЕЙ

Ростов-на-Дону
«Феникс»
1999

ББК 63.3(03)

Д 22

Перевод
С.П. Кондратьева

Д 22 **Двенадцать цезарей.** Серия «Исторические силуэты». Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. – 320 с.

После относительно стабильного развития Римской империи в эпоху раннего принципата с середины II века наступает новая эпоха – период кризиса императорской власти. В это время с калейдоскопической быстротой сменяет друг друга целый ряд цезарей. В книге представлены биографии Коммода, Гелиогабала и других императоров, упустивших бразды правления ради своих похотей – разврата, пьянства, гладиаторских боев, поставивших империю на грань развала.

Рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 63.3(03)

ISBN 5-222-00578-X

- © Составление, предисловие, Казаров С.С., 1999
- © Оформление: изд-во «Феникс», 1999

Оглавление

Римская империя и императорская власть во II—III вв. н.э.	5
<i>Элий Спартиан</i> ЖИЗНЕОПИСАНИЕ АДРИАНА	11
<i>Юлий Капитолин</i> АНТОНИН ПИЙ	43
<i>Юлий Капитолин</i> ВЕР	59
<i>Вулкаций Галликан</i> АВИДИЙ КАССИЙ	73
<i>Элий Лампридий</i> КОММОД АНТОНИН	91
<i>Юлий Капитолин</i> КЛОДИЙ АЛЬВИН	113
<i>Элий Спартиан</i> АНТОНИН КАРАКАЛЛ	131
<i>Элий Спартиан</i> АНТОНИН ГЕТА	145
<i>Элий Лампридий</i> АНТОНИН ГЕЛИОГАБАЛ	155

Двенадцать цезарей

<i>Элий Лампридий</i>	
АЛЕКСАНДР СЕВЕР	191
<i>Требеллий Поллион</i>	
БОЖЕСТВЕННЫЙ КЛАВДИЙ	253
<i>Флавий Вописк Сиракузянин</i>	
БОЖЕСТВЕННЫЙ АВРЕЛИАН	273

Римская империя и императорская власть во II—III вв. н. э.

Как бы в продолжение «Жизни двенадцати цезарей» Светония перед нами предстают, хотя и не в строгом хронологическом порядке, следующие двенадцать цезарей, но уже из другой исторической эпохи.

Представленные на суд читателя портреты римских императоров от Адриана (117—138 гг.) до Аврелиана (270—275 гг.), менее известные широкой публике, как нельзя лучше отражают те изменения, которые произошло в римском обществе во II—III вв. Да, и сами римские автора — составители указанных биографий, такие, например, как Элий Спартиан, малоизвестны не только для широкой публики, но даже и для историков.

Что произошло в Римской империи за какие-то полтора века ее существования? Почему на смену Августу, Веспасиану и Титу пришли убожества, типа Коммода, Каракаллы и Гелиогабала? Попробуем ответить на этот вопрос.

Политическая система принципата, возникшая при Августе, в течение определённого времени успешно сочетала в себе элементы двух, казалось бы, взаимоисключающих начал — полиса и империи. На первый взгляд может показаться, что

эти антиподы не способны к сосуществованию: сильная императорская власть исключает какие-либо выборные демократические институты, а полисная демократия, в свою очередь, не оставляет места императорской власти.

Однако, как оказалось, это не так. Ряд эллинистических государств, в частности Пергамское царство, дает нам блестящий пример успешного сосуществования полиса в составе империи. Подтвердил это и первый век существования режима принципата в Риме. Как справедливо отметил А.Б. Егоров, ведущий специалист по исследованию императорской власти в Риме, «стремясь к подавлению полисного строя, принципат при этом постоянно на него опирался и шел не по пути уничтожения полисных институтов, а по линии их использования и трансформации»¹. Результатом возникшей таким образом системы дуализма (полис и империя) была относительная стабильность императорской власти. За счет чего же достигалась подобная стабильность?

Во-первых, армия, которая, как в период принципата, так и в последующий период, являлась решающим фактором стабильности и законности, находилась под постоянным контролем принцепса. Контроль за армией достигался как посредством назначения на ключевые посты в войсках надежных для принцепса людей (вспомним, что Август не мог обойтись без Марка Агриппы, Тиберия и Друза, Веспасиан — без Тита, Нерва — без Траяна) так и личным присутствием принцепса в армии².

¹ Егоров А.Б. О персональном факторе в истории Римской империи // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 37.

² Крист К. История времён римских императоров. Т. I. Ростов н/Д, 1997. С. 543.

Во-вторых, несмотря на то, что сенат уже передал принцепсу большую часть своих функций, от продуктивного сотрудничества принцепса с сенатом во многом зависела и стабильность самой системы принципата, ибо, как точно отметил К.Крист, принцепс и сенат рассчитывали друг на друга: первый — на активное сотрудничество сенаторов, а сенаторы — на признание их общественного положения и обеспечение прав в широком смысле слова, которые им мог представить только принцепс¹.

Перед тем, как выяснить, что же случилось с римской политической системой во II—III вв., необходимо рассмотреть характер самой императорской власти в Риме в рассматриваемый период.

Могущество Римской империи зависело прежде всего от сильной и стабильной императорской власти. Именно персональный фактор в Римской империи был настолько велик, что история Рима для современников представлялась как последовательность династий императоров. Анналистический жанр, характерный для республиканского периода, вытесняется жанром биографическим, при этом внутренняя и внешняя стабильность государства ставится в прямую зависимость от личности императора.

В трудах античных авторов — Веллея Патеркула, Тацита, Светония, Плиния, Диона Кассия — дан перечень императорских пороков и добродетелей, от наличия или отсутствия которых зависели успехи или неудачи правления того или иного императора.

Какими качествами должен обладать идеальный правитель? В основе добродетелей императора лежит *virtus*, слово, означающее целую сумму достоинств, таких, как умеренность (*aequitas*), справед-

¹ Крист К. Указ. соч. С. 530. —

ливость (*misericordia*), мягкость (*clementia*), благо-разумие (*prudencia*) и снисходительность (*facilitas*).

В отличие от идеальных плохие императоры наделены высокомерием (*arrogantia*), жестокостью (*crudelitas*), им свойственны корыстолюбие, раз-вращенность, алчность, лживость, любовь к рос-коши и лести.

Основываясь на указанных выше свойствах, официальная историография выделила две груп-пы императоров: плохие — Калигула, Нерон, Ком-мод, Гелиогабал, и хорошие — Август, Веспаси-ан, Антонин Пий, Адриан. Как первый, так и второй списки при желании можно продолжить.

Большинство из представленных в книге им-ператоров можно, без всяких сомнений, отнести к категории плохих. Из двенадцати принцепсов только три — Адриан, Антонин Пий и Луций Вер (не считая Клавдия II, умершего от чумы в Пан-нонии в 270 г.), умерли своей смертью. Осталь-ные императоры, начиная с Кассия Авидия, пра-вившего несколько месяцев и убитого своими солдатами в 175 г., до Аврелиана (270—275 гг.), умерли насильственной смертью.

Не случайно рассматриваемая нами эпоха по-лучила название эпохи «солдатских императоров». Это время императоров-однодневок, которых выд-вигали солдаты, а через некоторое время сами же их и убивали. Таким образом, на первое место выдвигается та сила, которая в любом здоровом гражданском обществе занимает строго отведён-ное ей место — место защитника государства от внешних врагов, — армия. Если в самом Риме реальной силой становится преторианская гвар-дия, то на окраинах империи этой силой стали пограничные войска. В этот период на террито-рии империи вырисовывается три исторические и географические единицы, окружающие импе-

рию: кельтско-римская на Западе, иллирийско-фракийская на Дунае и эллинистическая на Востоке. Именно из этих регионов время от времени начинают свою политическую, зачастую очень недолгую карьеру «солдатские императоры».

До сего времени Август, Траян, Антонин Пий и Марк Аврелий сохраняли контроль над армией. Теперь же волею судеб на месте императоров оказывались совсем молодые люди, которые были не только не в состоянии сохранять контроль над армией, но зачастую оказывались неспособными ни к чему, кроме развлечений, порой доходящих до идиотизма. Достаточно вспомнить гладиаторские увлечения Коммода, братоубийцу и одновременно почитателя различных магов, гадателей и звездочетов Каракаллу, религиозного фанатика и развратника Гелиогабала, одним словом, правителей, смерть которых была благом для сохранения империи.

Как справедливо отметил А.Б. Егоров, развитие личности принцев второй группы часто шло вразрез с политической деятельностью, а любимые занятия и влечения порой просто шокировали общество. Более того, принцессы иногда сознательно делали то, что вызывало особое раздражение. Именно это неумение и нежелание слиться с римской государственной машиной, войти в образ принцессы... приводило к конфликтам, выражавшимся в диких эксцессах императоров и ответных заговорах и мятежах¹. Потеряв доверие в глазах сената, народа, но что самое важное, армии, эти принцессы, таким образом, теряли всякие права на управление. Но самым страшным и дестабилизирующим последствием всего этого была утрата контроля не только принцессы, но и сена-

¹ Егоров А.Б. О персональном факторе в истории Римской империи // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 42.

та над армией. В результате с калейдоскопической быстротой перед нами мелькают имена различных полководцев, наспех объявленных своими солдатами императорами и также быстро, в порыве разочарования, ими же и убитых.

Все эти факторы вызывали определенную эволюцию императорской власти. Чем больше власть грязла в болоте разврата, коррупции и беззакония, тем дряхлее и беззащитней она становилась. Создаваемая в течение нескольких веков могучая Римская империя оказалась в состоянии глубокого кризиса, грозившего обернуться неизбежным развалом. Упадок империи в III в. во многом был вызван тем, что универсальное государство начало давить элементы полисной системы, до сего времени успешно сосуществовавшие с властью императора¹.

В этих условиях нужны были новые люди, сумевшие путём дальнейшего преобразования политической системы восстановить сильную власть и на время остановить неизбежный процесс распада Римской империи. Начало этих преобразований было связано с именем императора Диоклетиана (284—305 гг.), правление которого обычно связывают с зарождением новой политической системы — домината, характеризующегося усилением «абсолютистских начал» императорской власти. Устанавливается режим военной диктатуры с одновременной опорой на создающийся огромный бюрократический аппарат.

*С.С. Казаров,
кандидат исторических наук*

¹ Егоров А.Б. Флавины и трансформация Римской империи в 60—90 гг. I в. // Город и государство в античном мире. Л., 1987. С. 151.

Элий Спартиан

**ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
АДРИАНА**

I. (1) Род императора Адриана был связан в более отдаленные времена с Пиценом, а в более близкие — с Испанией. Сам Адриан в книгах о своей жизни упоминает о том, что его предки, происходившие из Адрии, поселились во времена Сципионов в Италике. (2) Отцом Адриана был Элий Адриан, по прозвищу Африканец, двоюродный брат императора Траяна; матерью его была Домиция Паулина, уроженка Гад; сестрой — Паулина, выданная замуж за Сервиана; женой — Сабина; дедом его прадеда — Мариллин, который был первым в своей семье сенатором римского народа. (3) Адриан родился в Риме за восемь дней до февральских календ, в седьмое консульство Веспасиана и пятое Тита. (4) Лишившись отца на десятом году жизни, он поступил под опеку своего двоюродного дяди — Ульпия Траяна, который был тогда в числе бывших преторов, а потом стал императором, и римского всадника Целия Аттиана. (5) Он так усиленно изучал греческую литературу и имел к ней такое пристрастие, что некоторые называли его греченком.

II. (1) На пятнадцатом году он вернулся в родной город и сейчас же поступил на военную службу, увлекаясь в то же время охотой в такой степени, что это вызывало нарекания. (2) Увезенный поэтому из родного города Траяном, который относился к нему как к сыну, он был назначен спустя

немного времени децемвиром для решения судебных дел, а вскоре затем сделан трибуном второго «Вспомогательного легиона». (3) После этого, уже в последние годы правления Домициана, он был переведен в Нижнюю Мезию. (4) Там он, говорят, получил от некоего астролога подтверждение предсказания о том, что он будет императором, которое было дано ему его двоюродным дедом Элием Адрианом, сведущим по части небесных светил. (5) Когда Траян был усыновлен Нервой, Адриан, посланный для принесения поздравления от имени войска, был переведен в Верхнюю Германию. (6) Отсюда он поспешил к Траяну, чтобы первым возвестить ему о кончине Нервы. Сервиан, муж его сестры (который возбудил против него неудовольствие Траяна сообщениями о его тратах и долгах), долго задерживал его и умышленно сломал его повозку, с целью заставить его опоздать. Однако Адриан, совершая путь пешком, все-таки опередил ординарца, посланного самим Сервианом. (7) Он пользовался любовью Траяна, однако ему из-за воспитателей мальчиков, которых Траян очень любил, не ... благодаря расположению Галла. (8) В это время, беспокоясь относительно мнения о нем императора, он стал гадать по Вергилию и ему выпали стихи:

*Кто это там, вдалеке,
ветвями оливы увенчан,
Держит святыни в руках?
Седины его узнаю я!
Ришян царь, укрепит он
законами первыми город.
Бедной рожденный землей,
из ничтожных он явится Курий,
Чтобы принять великую власть.
Ее передаст он...*

Другие говорят, что такое предсказание вышло ему по Сивиллиным стихам. (9) Он, однако, получил уверенность в том, что его вскоре ожидает императорская власть благодаря ответу, вышедшему из святилища Юпитера Победоносца; его поместил в своих книгах платоник Аполлоний Сириец. (10) В конце концов, Адриан при содействии Суры в полной мере вернул дружбу Траяна, получив в жены, благодаря расположению Плотины, племянницу Траяна, дочь его сестры, хотя сам Траян, по словам Мария Максима, не очень желал этого брака.

III. (1) Он занимал должность квестора в консульство Траяна (четвертое) и Артикулея. Оглашая в это время в сенате обращение императора, он вызвал смех своим неправильным выговором. Тогда он принялся за изучение латинского языка и дошел до высшего совершенства и красноречия. (2) После квесторства он ведал хранением сенатских протоколов и, став близким Траяну человеком, сопровождал его во время Дакийской войны; (3) в это время, по его словам, он пристрастился к вину, приспособившись к нравам Траяна, и за это был богато вознагражден Траяном. (4) Он был назначен народным трибуном во второе консульство Кандида и Квадрата. (5) Во время исполнения этой должности ему, по его собственному утверждению, было дано знамение того, что он будет пользоваться постоянными трибунскими полномочиями, так как он потерял дорожный плащ, которым обычно пользовались во время дождя трибуны, императоры же — никогда. Поэтому и в наши дни императоры никогда не появляются в дорожных плащах перед гражданами. (6) Во время второго похода на даков Траян поставил его во главе первого легиона Минервы и

взял его с собой, тогда он и прославился многими блестящими подвигами. (7) Поэтому, получив в подарок от Траяна алмазный перстень, который сам Траян получил от Нервы, Адриан окрылился надеждой, что будет наследником. (8) Он был сделан претором во второе консульство Субурана и Сервиана, когда он получил от Траяна для устройства игр два миллиона сестерциев. (9) Затем он был отправлен в качестве легата — бывшего претора — в Нижнюю Паннонию; там он укротил сарматов, поддержал военную дисциплину, обуздал прокураторов, сильно превысивших свою власть. (10) За это он был сделан консулом. Находясь в этой должности, он узнал от Суры, что будет усыновлен Траяном; с тех пор друзья Траяна перестали презирать его и выказывать пренебрежение к нему. (11) После смерти Суры он стал еще ближе к Траяну, главным образом благодаря речам, которые он составлял вместо императора.

IV. (1) Он пользовался и расположением Плотины, стараниями которой он во время парфянского похода был назначен легатом. (2) В это время Адриан пользовался дружбой Созия Папа и Платория Непота из сенаторского сословия, а из сословия всадников — дружбой Аттиана, бывшего некогда его опекуном, Ливиана и Турбона. (3) Ему было обещано усыновление, когда Пальма и Цельз, его постоянные враги, которых впоследствии он и сам преследовал, навлекли на себя подозрение в стремлении к тирании. (4) Назначенный вторично консулом благодаря расположению Плотины, он получил полную уверенность в том, что будет усыновлен. (5) Распространенная молва утверждала, что он подкупил вольноотпущенников Траяна, что он ухаживал за его любимцами и часто вступал с ними в связь в то вре-

мя, как он стал своим человеком при дворе. (6) За четыре дня до августовских ид он, бывший тогда легатом Сирии, получил письмо о своем усыновлении; в этот день он приказал праздновать «день рождения» своего усыновления. (7) А за два дня до тех же ид, когда он решил праздновать день рождения своей власти, он получил известие о кончине Траяна. (8) Было распространено мнение, что Траян имел намерение оставить своим преемником Нератия Приска, а не Адриана, причем многие друзья императора соглашались на это, так что он как-то сказал Приску: «Если со мной случится что-либо предопределенное судьбой, я поручаю тебе провинции». (9) Многие даже говорят, что у Траяна было намерение, по примеру Александра Македонского, умереть, не назначая себе преемника; многие сообщают, что он хотел послать обращение в сенат с просьбой — в случае, если с ним самим что-либо случится — дать государя Римскому государству, добавив только ряд имен, чтобы тот же сенат выбрал из них лучшего. (10) Имеется и сообщение о том, что Адриан был признан усыновленным уже после смерти Траяна интригами Плотины, причем вместо Траяна слабым голосом говорило подставное лицо.

V. (1) Достигнув власти, Адриан немедленно стал следовать древнему образу действия и направил свои усилия к тому, чтобы установить мир по всему кругу земель. (2) Ведь не только отпали те народы, которые покорил Траян, но и производили нападения мавры, шли войной сарматы, нельзя было удержать под римской властью британцев, был охвачен мятежами Египет, наконец — проявляли непокорный дух Ливия и Палестина. (3) Поэтому все земли за Евфратом и Тигром он тотчас же покинул по примеру, как он говорил, Катона,

который провозгласил македонцев свободными, так как не мог удерживать их. (4) Убедившись в том, что Партамазирис, которого Траян поставил парфянским царем, не пользуется большим влиянием у парфян, Адриан назначил его царем соседних племен. (5) Адриан сразу стал проявлять исключительное милосердие: несмотря на то что в первые же дни его власти Аттиан посоветовал ему в письме казнить префекта Рима Бебия Макра, если тот будет отказываться признать его власть, и Лаберия Максима, который находился в ссылке на острове по подозрению в стремлении к власти, а также Фруги Красса, — он не причинил им никакого вреда; (6) впрочем, впоследствии, когда Красс покинул остров, прокуратор без приказа Адриана убил его под тем предлогом, что он замышляет государственный переворот. (7) По случаю начала своего правления Адриан произвел раздачу воинам в двойном размере. (8) Он обезоружил Лузия Квиета, отрешив его от управления мавританскими племенами, так как подозревал его в стремлении захватить власть. Для подавления беспорядков в Мавритании он назначил после разгрома иудеев Марция Турбона. (9) После этого он выехал из Антиохии, чтобы увидеть останки Траяна, которые сопровождали Аттиан, Плотина и Матидия. (10) Встретив их и отправив на корабле в Рим, он вернулся в Антиохию и, назначив правителем Сирии Катилия Севера, сам через Иллирик прибыл в Рим.

VI. (1) Обратившись к сенату с тщательно продуманным письмом, он просил для Траяна божеских почестей и добился их, причем согласие было настолько единодушным, что сенат внес уже от себя в свое постановление в честь Траяна многое такое, о чем Адриан даже не просил. (2) В письме к сенату он просил извинения за то, что не дал

сенату высказать суждение по поводу перехода к нему императорской власти, — потому, что спешно был провозглашен воинами, так как государство не могло оставаться без императора. (3) Когда сенат перенес на него триумф, полагавшийся Траяну, он сам отказался от него и в триумфальной колеснице повез изображение Траяна, чтобы этот лучший из императоров даже после смерти не потерял права на честь триумфа. (4) Принятие сразу поднесенного ему и еще раз впоследствии предложенного имени отца отечества он отложил на более позднее время, так как Август поздно удостоился этого имени. (5) Венечное золото он снял с Италии совсем, а в провинциях уменьшил, причем в обходительных выражениях и тщательно изложил затруднения казначейства. (6) Затем, услышав о беспорядках, произведенных сарматами и роксоланами, он, отправив вперед войска, сам устремился в Мезию. (7) Марция Турбона после его командования в Мавритании он временно поставил во главе Паннонии и Диакии, удостоив его повязок префекта. (8) С царем роксоланов, который жаловался на уменьшение ежегодных выплат, он, разобрав дело, заключил мир.

VII. (1) Он благополучно избег покушения, которое готовился совершить на него во время жертвоприношения Нигрин совместно с Лузием и многими другими, хотя Адриан предназначил его в преемники себе. (2) Вследствие этого Пальма был убит в Террацине, Цельз — в Байях, Нигрин — в Фавенции, Лузий — в пути, — все по приказу сената, против воли Адриана, как он сам пишет в собственном жизнеописании. (3) Поэтому, чтобы опровергнуть в высшей степени неблагоприятное для него мнение, будто он позволил убить одновременно четырех консуляров, Адриан немедлен-

но вернулся в Рим, доверив управление Дакией Турбону и удостоив его — для придания ему большего авторитета — звания префекта Египта. Чтобы положить конец толкам о себе, он по прибытии произвел раздачу народу в двойном размере, несмотря на то что в его отсутствие каждому было уже выдано по три золотых. (4) Принеся в сенате извинение за то, что было сделано, он клятвенно обязался не наказывать ни одного сенатора без постановления сената. (5) Он установил правильно организованную казенную почту, чтобы не отягощать этими издержками провинциальных должностных лиц. (6) Не упуская из виду ничего, что могло доставить ему расположение, он простил частным должникам императорского казначейства как в Риме, так и в Италии неисчислимые суммы, которые за ними числились, а в провинциях также огромные суммы остававшихся недоимок, и для большей уверенности велел сжечь на форуме божественного Траяна долговые расписки. (7) Имущество осужденных он запретил забирать в свою частную казну, зачисляя все такие суммы в государственное казначейство. (8) Мальчикам и девочкам, которым еще Траян назначил содержание, он сделал щедрые надбавки. (9) Состояние сенаторов, которые разорились не по своей вине, он пополнял до размеров, полагающихся сенаторам, — в соответствии с количеством их детей, причем очень многим он без задержки выдавал средства с таким расчетом, чтобы их хватило до конца их жизни. (10) Не только друзьям, но и некоторым людям из широких кругов он дарил много денег для исполнения почетных должностей. (11) Поддерживал он и некоторых женщин, выдавая им деньги на прожитье. (12) Он устроил гладиаторские бои, продолжавшиеся непрерывно

в течение шести дней, и в день своего рождения выпустил тысячу диких зверей.

VIII. (1) Всех лучших людей из сената он привлек в общество собеседников императорского величества. (2) От цирковых игр, кроме назначенных в его честь в день его рождения, он отказался. (3) И на сходках, и в сенате он часто говорил, что будет вести государственные дела, не забывая о том, что это — дела народа, а не его собственные. (4) Очень многих он назначал консулами в третий раз, так как и сам он был консулом три раза, бесчисленное множество людей он удостоил чести вторичного консульства. (5) В третий раз должность консула он выполнял только четыре месяца и в это время часто занимался судебными делами. (6) Когда он был в Риме или в его окрестностях, то неизменно участвовал в ординарных заседаниях сената. (7) Редко назначая новых сенаторов, он поднял значение сената на такую высоту, что назначив сенатором Аттиана, бывшего префекта претория, получившего впоследствии знаки консульского достоинства, он этим показал, что большей награды он ему дать не может. (8) Римским всадникам он ни в свое отсутствие, ни при себе не позволял судить сенаторов. (9) Ведь тогда был обычай, чтобы государь, когда ему приходилось разбирать судебное дело, приглашал к себе на совещание и сенаторов, и всадников и выносил свое решение после совместного обсуждения. (10) Он резко порицал тех императоров, которые не оказывали уважения сенаторам. (11) Мужу своей сестры Сервиану он оказывал такое уважение, что при его приходе всегда выходил ему навстречу из своей комнаты; ему он назначил третье консульство без всякой просьбы и ходатайства с его стороны, однако — не вместе с собою, чтобы ему самому

не пришлось высказывать свое мнение вторым, так как тот уже два раза был консулом до Адриана.

IX. (1) Между тем он, однако, покинул много провинций, завоеванных Траяном, и наперекор всем разрушил тот театр, который заложил на Марсовом поле Траян. (2) Это казалось тем более печальным, что все меры, вызывавшие, как мог видеть Адриан, неудовольствие, он проводил, ссылаясь на данные ему секретно поручения Траяна. (3) Не будучи уже больше в состоянии выносить могущества своего префекта, а некогда опекуна Аттиана, он склонялся к тому, чтобы погубить его, но его от этого отговорили ввиду сильной ненависти, вызванной против него гибелью четырех консуляров, убийство которых он, правда, сваливал на подававшего ему советы Аттиана. (4) Так как он не мог сменить его — ведь Аттиан не просил его об этом, — Адриан повел дело так, чтобы сам он об этом попросил, и как только тот обратился к нему с такой просьбой, Адриан передал его власть Турбону; (5) одновременно он заменил и другого префекта, Симила, Сентицием Кларом. (6) Удалив с должности префекта этих людей, которым он был обязан своей императорской властью, Адриан отправился в Кампанию и облегчил положение всех ее городов своими благодеяниями и щедротами, причислив к своим друзьям всех лучших людей. (7) В Риме он часто присутствовал при исполнении преторами и консулами их служебных обязанностей, принимал участие в пирах друзей, посещал больных по два и три раза в день, в том числе некоторых всадников и вольноотпущенников, утешал их, поддерживал своими советами, всегда приглашал на свои пиры. (8) В сущности, он во всем поступал как частный человек. (9) Своей теще он оказывал исключительный

почет, устраивая в ее честь гладиаторские игры и другими способами выказывая свое уважение.

Х. (1) Отправившись после этого в Галлию, он облегчил положение всех общин, даровав им разные льготы. (2) Оттуда он перешел в Германию. Любя больше мир, чем войну, он тем не менее упражнял воинов, как будто война была неминуемой, действуя на них примерами собственной выносливости. Сам среди их манипулов он исполнял обязанности военного начальника, с удовольствием питаясь на глазах у всех обычной лагерной пищей, то есть салом, творогом и поской по примеру Сципиона Эмилиана, Метелла и своего приемного отца Траяна. Многих он наградил, некоторым дал почетные звания для того, чтобы они могли легче переносить его суровые требования. (3) И действительно, он сумел восстановить поколебленную после Цезаря Октавиана — вследствие небрежности прежних государей — дисциплину, точно определив служебные обязанности и расходы и никогда никому не позволяя уходить из лагеря без уважительной причины; военных же трибунов должно было выдвигать не расположение воинов, а их заслуги. (4) На всех прочих он оказывал влияние примером своей доблести, проходя вместе с ними в полном вооружении по двадцать миль. В лагерях он велел разрушить помещения для пиров, портики, закрытые галереи и художественные сады. (5) Он часто надевал самую простую одежду, перевязь его меча не была украшена золотом, застежки [военного плаща] были без драгоценных камней, только его палаш заканчивался рукояткой из слоновой кости. (6) Он посещал больных воинов там, где они были размещены на постой; сам выбирал места для лагеря. Жезл центуриона он давал только людям сильным и

имевшим хорошую репутацию, трибунами он назначал только тех, у кого выросла настоящая борода и чьи благоразумие и лета могли придать вес званию трибуна. (7) Он не позволял трибунам брать от солдат какие-либо подарки, устранил повсюду всякие признаки роскоши, наконец, улучшил их оружие и снаряжение. (8) Он вынес также решение относительно возраста воинов, чтобы никто не находился в лагере — в нарушение древнего обычая — будучи моложе того возраста, которого требует мужественная доблесть, или старше того, который допускается человечностью, и стремился к тому, чтобы знать воинов и чтобы было известно их число.

XI. (1) Кроме того, он старался иметь точные сведения о запасах для войска, умело учитывая поступления из провинций с тем, чтобы пополнять обнаруживающиеся в том или ином месте недостатки. Но больше, чем кто-либо другой, он старался никогда не покупать и не держать чего-либо бесполезного. (2) И вот, когда воины, глядя на поведение государя, изменили свой образ жизни, он направился в Британию, где он произвел много улучшений и первый провел стену на протяжении восьмидесяти миль, чтобы она отделяла римлян от варваров. (3) Он сменил префекта претория Сентиция Клара и государственного секретаря Светония Транквилла, а также многих других за то, что они тогда держали себя на половине его жены Сабины более свободно, чем это было совместимо с уважением к императорскому двору. И со своей женой, как он говорил, он развелся бы из-за ее угрюмости и сварливости, если бы был частным человеком. (4) Он внимательно следил не только за своим домом, но и за домами своих друзей, так что через своих тайных агентов

узнавал все их тайны; его друзья даже не думали, что их жизнь так хорошо известна императору, пока сам император не открывал им этого. (5) Можно поместить здесь забавный рассказ, из которого ясно, что он собрал много сведений о своих друзьях. (6) Когда одному из них жена написала, что он, увлеченный удовольствиями и купаниями, не хочет к ней вернуться — об этом через тайных агентов узнал Адриан. В ответ на его просьбу дать ему отпуск император упрекнул его за купания и удовольствия. «Неужели, — воскликнул тот, — и тебе моя жена написала то же, что и мне?». (7) Эта черта характера Адриана подвергается особенному порицанию, равно как и его любовь к взрослым юношам и любовные связи с замужними женщинами, к чему был склонен Адриан; добавляют, что даже по отношению к своим друзьям он не сохранял порядочности.

ХII. (1) Устроив дела в Британии, он отправился в Галлию и получил взволновавшее его известие о беспорядках в Александрии. Они произошли из-за Аписа, который был найден после многолетних поисков. Это вызвало брожение среди народа, так как все яростно спорили о том, у кого его следует поместить. (2) В это же время он построил в Немаузе базилику удивительной работы в честь Плотины. (3) После этого он направился в Испанию и зимовал в Тарраконе, где за свой счет восстановил храм Августа. (4) Он созвал всех испанцев на съезд в Тарракону. Когда италики в шутливых выражениях отказались от набора (подлинные их слова приводит Марий Максим), а прочие — очень решительно, он принял благоразумное и осторожное решение. (5) В это время он подвергся немалой опасности, но вышел из положения не без славы; когда он гулял в саду

под Тарраконой, раб его хозяина с мечом в руках яростно бросился на него. Адриан задержал его и передал подбежавшим слугам; когда было установлено, что он сумасшедший, Адриан, ни на кого не сердясь, велел отдать его на лечение врачам. (6) И в это, и в другое время в очень многих местах, где варвары отделены от римских владений не реками, а обыкновенными границами, он отмежевал варваров от римлян столбами, глубоко врытыми в землю наподобие деревенских изгородей и связанными между собой. (7) Он поставил царя над германцами, подавил волнения мавров и удостоился назначения сенатом благодарственных молений. (8) В это время война со стороны парфян только подготовлялась; благодаря личным переговорам Адриана она была предотвращена.

ХІІІ. (1) После этого он поплыл вдоль берегов Азии и мимо островов в Ахайю и по примеру Геркулеса и Филиппа принял посвящение в элевсинские таинства. Он выказал большое благоволение к афинянам и был председателем на их состязаниях. (2) И в Ахайе, говорят, было отмечено, что во время священнодействий все бывшие с Адрианом появлялись невооруженными, тогда как вообще многие присутствовавшие имели при себе ножи. (3) После этого он отплыл в Сицилию, где поднимался на гору Этну, чтобы наблюдать восход солнца в виде, как говорят, разноцветной дуги. (4) Оттуда он прибыл в Рим. Затем из Рима он переправился в Африку и оказал африканским провинциям много благодеяний. (5) Пожалуй, ни один император не проехал столько земель с такой быстротой. (6) Затем, вернувшись после посещения Африки в Рим, он тотчас же снова отправился на Восток, проехал через Афины и совершил освящение тех сооружений, которые он начал у

афинян, а именно — храма Юпитера Олимпийского и алтаря в свою честь; таким же образом, совершая путь по Азии, он освятил ряд храмов своего имени. (7) Затем у каппадокийцев он взял рабов, которые могли быть полезны для войска. (8) Он пригласил для дружеской встречи местных правителей и царей; пригласил также парфянского царя Осдроя, вернув ему дочь, которую взял в плен Траян, и обещая возратить трон, который также был захвачен. (9) Когда к нему прибыли некоторые цари, он обошелся с ними так, что тем, кто не пожелал прибыть, пришлось в этом раскаяться. Поступил он так, главным образом, из-за Фарасмана, который высокомерно пренебрег его приглашением. (10) Объезжая провинции, он наказывал прокураторов и наместников за их проступки так сурово, что, казалось, сам он подстрекал против них обвинителей.

XIV. (1) В это время он так ненавидел антиохийцев, что хотел отделить Сирию от Финикии, для того чтобы Антиохия не называлась метрополией стольких городов. (2) В то же время и иудеи подняли войну, потому что им было запрещено увечить половые органы. (3) На горе Казии, когда он ночью поднялся туда, чтобы видеть восход солнца, и совершал жертвоприношение, пошел ливень, и упавшая молния сожгла у него жертву и служителя. (4) Пересекши Аравию, он прибыл в Пелузий и выстроил Помпею гробницу великолепнее прежнего. (5) Когда он плыл по Нилу, он потерял своего Антиноя, которого оплакал как женщина. (6) Об Антиное идет разная молва: одни утверждают, что он обрек себя ради Адриана, другие выдвигают в качестве объяснения то, о чем говорит его красота и чрезмерная страсть Адриана. (7) Греки, по воле Адриана, обожествили Антиноя и утверждали, что

через него даются предсказания, — Адриан хвалится, что сам сочинял их. (8) Адриан чрезвычайно усердно занимался поэзией и литературой, был очень сведущ в арифметике и геометрии, прекрасно рисовал. (9) Он гордился своим умением играть на цитре и петь. В наслаждениях он был неумеренным. Он сочинил много стихов о предметах своей страсти. (10) В то же время он прекрасно владел оружием и был очень сведущ в военном деле; он упражнялся даже с гладиаторским оружием. (11) Он бывал строгим и веселым, приветливым и грозным, необузданным и осмотрительным, скупым и щедрым, простодушным и притворщиком, жестоким и милостивым; всегда во всех проявлениях он был переменчивым.

XV. (1) Он делал богатыми своих друзей, даже если они не просили об этом, а тем, кто просил, он ни в чем не отказывал. (2) Он, однако же, охотно прислушивался к тому, что ему нашептывали против его друзей, так что почти всех, даже самых близких друзей, даже тех, кого он перевознес, удостоив высших почестей, он впоследствии считал своими врагами, как например, Аттиана, Непота и Сентиция Клара. (3) И Евдемона, с которым прежде, домогаясь власти, он делился своими замыслами, он довел до нищеты. (4) Поллиена и Марцелла он принудил добровольно умереть. (5) Гелиодора он осмеивал в позорящих его памфлетах. (6) Тициана он позволил уличить в сообщничестве с теми, кто стремился к тирании, и объявить вне закона. (7) Он жестоко преследовал Умидия Квадрата, Катилия Севера и Турбона. (8) Мужа своей сестры Сервиана, которому было уже девяносто лет, он принудил умереть, боясь, как бы тот не пережил его. (9) Наконец, он преследовал вольноотпущенников и некоторых вои-

нов. (10) Несмотря на то что он очень легко произносил речи и писал стихи и был сведущ во всех искусствах, он всегда насмехался над специалистами во всех искусствах, считая себя учение их, презирая их, унижал. (11) С этими самыми специалистами и философами он часто соревновался, со своей стороны выпуская книги и стихотворения. (12) Когда однажды он стал порицать какое-то выражение, употребленное Фаворином, последний согласился с ним. Друзья упрекнули его за то, что он напрасно согласился с Адрианом относительно выражения, которое употребляли хорошие авторы. Ответ Фаворина вызвал веселый смех. (13) Он сказал: «Вы даете мне неправильный совет, друзья, если не позволяете мне считать самым ученым среди всех того, кто командует тридцатью легионами».

XVI. (1) Адриан так жаждал громкой славы, что книги о собственной жизни, написанные им самим, он передал своим образованным вольноотпущенникам, для того чтобы они издали их от своего имени; ведь говорят, что и книги Флегонта написаны Адрианом. (2) Подражая Антимаху, он написал очень темные по смыслу книги «Катаханны». (3) Поэту Флору, который написал ему:

*Цезарем быть не желаю,
По британцам всяким шлаться,
..... укрываться,
От снегов страдая скифских, —*

(4) он в ответ написал:

*Флором быть я не желаю,
По трактирам всяким шлаться,
По харчевням укрываться,
От клопов страдая круглых.*

(5) Кроме того, он любил старинный стиль, любил выступать с контрверсами. (6) Цицерону он предпочитал Катона, Вергилию — Энния, Саллюстию — Целия; с такой же самоуверенностью он судил о Гомере и Платоне. (7) Он был столь большого мнения о своих познаниях в астрологии, что в январские календы делал запись обо всем том, что могло произойти с ним в течение всего года, и в тот год, когда он погиб, он написал все, что он будет делать до самого часа своей смерти. (8) Несмотря на свою склонность бранить музыкантов, трагиков, комиков, грамматиков, риторов, ораторов, он всех специалистов удостаивал высоких почестей и делал богатыми, хотя и приводил их в смущение своими вопросами. (9) И хотя он сам был виноват в том, что многие уходили от него опечаленными, он говорил, что ему тяжело видеть кого-либо печальным. (10) Особенно близкими были ему философы Эпиктет и Гелиодор, а также — чтобы не называть их поименно — грамматика, риторы, музыканты, геометры, художники, астрологи; но выше всех, как говорят, он ставил Фаворина. (11) Ученых, которые явно не подходили для своей профессии, он делал богатыми и удостаивал почестей, но отстранял от их профессиональных занятий.

XVII. (1) Врагов, которых он имел в бытность свою частным человеком, он, став императором, стал презирать настолько, что одному, который был его смертельным врагом, он, став императором, сказал: «Ты спасся». (2) Тем, кого он сам звал на войну, он всегда давал коней, мулов, одежды, деньги на расходы и все вооружение. (3) В праздники Сатурналий и Сигиллярый он часто посылал друзьям, даже не ожидавшим этого, подарки, сам охотно получал их, в свою очередь,

посылал другие. (4) Чтобы обнаружить обманы своих закупщиков, он приказывал, если его гости размещались на многих сиграх, — подавать ему блюда с других столов, даже с последних. (5) Всех царей он превзошел своими подарками. Он часто мылся со всеми в общественных банях. (6) Известен следующий забавный случай в бане. Как-то раз он увидел, как один ветеран, которого он знал по военной службе, терся спиной и другими частями тела о стену. Осведомившись, почему он трется о мрамор, и услышав, что делает это потому, что у него нет раба, Адриан подарил ему и рабов и деньги. (7) На следующий день, когда многие старики с целью вызвать государя на щедрость стали тереться о стены, он велел позвать их к себе и приказал им растирать друг друга. (8) Он очень выставлял напоказ свою любовь к простому народу. Он страстно любил путешествия: со всем тем, о чем он читал относительно разных мест по всему кругу земель, он хотел познакомиться, увидав своими глазами. (9) К холоду и жаре он был вынослив настолько, что никогда не покрывал головы. (10) Многим царям он оказывал очень большие почести, а у многих даже покупал мир; некоторые цари относились к нему с презрением. (11) Многим он дал непомерные подарки, но самые большие — царю иберов, которому, сверх великолепных даров, он подарил еще слона и когорту в пятьдесят человек. (12) Получив от Фарасмана огромные подарки и в их числе также золоченые хламиды, он — в насмешку над его дарами — выпустил на арену триста преступников в золоченых хламидах.

XVIII. (1) Разбирая судебные дела, он привлекал в свой совет не только своих друзей и приближенных, но и знатоков права, в первую оче-

редь — Ювенция Цельза, Сальвия Юлиана, Нерация Приска и других, однако только одобренных всем сенатом. (2) Между прочим, он постановил, чтоб ни в какой общине ни один дом не разрушался с целью перенесения его в другой город ради получения дешевого материала. (3) Детям тех, чье имущество подвергалось конфискации, он оставлял одну двенадцатую часть имущества. (4) Процессов по обвинению в оскорблении величества он не допускал. (5) Наследств от незнакомых ему людей он не принимал, равно как и от знакомых, если у них были дети. (6) Относительно кладов он постановил так: если кто найдет клад на своей земле, пусть сам и владеет им; если же на чужой, пусть даст половину владельцу земли; если на государственной, пусть разделит пополам с императорским казначейством. (7) Он запретил господам убивать рабов и предписал судьям выносить приговор, если рабы того заслужили. (8) Он запретил продавать без объяснения причин раба или служанку своднику или содержателю гладиаторской школы. (9) Расточителей своего имущества, если они были правоспособны, он приказывал сечь в амфитеатре, а затем отпускать. Рабочие тюрьмы для рабов и свободных людей он упразднил. (10) Он разделил бани на мужские и женские. (11) Согласно его предписанию, если господин был убит у себя в доме, следствие производилось не обо всех рабах, а только о тех, которые, находясь поблизости, могли услышать.

XIX. (1) Будучи императором, он исполнял должность претора в Этрурии. В городах Лация он был диктатором, эдилом и дуумвиром, в Неаполе — демархом, в своем родном городе — членом коллегии пятнадцати, также и в Адрии членом коллегии пятнадцати, словно это был его второй родной

город, в Афинах — архонтом. (2) Почти во всех городах он что-нибудь построил и давал игры. (3) В Афинах он показал на стадионе охоту на тысячу диких зверей. (4) Из Рима он никогда не вызывал ни одного охотника на диких зверей или актера. (5) В Риме после многих превосходящих всякие границы развлечений для народа он роздал в честь своей тещи в подарок народу благовония; в честь Траяна он велел разлить по ступенькам театра бальзам и эссенцию шафрана. (6) В театре он по старинному обычаю ставил пьесы всякого рода и предоставил дворцовых актеров в распоряжение народа. (7) В цирке при нем убивали много диких животных и часто даже по сто львов. (8) Он часто устраивал перед народом военные танцы — пиррихи. Сам он часто смотрел на гладиаторские бои. (9) Возводя повсюду бесконечное количество сооружений, он, однако, никогда не писал на них своего имени, за исключением храма отца своего — Траяна. (10) В Риме он восстановил Пантеон, ограждения, базилику Нептуна, множество священных зданий, форум Августа, бани Агриппы; все эти сооружения он посвятил собственным именам их создателей. (11) Но от своего имени он выстроил мост, гробницу около Тибра и храм Доброй богини. (12) Он перенес Колосс с того места, на котором теперь находится храм Рима, причем архитектор Декриан поднял его в стоячем положении на воздух; потребовалось применение огромной силы, так что на эту работу пришлось употребить даже труд двадцати четырех слонов. (13) Он посвятил это изображение Солнцу, удалив голову Нерона, которому раньше была посвящена эта статуя. Другое такое же сооружение он задумал создать в честь Луны, поручив это дело архитектору Аполлодору.

XX. (1) В беседах с людьми даже очень низкого звания он проявлял исключительную любезность и ненавидел тех, кто неодобрительно относился к этому доставлявшему ему удовольствие, проявлению человечности под тем предлогом, будто они оберегают достоинство государя. (2) В Александрии, в Музее он поставил специалистам много вопросов, и на эти поставленные им вопросы сам же ответил. (3) Марий Максим говорит, что по природе он был жесток и только потому выказывал так много доброты, что боялся, как бы с ним не случилось того же, что с Домицианом. (4) Несмотря на то что он не любил делать надписи на общественных сооружениях, он много городов назвал Адрианополями, как, например, Карфаген и одну часть Афин. (5) Своим же именем он обозначил бесконечное количество водопроводов. (6) Он первый назначил адвоката императорского казначейства. (7) Он отличался необыкновенной памятью, огромными ораторскими способностями; он сам и речи свои диктовал, и отвечал на все вопросы. (8) Сохранилось множество его шуток — ведь он был очень колким. Из них получила известность одна: одному человеку, у которого голова уже седела, он в чем-то отказал; когда тот, покрасив волосы, вторично обратился к нему с просьбой, он ответил: «Я уже отказал в этом твоему отцу». (9) Очень многих людей он называл по имени без помощи номенклатора, хотя слышал их имена только один раз, притом вместе со многими другими; очень часто он даже поправлял номенклаторов, когда те ошибались. (10) Он называл и имена ветеранов, которых давно уже отпустил в отставку. Книги, недавно им прочитанные и неизвестные большинству, он цитировал на па-

мать. (11) Он одновременно писал, диктовал, слушал и разговаривал с друзьями [если этому можно верить]. Всю государственную отчетность он знал так, как ни один отец семейства, как бы старателен он ни был, не знает своих домашних расходов. (12) Он так любил лошадей и собак, что сооружал им гробницы. (13) В одном месте он основал Адрианотеры, потому что там он удачно охотился и как-то убил медведицу.

XXI. (1) По поводу всех судебных дел он всегда производил тщательные разыскания обо всех обстоятельствах до тех пор, пока не обнаруживал истину. (2) Он не хотел, чтобы его вольноотпущенники пользовались известностью в обществе и оказывали на него самого какое-либо влияние. По его словам, он ставил в вину предшествовавшим государям пороки их вольноотпущенников; всех своих вольноотпущенников, которые хвастались своим влиянием на него, он присуждал к наказанию. (3) С этим связан и следующий, показывающий его суровость по отношению к рабам, но почти смехотворный случай. Увидев как-то, что его раб гуляет между двумя сенаторами, он послал человека, чтобы тот дал ему пощечину и сказал: «Не гуляй с теми, чьим рабом ты еще можешь стать». (4) Из блюд он особенно любил так называемый тетрафармакон — кушание, составленное из фазана, свиного вымени, окорока и хрустящего пирожка. (5) В его правление были голод, моровая язва, землетрясения; во всех этих несчастьях он проявлял заботливость, и многим городам, опустошенным этими бедствиями, он приходил на помощь. (6) Было также наводнение от разлива Тибра. (7) Многим городам он дал латинское право, многие освободил от налогов. (8) При нем совсем не было важных военных походов; войны также

заканчивались почти без шума. (9) Он был очень любим воинами за свою исключительную заботу о войске и за то, что по отношению к ним он был очень щедр. (10) С парфянами он всегда был в дружбе, потому что удалил от них царя, которого дал им Траян. (11) Армянам он позволил иметь своего царя, тогда как при Траяне у них был римский легат. (12) От жителей Месопотамии он не требовал дани, которую наложил на них Траян. (13) В албанцах и иберах он имел верных друзей, так как их царей он щедро одарил, хотя они и отказались прибыть к нему. (14) Цари бактрийцев отправили к нему послов с мольбой о заключении дружбы.

XXII. (1) Он часто назначал опекунов. Гражданскую дисциплину он поддерживал не менее строго, чем военную. (2) Сенаторам и римским всадникам он приказал появляться среди публики в тоге, за исключением тех случаев, когда они возвращались с пира. (3) Сам он, находясь в Италии, всегда носил тогу. (4) Приходивших к нему на пир сенаторов он принимал стоя. За столом он возлежал всегда либо покрывшись греческим плащом, либо спустив с плеча тогу. (5) С тщательностью судьи он назначал расходы на пиры и свел их к древней норме. (6) Он запретил въезд в Рим с непомерно нагруженными повозками. В городах он не позволял ездить верхом. (7) До восьмого часа он никому, кроме больных, не позволял мыться в банях. (8) Он был первым императором, имевшим на должностях секретаря и докладчика по прошениям римских всадников. (9) Тех, кого он видел бедными, если это были честные люди, он без их просьб обогащал, но ненавидел тех, кто разбогател благодаря хитрости. (10) Римские священные обряды он

выполнял самым тщательным образом, а иноземные презирал. Он исполнял обязанности понтифика. (11) И в Риме, и в провинциях он часто разбирал судебные дела, привлекая в свой совет консулов, преторов и лучших из сенаторов. (12) Он спустил воды Фуцинского озера. (13) Он назначил четверых консуляров судьями для всей Италии. (14) Когда он прибыл в Африку, то к его приезду — впервые за пять лет — пошел дождь; африканцы полюбили его за это.

XXIII. (1) Объехав все части мира с открытой головой и часто при сильнейших дождях и холодах, он захворал и должен был слечь в постель. (2) Обеспокоенный вопросом о своем преемнике, он сначала подумал о Сервиане, которого потом, как мы сказали, он принудил умереть. (3) Фуска он глубоко возненавидел за то, что тот на основании предсказаний и знамений надеялся на получение императорской власти. (4) Обуреваемый подозрениями, он с ненавистью относился к Платорию Непоту, которого он прежде любил так сильно, что, придя к нему во время его болезни и не будучи к нему допущен, оставил это безнаказанным; (5) ненавидел он и Теренция Генциана, и даже сильнее, так как видел, что тот любим сенатом. (6) Наконец, всех, кому он думал передать императорскую власть, он возненавидел как будущих императоров. (7) Однако всю силу своей природной жестокости он сдерживал до тех пор, пока в Тибуртинской вилле кровоистечение чуть было не довело его до гибели. (8) Тогда, недолго думая, он принудил Сервиана как домогающегося императорской власти умереть за то, что тот послал обед царским рабам, за то, что он сел в стоявшее у ложа царское кресло, за то, что он, девяносто-

летний старец, держась прямо, подходил к воинским сторожевым постам. Он лишил жизни и многих других либо открыто, либо коварным образом. (9) Скончалась и жена его Сабина, и дело не обошлось без толков о том, что Адриан дал ей яд. (10) Тогда он решил усыновить Цейония Коммода, зятя того Нигрина, который некогда готовил покушение; рекомендацией его в глазах Адриана послужила только его красота. (11) Таким образом, ко всеобщему неудовольствию он усыновил Цейония Коммода Вера и назвал его Цезарем Элием Вером. (12) По случаю его усыновления он устроил цирковые игры и роздал народу и воинам денежные подарки. (13) Он удостоил его звания претора и тотчас же поставил его во главе Паннонии, назначив его консулом и дав средства на расходы. Этому же Коммода он вторично наметил в консулы. (14) Он видел, что Вер — человек слабого здоровья, и не раз говаривал: «Мы оперлись на шаткую стену и потеряли четыреста миллионов сестерциев, которые мы роздали народу и воинам по случаю усыновления Коммода». (15) Ввиду состояния своего здоровья Коммод не мог даже произнести в сенате благодарственной речи Адриану за свое усыновление. (16) Наконец, приняв — вследствие ухудшения своего состояния — более сильную дозу противоядия против болезни, он умер во время сна в самые январские календы. Поэтому Адриан запретил оплакивать его ввиду приближения дня добрых пожеланий.

XXIV. (1) После смерти Цезаря Элия Вера Адриан — ввиду плачевного состояния своего здоровья — усыновил Аррия Антонина, который впоследствии был назван Пием, но с тем условием, чтобы тот усыновил двоих — Анния Вера и Марка

Антонина. (2) Это были те, которые впоследствии вдвоем в качестве Августов впервые управляли государством совместно. (3) Антонин, говорят, был назван Пием за то, что поддерживал своей рукой тестя, отягощенного бременем лет. (4) Другие, впрочем, говорят, что такое прозвище было присвоено ему за то, что он спас многих сенаторов от свирепости Адриана, (5) а по объяснению иных, — за то, что он воздал Адриану после его смерти великие почести. (6) Усыновление Антонина очень многих тогда огорчило, особенно Катилия Севера, префекта Рима, который подготовлял для себя путь к императорской власти. (7) Когда об этом стало известно, он был смещен и лишен звания. (8) Адриан, которому жизнь уже совсем опостылела, велел рабу пронзить его мечом. (9) Когда весть об этом распространилась и дошла до Антонина, то к Адриану явились префекты и его сын с просьбами, чтобы он стойко переносил неизбежную болезнь, причем Антонин говорил, что он окажется отцеубийцей, если, будучи им усыновлен, допустит, чтобы Адриан был убит. (10) Разгневанный на них, Адриан велел казнить того, кто выдал его намерение, но этот человек был спасен Антонином. (11) Адриан немедленно написал свое завещание и не переставал заниматься государственными делами. (12) И после завещания он сделал попытку покончить с собой; когда у него отняли кинжал, он сделался еще более свирепым. (13) Он просил и яда у своего врача, но тот, чтобы не дать ему, убил самого себя.

XXV. (1) В это время появилась какая-то женщина, которая говорила, будто во сне ей было дано указание сообщить Адриану, чтобы он не убивал себя, так как здоровье к нему вернется; не выполнив этого указания, она ослепла. Однако ей

вторично было дано повеление сказать об этом Адриану и поцеловать его колени; к ней вернется зрение, если она это сделает. (2) Выполнив полученное во сне повеление, она вновь обрела зрение, после того как омыла свои глаза водой, бывшей в том святилище, откуда она пришла. (3) И из Паннонии пришел к Адриану, которого мучила лихорадка, какой-то древний слепец и прикоснулся к нему. (4) После этого и сам он прозрел, и Адриана покинула лихорадка. Впрочем, Марий Максим говорит, что это было нарочно подстроенно. (5) После этого Адриан уехал в Байи, оставив в Риме для управления Антонина. (6) Так как ему там не стало легче, он вызвал к себе Антонина и на глазах у него умер в самих Байях за пять дней до июльских ид. (7) Ненавидимый всеми, он был похоронен в имении Цицерона в ПUTEОЛАХ. (8) Незадолго до своей смерти он принудил умереть, как сказано выше, девяностолетнего Сервиана, боясь, что тот его переживет и станет, как он думал, императором. За незначительные проступки он велел убить множество других людей, которых Антонин, однако, спас. (9) Умирая, он, говорят, написал такие стихи:

*Душа моя, скиталица,
И тела гостья, спутница,
В какой теперь уходишь ты,
Унылый, мрачный, голый край,
Забыв веселость прежнюю.*

(10) Подобные же стихи, ничуть не лучшие, написал он и по-гречески. (11) Он прожил шестьдесят два года, пять месяцев, семнадцать дней, был императором двадцать один год и одиннадцать месяцев.

XXVI. (1) Он был высокого роста, отличался внешним изяществом, завивал с помощью гребня свои волосы, отпустил бороду, чтобы скрыть природные недостатки лица, имел крепкое телосложение. (2) Он очень много ездил верхом и ходил пешком, всегда проделывал упражнения с оружием и копьём. (3) На охоте он очень часто собственноручно убивал львов. На охоте же он сломал себе ключицу и ребро. Охотничью добычу он всегда делил с друзьями. (4) На пирах он, смотря по обстоятельствам, показывал трагедии, комедии, ателланы, выпускал арфисток, чтецов, поэтов. (5) Свою Тибуртинскую виллу он отстроил удивительным образом: отдельным ее частям он дал наиболее славные названия провинций и местностей, например, Ликей, Академия, Пританей, Канон, Расписная галерея, Темнейская долина. И чтобы ничего не пропустить, он сделал там даже подземное царство. (6) Предзнаменования его смерти были следующие: когда он в последний раз праздновал день своего рождения и молился за Антонина, его претекста сама соскользнула с его головы и открыла ее. (7) Перстень, на котором было вырезано его изображение, сам собой упал с пальца. (8) Перед днем его рождения кто-то вошел в сенат с воплями: это взволновало Адриана так, как будто тот говорил о его смерти, хотя слов никто разобрать не мог. (9) Когда Адриан хотел сказать в сенате: «После смерти моего сына», — он сказал: «После моей смерти». (10) Кроме того, он видел во сне, будто он получил от отца снотворное питье. Он видел также во сне, будто его задушил лев.

XXVII. (1) После его смерти многие говорили о нем много дурного. Сенат хотел объявить не-

действительными его постановления. (2) Он не был бы назван божественным, если бы об этом не просил Антонин. (3) Наконец, он выстроил ему храм в ПUTEОЛАХ вместо гробницы, учредил пятилетние игры, назначил фламинов, товарищество жрецов и многое другое, что связано с почитанием божественного существа. (4) Многие, как сказано выше, считают, что по этой причине Антонин и был назван Пием.

Юлий Капитолин

**АНТОНИН
ПИЙ**

I. (1) Род Тита Аврелия Фульвия Бойония Антонина Пия со стороны отца происходил из Трансальпийской Галлии, именно из города Немауза. (2) Его дедом был Тит Аврелий Фульвий, который, пройдя по всем ступеням почетных должностей, был два раза консулом и, наконец, префектом Рима. (3) Его отец Аврелий Фульвий, который тоже был консулом, отличался суровостью и неподкупностью. (4) Его бабкой со стороны матери была Бойония Процилла, а матерью Аррия Фадилла. Дедом со стороны матери был Аррий Антонин, два раза бывший консулом, человек безупречный, который жалел Нерву, когда последнему пришлось стать императором. (5) Его единокровной сестрой была Юлия Фадилла; (6) его отчимом — консуляром Юлий Луп, а тестем Анний Вер. (7) Женат он был на Аннии Фаустине. У него было двое сыновей и две дочери; зятем, мужем старшей дочери, был Ламия Сильван, а младший — Марк Антонин. (8) Сам Антонин Пий родился в ланувийском имении, за двенадцать дней до октябрьских календ, в консульство Домициана (двенадцатое) и Корнелия Долабеллы. Он был воспитан в Лории, по Аврелиевой дороге, где ввос-

ледствии он выстроил себе дворец, остатки которого сохранились еще и донныне. (9) Свое детство он провел сначала с дедом с отцовской стороны, а затем — с дедом с материнской стороны. Он с такой благоговейной любовью относился ко всем своим родственникам, что даже его двоюродные братья, его отчим и многие его близкие оставили ему по завещанию наследства, и он стал богат.

II. (1) Он выделялся своей наружностью, славился своими добрыми нравами, отличался благородным милосердием, имел спокойное выражение лица, обладал необыкновенными дарованиями, блестящим красноречием, превосходно знал литературу, был трезв, прилежно занимался возделыванием полей, был мягким, щедрым, не посягал на чужое, — при всем этом у него было большое чувство меры и отсутствие всякого тщеславия. (2) Наконец, он во всех отношениях был достоин похвалы, и его вполне заслуженно сравнивают — на основании суждения хороших людей — с Нумой Помпилием. (3) Он получил от сената прозвание «Пий» либо за то, что на глазах сената протянул руку, чтобы поддержать своего тестя, удрученного возрастом (что, впрочем, не может служить доказательством великого благочестия, так скорее был бы нечестивым тот, кто этого не сделал бы, чем проявил благочестие тот, кто этим выполнил свой долг); (4) либо за то, что сохранил жизнь тем, кого во время своей болезни велел казнить Адриан; (5) либо за то, что после смерти Адриана он — наперекор общему настроению — постановил оказать ему бесконечные и безмерные почести; (6) либо за то, что когда Адриан хотел наложить на себя руки, он не допустил этого, установив необыкновенно тщательное наблюдение

за ним; (7) либо, наконец, за то, что он был от природы действительно очень милосердным и во время своего правления не совершил ни одного жестокого поступка. (8) Он брал треть процента в месяц, то есть самый малый процент, так что очень многим оказывал помощь своим собственным имуществом. (9) В должности квестора он проявил щедрость, пышно справил свое преторство; консулом он был вместе с Катилием Севером. (10) В бытность свою частным человеком он жил большей частью вне города, но повсюду пользовался известностью. (11) В число четырех консуляров, которым было поручено управление Италией, Адриан включил и его и поставил во главе той части страны, где у него были обширные владения: так Адриан позаботился одновременно и об оказании почести такому мужу, и о его спокойствии.

III. (1) Когда он управлял Италией, ему было дано знамение ожидавшей его императорской власти. Когда он поднялся на трибуну, то среди других возгласов было сказано: «Август, да хранят тебя боги!». (2) В свое проконсульство в Азии он вел себя так, что был единственным, превзошедшим своего деда. (3) Во время своего проконсульства он получил следующее предзнаменование ожидавшей его императорской власти: жрица в Траллах, которая по обычаю приветствовала проконсулов, называя эту их должность, обращаясь к нему, сказала не: «Будь здрав, проконсул», а: «Будь здрав, император». (4) Также и в Кизике венок с изображением бога был перенесен на его статую. (5) И после его консульства мраморный бык, поставленный в саду, повис рогами на поднявшихся ветвях дерева. Затем молния в ясный

день ударила в его дом, не причинив вреда. В Этрурии сосуды, зарытые в землю, были найдены на поверхности земли. Во всей Этрурии рои пчел покрыли его статуи. В сновидениях он часто получал указания поставить среди своих пенатов изображение Адриана. (6) Когда он отправлялся для исполнения должности проконсула, он потерял свою старшую дочь. (7) О его жене было много разговоров из-за ее слишком свободного и легкомысленного образа жизни, но он положил им конец, хотя и страдал в глубине души. (8) После своего проконсульства он часто высказывался в Риме на совещаниях у Адриана по поводу всего того, о чем Адриан просил совета, и его суждения были всегда очень мягкими.

IV. (1) Вот как, говорят, произошло его усыновление: после смерти Элия Вера, которого усыновил Адриан и которого он нарек Цезарем, было назначено заседание сената. (2) Туда пришел и Аррий Антонин, помогая идти своему тестю, и за это, говорят, он был усыновлен Адрианом. (3) Но это совсем не могло и не должно было быть единственной причиной усыновления, так как Антонин хорошо выполнял свои обязанности по отношению к государству и во время своего проконсульства был безупречен и серьезен. (4) Когда Адриан официально заявил о своем намерении усыновить его, Антонину был дан срок подумать, согласен ли он стать сыном Адриана. (5) Условия для этого усыновления были поставлены следующие: подобно тому, как Адриан усыновляет Антонина, последний должен усыновить Марка Антонина, сына брата своей жены, и сына усыновленного Адрианом Элия Вера — Луция Вера, который впоследствии был назван Вером

Антонином. (6) Антонин был усыновлен за четыре дня до мартовских календ, произнес в сенате благодарственную речь Адриану за такое доброе к себе отношение (7) и был объявлен со товарищем императора в проконсульской власти и трибунских полномочиях. (8) Первым его выказыванием в новом положении, говорят, было следующее: когда жена стала упрекать его в том, что он по какому-то поводу проявил мало щедрости по отношению к своим, он сказал ей: «Глупая, после того как нас призвали к управлению империей, мы потеряли и то, что мы имели раньше». (9) Он произвел раздачу воинам и народу из собственных средств и выдал то, что обещал его отец. (10) Он внес крупные суммы для окончания работ, начатых Адрианом, а вечное золото, назначенное в качестве налога по поводу его усыновления, он отменил целиком для италийцев и наполовину для провинциалов.

V. (1) Отцу, пока тот был жив, он повиновался с величайшим благоговением. Когда же Адриан умер в Байях, его останки он благочестиво и с почетом перевез в Рим и поместил в садах Домиции. Несмотря на всеобщее неудовольствие, он причислил его к богам. (2) Он позволил сенату назвать его жену Фаустину Августой. Сам он принял прозвание Пия. Он охотно согласился с предложением сената поставить статуи его отцу, матери, дедам и братьям, уже умершим. Он не отказался от цирковых игр, назначенных в честь дня его рождения, но отклонил все прочие почести. Он посвятил великолепный щит Адриану и назначил для него жрецов. (3) Став императором, он не сменил никого из тех, кого выдвинул Адриан, и этого правила он так твердо держался, что

задерживал в провинциях по семи и по девяти лет хороших наместников. (4) Руками своих легатов он вел очень много войн. Легат Лоллий Урбик победил британцев и, оттеснив варваров, провел новый, покрытый дерном земляной, вал. Он заставил мавров просить мира. Действуя через своих наместников и легатов, он разбил германцев, даков и много других племен, а также поднявших восстание иудеев. (5) В Ахайе и Египте он также подавил восстание. Он не раз обуздывал аланов, когда они приходили в движение.

VI. (1) Он приказал своим прокураторам проявлять умеренность при сборе податей, а с тех, кто превышал меру, он требовал отчета в их действиях и никогда не радовался выгоде, если она была связана с притеснениями провинциалов. (2) Он охотно выслушивал людей, жаловавшихся на его прокураторов. (3) Для тех, кого осудил Адриан, он попросил у сената прощения, говоря, что сам Адриан сделал бы это. (4) Высоту императорской власти он соединил с величайшей любезностью, что еще больше усилило ее к неудовольствию придворных слуг, которые при государе, делавшем все без посредников, не могли уже запугивать людей и продавать то, что не было тайной. (5) Будучи императором, он оказывал сенату такое уважение, какое он хотел бы видеть по отношению к себе со стороны другого императора в бытность свою частным человеком. (6) Поднесенное ему сенатом имя отца отечества, принятие которого он сначала отложил, он затем принял», выразив при этом глубокую признательность. (7) На третьем году своего правления он потерял свою жену Фаустину. Сенат обожествил ее, назначив в ее честь цирковые игры, храм и флами-

нок, золотые и серебряные статуи, причем он даже сам разрешил выставлять ее изображение во время всех цирковых представлений. (8) Когда была поставлена назначенная ему сенатом золотая статуя, он согласился принять ее. (9) По просьбе сената, он назначил консулом квестора Марка Антонина. (10) Анния Вера, который потом был назван Антонином, он раньше срока наметил в квесторы. (11) Ни относительно провинций, ни по поводу каких-либо других дел он не выносил никаких решений, не поговорив предварительно со своими друзьями, и формулировал свои решения, сообразуясь с их мнениями. (12) Друзья видели его в одежде частного человека, среди занятий своими домашними делами.

VII. (1) Он управлял подчиненными ему народами с большой заботливостью, опекая всех и все, словно это была его собственность. (2) Во время его правления все провинции процветали. Ябедники исчезли. (3) Конфискация имущества происходила реже, чем когда бы то ни было, так что только один человек, обвиненный в стремлении к тирании, был объявлен вне закона: это был Атилий Тициан, причем так наказал его сенат. Император запретил производить розыск относительно его соучастников, а его сыну он всегда оказывал помощь во всем. (4) Погиб и Присциан, обвиненный в стремлении к тирании, но добровольной смертью. Производить дальнейшее расследование по поводу этого заговора император запретил. (5) Образ жизни Антонина Пия был богатым, но не вызывал нареканий, бережливым, но без скупости. Стол его обслуживали его собственные рабы, собственные птицеловы, рыболовы и охотники. (6) Баню, которой он ког-

да-то пользовался сам, он предоставил в бесплатное пользование народу и вообще не внес никакого изменения в обиход своей частной жизни. (7) Многих он лишил содержания, именно тех, кто, как он видел, получают, ничего не делая: он говорил, что самое недостойное, самое возмутительное — это если кто-нибудь объедает государство, сам не принося ему никакой пользы своим трудом. (8) Вследствие этого он уменьшил содержание лирическому поэту Месомеду. Отчетность всех провинций и отчетность по налогам он знал с большой точностью. (9) Свое собственное имущество он закрепил за дочерью, но доходы с него подарил государству. (10) Лишние предметы роскоши из императорского дворца и поместья он продал и жил в своих собственных усадьбах попеременно, сообразуясь с временем года. (11) Он не предпринимал никаких поездок; отправился он только в свои земли и в Кампанию, говоря, что для провинциалов содержание спутников государя, даже очень бережливого, является тягостным. (12) Несмотря на то, что он оставался в Риме — с той целью, чтобы, находясь в центре, возможно скорее получать отовсюду известия, — он все же пользовался огромным авторитетом у всех народов.

VIII. (1) Он произвел раздачу народу, увеличил размер денежного подарка воинам. Он учредил в честь Фаустины «Фаустининских девочек», получавших содержание от государства. (2) Имеются следующие его сооружения: в Риме — храм Адриана, посвященный памяти отца; Грекостадий, восстановленный после пожара; отремонтированы амфитеатр, гробница Адриана, храм Агриппы, мост на сваях; (3) восстановление Фароса, гавань

в Кайете, восстановление Тетрацинской гавани, баня в Остии, водопровод в Анции, храмы в Ланувии. (4) Многим городам он оказал денежную помощь для того, чтобы они либо выстроили новые сооружения, либо восстановили старые. Равным образом он оказывал поддержку должностным лицам и сенаторам в Риме, чтобы они могли выполнять свои обязанности. (5) Наследства от тех, у кого были дети, он отвергал. Он первый постановил, чтобы отказ по завещанию, связанный с наказанием, был недействительным. (6) Ни одного хорошего судью он не сменил при его жизни, за исключением префекта Рима Орфита, и то по его просьбе. (7) Так, в его правление Гавий Максим, человек очень суровый, был префектом претория в течение двадцати лет. Преемником его был Таций Максим. (8) После смерти последнего император назначил на его место двух префектов — Фабия Репентина и Корнелия Викторина. (9) Но Репентин был заклеямен народной молвой за то, что он достиг должности префекта с помощью наложницы государя. (10) В его правление ни один сенатор не был казнен и даже сознавшийся отцеубийца был отправлен на пустынный остров, так как — согласно законам природы — ему нельзя уже было жить. (11) Недостаток в вине, масле и муке он прекратил тем, что с убытком для собственной казны покупал и даром раздавал все это народу.

IX. (1) В его времена произошли следующие бедствия: голод, о котором мы упоминали, обвал цирка, землетрясение, разрушение городов на Родосе и в Азии; все эти города он восстановил изумительным образом. В Риме произошел пожар, который поглотил триста сорок доходных домов и

особняков. (2) Горели и город Нарбона, и город Антиохия, и карфагенский форум. (3) Было также и наводнение от разлива Тибра. Появилась звезда с хвостом, родился ребенок о двух головах, а одна женщина родила сразу пятерых детей. (4) В Аравии видели змею больше обычных размеров и с гребнем, которая сама себя пожрала от хвоста до середины туловища. Была в Аравии и чума. В Мезии на вершинах деревьев вырос ячмень. (5) В Аравии четверо львов, словно ручные, добровольно дали себя поймать. (6) Царь Фарасман прибыл к Антонину в Рим и проявил к нему больше уважения, чем к Адриану. Лазам он дал царем Паркора. Одним только своим письмом он удержал парфянского царя от нападения на армян. Действуя только своим авторитетом, он заставил царя Абгара удалиться от восточных областей империи. (7) Он прекратил споры между царями. Парфянскому царю, требовавшему возвращения царского трона, захваченного Траяном, он решительно отказал. (8) Разобрав спорное дело между Реметалком и Евпатором, он отослал первого в Боспор на царство. (9) Ольвийцам он послал на помощь войска в Понт против тавроскифов и, победив последних, заставил их дать заложников ольвийцам. (10) Конечно, такого авторитета у иноземных народов никто до него не имел, хотя он всегда любил мир в такой степени, что часто повторял слова Сципиона, говорившего, что лучше сохранить жизнь одному гражданину, чем убить тысячу врагов.

Х. (1) Сенат постановил назвать месяцы сентябрь и октябрь антонином и фаустином, но Антонин отверг это. (2) Свадьбу своей дочери Фаустины, когда он выдавал ее за Марка Антонина,

он справил с особенным блеском, — даже выдал денежный подарок воинам. (3) Вера Антонина после его квесторства он назначил консулом. (4) Вызвав из Халкиды Аполлония, он пригласил его в дом Тиберия, в котором он сам жил, чтобы поручить ему обучение Марка Антонина. Когда Аполлоний сказал: «Не учитель должен приходить к ученику, а ученик к учителю», — император высмеял его, говоря: «Аполлонию легче было явиться из Халкиды в Рим, чем из своего дома во дворец». Упрекнул он его и в жадности, которую проявил Аполлоний, назначая себе плату. (5) Среди многих других доказательств его душевной теплоты приводят еще и такое: когда Марк оплакивал смерть своего воспитателя и придворные слуги уговаривали его не выказывать открыто своих чувств, император сказал: «Дозвольте ему быть человеком; ведь ни философия, ни императорская власть не лишают человека способности чувствовать». (6) Своих префектов он сделал богатыми людьми и одарил знаками консульского достоинства. (7) Детям тех, кого он осудил за вымогательство, он возвращал отцовское имущество, но с тем условием, что они вернут провинциалам то, что отняли у последних их отцы. (8) Он был очень склонен оказывать милости. (9) Были даны зрелища, во время которых он показал слонов, гиен, тигров, носорогов, а также крокодилов и гиппопотамов, — словом, всяких животных со всего круга земель вместе с тиграми. Он выпустил даже сто львов одновременно.

XI. (1) К своим друзьям он, став императором, относился так же, как и в бытность частным человеком, так как и они вместе с его вольноотпущенниками не торговали пустыми обещаниями на

его счет, тем более, что по отношению к своим вольноотпущенникам он проявлял очень большую строгость. (2) Он любил искусство актеров. Он особенно наслаждался рыбной ловлей и охотой, прогулками и беседой с друзьями. Праздник сбора винограда он справлял с друзьями как частный человек. (3) Риторам и философам он назначил во всех провинциях и почести, и содержание. Многие говорили, что те речи, которые известны под его именем, не принадлежат ему, но Марий Максим говорит, что это действительно были его собственные речи. (4) На свои парадные и домашние пиры он всегда приглашал своих друзей (5) и ни одного жертвоприношения не совершал через заместителя, если только не бывал болен. (6) Когда он просил для себя или для своих сыновей каких-нибудь почетных должностей, то поступал во всем как обыкновенный частный человек. (7) И сам он нередко посещал пиры своих друзей. (8) Среди других явных доказательств его доброты рассказывают следующий случай. Осматривая дом Гомулла и удивляясь порфиловым колоннам, он спросил, откуда тот их добыл. Гомулл ответил ему: «Когда приходишь в чужой дом, будь нем и глух», — и эту выходку император терпеливо снес. Много шуток этого Гомулла он терпеливо выслушивал.

ХII. (1) Он установил многое в области права и пользовался указаниями законоведов: Виндия Вера, Сальвия Валента, Волузия Мециана, Ульция Марцелла и Диаболена. (2) Происходившие в разных местах мятежи он прекращал, действуя не жестокими мерами, а кротостью и авторитетом. (3) Он запретил хоронить мертвых в черте города. Он установил размер расходов на глади-

аторские бои. С величайшей тщательностью он поддерживал казенную почту. Обо всем, что он сделал, он давал отчет сенату посредством эдиктов. (4) Он умер на семидесятом году жизни, но печалились о нем так, как будто он погиб юношей. Рассказывают, что его смерть была такая. За обедом он с некоторой жадностью поел альпийского сыру, ночью у него была рвота, а на следующий день его трясла лихорадка. (5) На третий день, видя, что его состояние ухудшается, он в присутствии префектов препоручил государство и свою дочь Марку Антонину и велел перенести к последнему золотую статую Фортуны, которая обычно стояла в спальне императора. (6) Затем он дал трибуну пароль «самообладание» и потом, повернувшись, словно во сне, испустил дух в Лории. (7) Бредя во время лихорадки, он говорил только о государственных делах и о тех царях, на которых он гневался. (8) Свое собственное имущество он оставил своей дочери, но всем своим близким назначил по завещанию порядочное наследство.

XIII. (1) Высокий рост придавал ему представительность. Но так как он был длинным и старым, то стан его согнулся, и он, чтобы ходить прямо, привязывал себе на грудь липовые дощечки. (2) Будучи стариком, он, прежде чем принимать приходивших с утренними приветствиями, ел для поддержания сил хлеб всухомятку. Голос его был хриплым, но громким и приятным. (3) Сенат провозгласил его божественным, причем все единогласно выражали свое согласие, все восхваляли его благочестие, милосердие, природные дарования, безупречность. Ему были назначены все почести, какие раньше присваивались лучшим

государям. (4) Он удостоился и фламина, и цирковых игр, и храма, и товарищества антониновских жрецов. Он — едва ли не единственный из всех государей — прожил, не проливая, насколько это от него зависело, ни крови граждан, ни крови врагов, и его справедливо сравнивают с Нумой, чье счастье, благочестие, мирная жизнь и священнодействия были и его постоянным достоянием.

Юлий Капитолин

ВЕР

I. (1) Знаю, что большинство писателей в своих исторических сочинениях описали жизнь Марка и Вера таким образом, что сначала познакомили читателей с жизнью Вера, имея в виду не ту последовательность, в какой они правили государством, а ту, в какой они жили. (2) Я же — ввиду того, что сначала принял власть Марк, а потом уже и Вер, который, правда, умер раньше Марка, — счел нужным описать сначала жизнь Марка, а затем — Вера. (3) Итак, Луций Цейоний Элий Коммод Вер Антонин, который, по желанию Адриана, был назван Элием, а вследствие усыновления Антонином получил имена Вера и Антонина, не причисляется ни к хорошим государям, ни к дурным. (4) Про него известно, что он не выделялся особыми пороками, не отличался и достоинствами. Прожил он, не пользуясь вполне свободно своими правами государя, но находился при Марке, разделяя с последним — на одинаковых и равных правах — императорскую власть. Но распущенность нравов и чрезмерная склонность к разгульной жизни противоречили учению, которому следовал Марк. (5) Ведь он был простодушен и ничего не мог скрывать. (6) Род-

ным отцом Вера был Луций Элий Вер, который, будучи усыновлен Адрианом, первый стал называться Цезарем и, достигнув такого положения, скончался. (7) Деда, прадеды и множество предков Вера были консулярами. (8) Родился Луций в Риме в преторство своего отца, за семнадцать дней до январских календ — это дата рождения Нерона, который достиг высшей власти. (9) Предки его со стороны отца были родом большей частью из Этрурии, а со стороны матери — из Фавенции.

II. (1) Происходя из этого рода, он, после усыновления его отца Адрианом, перешел в род Элиев и по смерти своего отца, Цезаря, оставался в семействе Адриана. (2) Последний велел Аврелию усыновить его, когда, заботясь о будущем своего потомства, он пожелал сделать своим сыном Пия, а внуком — Марка (3) с условием, чтобы Вер женился впоследствии на дочери Пия. Она была выдана за Марка ввиду неподходящего возраста Вера. (4) Вер женился на дочери Марка — Луцилле. Воспитывался Вер в Тибериевом доме. (5) Он слушал латинского грамматика Скавра, сына того Скавра, который был грамматиком у Адриана, греческих грамматиков — Телефа, Гефестиона, Гарпократиона; риторов Аполлония, Целера Каниния и Герода Аттика; латинского ритора — Корнелия Фронтоня; философов — Аполлония и Секста. (6) Всех их он очень любил и сам, в свою очередь, был любим ими, несмотря на то что он не отличался способностями к наукам. (7) Он любил в детстве писать стихи, а впоследствии — речи. Говорят, что он был лучшим оратором, нежели поэтом, а говоря по правде, — он был еще более плохим поэтом, нежели ритором. (8) Кое-кто ут-

верждает, что он пользовался помощью даровитых друзей, а то, что написано им, как бы это ни оценивать, составлено для него другими; говорят, что в его окружении всегда было много красноречивых и образованных людей. (9) Воспитателем его был Никомед. Вер любил удовольствия, отличался чрезмерной веселостью; он был очень склонен ко всякого рода пристойным забавам, играм и шуткам. (10) Достигнув семилетнего возраста, он был переведен в семью Аврелиев и воспитывался там, имея перед глазами нравы и авторитетный пример Марка. Любил он охоту, борьбу в палестре и всякого рода упражнения, принятые у молодежи. (11) Во дворце императора он прожил в качестве частного лица двадцать три года.

III. (1) В тот день, когда Вер получил мужскую тогу, Антонин Пий освятил храм своего отца и проявил щедрость по отношению к народу. (2) Когда Вер в качестве квестора давал народу зрелища, он сидел посередине между Пием и Марком. (3) После своего квесторства Вер сразу же был сделан консулом вместе с Секстием Латераном. Спустя несколько лет он вторично был сделан консулом вместе с братом Марком. (4) Но он долго был не у дел и не пользовался теми почестями, какими был наделен Марк. (5) Так, до своего квесторства он не заседал в сенате; во время путешествия он ехал не с отцом, а с префектом претория; ему не было дано никакого другого почетного звания, как только «сын Августа». (6) Он увлекался цирковыми играми, а также гладиаторскими боями. Несмотря на то, что его обуреала такая страсть к наслаждениям и излишествам, Пий держал его при себе, вероятно, потому, что Адриан, желая называть его своим внуком, при-

казал Пию усыновить его. Вообще Пий, как кажется, проявлял по отношению к нему чувство долга, а не любовь. (7) Однако Антонин Пий любил его простодушие и порядочное поведение и убеждал его следовать также примеру брата. (8) После смерти Пия Марк дал ему все — даже допустил к участию в императорской власти и сделал его своим соправителем, хотя сенат вручил власть ему одному.

IV. (1) Дав ему императорскую власть и предоставив трибунские полномочия, а затем наделив его консульским достоинством, Марк приказал называть его Вером, перенеся на него свое имя, тогда как до этого времени тот назывался Коммодом. (2) Луций, в свою очередь, в делах управления повиновался Марку как легат проконсулу или как наместник императору. (3) На первых порах Марк обращался к воинам с речью от имени обоих, и Вер, помня о совместном управлении, держал себя с достоинством и считался с примером Марка. (4) Но когда он отправился в Сирию, то там опозорил себя не только невоздержанным образом жизни, но и распутством и юношескими любовными похождениями. (5) Говорят также, что впоследствии, по возвращении из Сирии, он дошел до такой распущенности, что устроил у себя дома настоящий кабак, куда ходил даже после пира у Марка, причем его обслуживали там всякого рода мерзкие люди. (6) Рассказывают также, что он ночи напролет играл в кости, усвоив себе этот порок в Сирии, и дошел в своих пороках до того, что мог соперничать с Гаем, Нероном и Вителлием, шатался ночью по кабакам и лупанарам, закрыв голову обыкновенным капюшоном, какой носят в дороге, и пировал с разными про-

ходимцами; затевал драки, скрывая от людей, кто он такой, и часто возвращался домой избитый, с синяками на лице и узанный в кабаках, несмотря на свои старания остаться неизвестным. (7) В трактирах он бросал крупные монеты, чтобы разбить ими чаши. (8) Он любил цирковых наездников, покровительствуя при этом партии зеленых. (9) Он очень часто устраивал во время своих пиров гладиаторские бои, затягивая такие пиры на всю ночь и засыпая на пиршественном ложе, так что его поднимали вместе с подстилками и переносили в спальню. (10) Спал он очень мало, пищеварением обладал очень хорошим. (11) Марк, зная о нем все, делал вид, что ничего не знает, стыдясь упрекать брата.

V. (1) Рассказывают, между прочим, про один замечательный пир, устроенный Вером, на котором, прежде всего, присутствовало двенадцать человек, хотя есть известная поговорка о числе пирующих «Семеро — угощаются, девятеро — ругаются». (2) Каждому из гостей был подарен красивый раб, который прислуживал этому гостю; каждому были подарены распорядитель на пирах и поднос; далее, подарены были живые домашние и дикие птицы, а также четвероногие — тех пород, мясо которых подавалось за столом; (3) каждому были подарены также мурриновые и хрустальные александрийские чаши после каждого их употребления — столько раз, сколько пили; были подарены также золотые и серебряные бокалы, украшенные драгоценными камнями; были подарены даже венки, сплетенные из золотых лент вперемежку с несезонными цветами; были подарены и золотые сосуды с душистыми мазями, имевшие вид алебастровых баночек;

(4) были подарены и повозки вместе с мулицами, погонщиками мулов и серебряной упряжью, чтобы гости возвращались с ними домой. (5) Пир этот обошелся, говорят, в шесть миллионов сестерциев. (6) Когда Марк услышал об этом пире, он, говорят, испустил стон и пожалел о судьбе государства. (7) После пира до рассвета шла игра в кости. (8) Это произошло уже после Парфянской войны, на которую, говорят, Марк отправил его либо для того, чтобы он не бесчинствовал в Риме на глазах у всех, либо — чтобы приучить его во время путешествия к бережливости, либо — чтобы он, пережив ужасы войны, возвратился домой исправившимся, либо — чтобы он понял, наконец, что он — император. (9) Но в какой степени Марк достиг своей цели, — это может показать как образ жизни Вера вообще, так и тот пир, о котором мы рассказали.

VI. (1) О цирковых играх он заботился в такой степени, что часто по поводу их писал из провинции письма и получал ответы. (2) Даже присутствуя в цирке и сидя вместе с Марком, он подвергался оскорблениям со стороны голубых за то, что непристойнейшим образом покровительствовал их противникам. (3) Он сделал себе и носил с собой золотое изображение коня по кличке «Крылатый», принадлежавшего партии зеленых. (4) Он клал в ясли этому коню вместо ячменя изюм и орешки и приказывал покрывать его окрашенным в пурпур военным плащом и в таком виде приводить его к себе в Тибериев дворец. Когда этот конь пал, он соорудил ему гробницу на Ватиканском холме. (5) В честь этого коня впервые стали требовать для коней золотых монет или призов. (6) Конь этот был в таком почете, что

партия зеленых часто требовала для него целый модий золотых. (7) Когда его отправляли на войну против парфян, Марк провожал его до Капуи. Предаваясь пьянству на всех виллах, Вер захворал и слег в Канузии. Брат поспешил туда, чтобы навестить его. (8) Много позорного и недостойного вскрылось в поведении Вера и во время этой войны: (9) когда был убит легат, перебиты легионы, сирийцы замыслили отложиться и Восток подвергался опустошениям, он охотился в Апулии; у Коринфа и Афин он катался по морю с музыкой и пением и задерживался в каждом известном своими удовольствиями приморском городе Азии, Памфилии и Киликии.

VII. (1) Прибыв в Антиохию, он предался роскошному образу жизни. Между тем полководцы — Стаций Приск, Авидий Кассий и Марций Вер — в течение четырех лет закончили Парфянскую войну, дошли до Вавилона, Мидии и завоевали Армению. (2) Вер приобрел прозвание Армянского, Парфянского и Мидийского, и оно же было присвоено Марку, находившемуся в это время в Риме. (3) В продолжение четырех лет Вер проводил зиму в Лаодикее, лето — в Дафне, остальную часть года — в Антиохии. (4) Он был предметом насмешек для всех сирийцев; сохранилось много шуток, сказанных ими на его счет в театре. (5) Во время сатурналий и в другие праздничные дни он всегда пускал выросших в его доме рабов в столовую. (6) Под влиянием уговоров своих приближенных он все же дважды направлялся к Евфрату. (7) Он также вернулся в Эфес, чтобы встретить свою жену Луциллу, отправленную к нему Марком, главным образом для того, чтобы сам Марк не явился вместе с ней в Сирию и не проведал о его постыдном

поведении, так как Марк говорил в сенате, что он намерен сам проводить свою дочь в Сирию. (8) По окончании войны он отдал в управление царства — царям, а провинции — своим приближенным. (9) Затем он отправился в Рим для празднования триумфа, но неохотно, так как Сирию он оставлял с таким чувством, словно это было его царство. В Риме он справил триумф вместе с братом, приняв от сената те прозвания, которые раньше получил, находясь среди войска. (10) Про него рассказывают, между прочим, что в Сирии он, по желанию своей любовницы, обыкновенной продажной женщины, сбрил себе бороду. По этому поводу у сирийцев ходило много шуток на его счет.

VIII. (1) Было что-то роковое в том, что во все провинции, через которые он возвращался, и в самый Рим он, казалось, приносил с собой заразу. (2) Моровая язва, говорят, появилась сначала в Вавилонии, где в храме Аполлона из золотого ящика, случайно разрубленного одним воином, вырвался тлетворный дух и затем распространился по земле парфян и по всему миру. (3) Это произошло не по вине Луция Вера, а по вине Кассия, вероломно захватившего Селевкию, которая приняла наших воинов, как своих друзей. (4) Однако римлян оправдывает, среди других писателей, также и Квадрат, написавший историю Парфянской войны; он обвиняет жителей Селевкии, которые первыми нарушили клятву верности. (5) Вер питал к Марку такое уважение, что пожелал присвоенные ему прозвания разделить с Марком в день триумфа, который они совместно справили. (6) Но по возвращении с Парфянской войны он стал относиться к брату с меньшим почтением, проявляя предосудительную уступчивость по от-

ношению к вольноотпущенникам и во многих случаях распоряжаясь независимо от брата. (7) Вдобавок ко всему этому, он вывез из Сирии актеров, словно это были какие-то цари, привезенные для триумфа. Самым замечательным из них был Максимин, которого он нарек именем Париса. (8) Кроме того, Вер построил на Клавдиевой дороге виллу, пользовавшуюся очень дурной славой. Там он в течение многих дней кутил среди необыкновенной роскоши со своими вольноотпущенниками и друзьями Париса, присутствие которых не стесняло его ни в каком отношении. (9) Он пригласил и Марка, который прибыл, чтобы показать брату почтенный и достойный подражания образец безупречных нравов. В течение пяти дней пребывания на этой вилле Марк все время занимался расследованием судебных дел, между тем как его брат либо пировал, либо готовился к пирам. (10) Был у Вера и актер Агрипп, по прозвищу Мемфий, которого он привез из Сирии как трофей Парфянской войны, назвав его Аполавстом. (11) Привез он с собой и музыкантов, игравших на струнных инструментах, и флейтистов, и мимических актеров, и шутов, и фокусников, и всякого рода рабов, какие составляют утеху Сирии и Александрии. Казалось, он закончил войну, которая велась не против парфян, а против актеров.

IX. (1) Что такое расхождение в образе жизни и многое другое поселило между Марком и Вером вражду — это не было очевидной истиной, а служило предметом тайных слухов. (2) В особенности показателен следующий случай. Марк послал в Сирию на правах легата некоего Либона, своего двоюродного брата. Либон держал себя там заносчиво, как не подобает порядочному сенатору, и

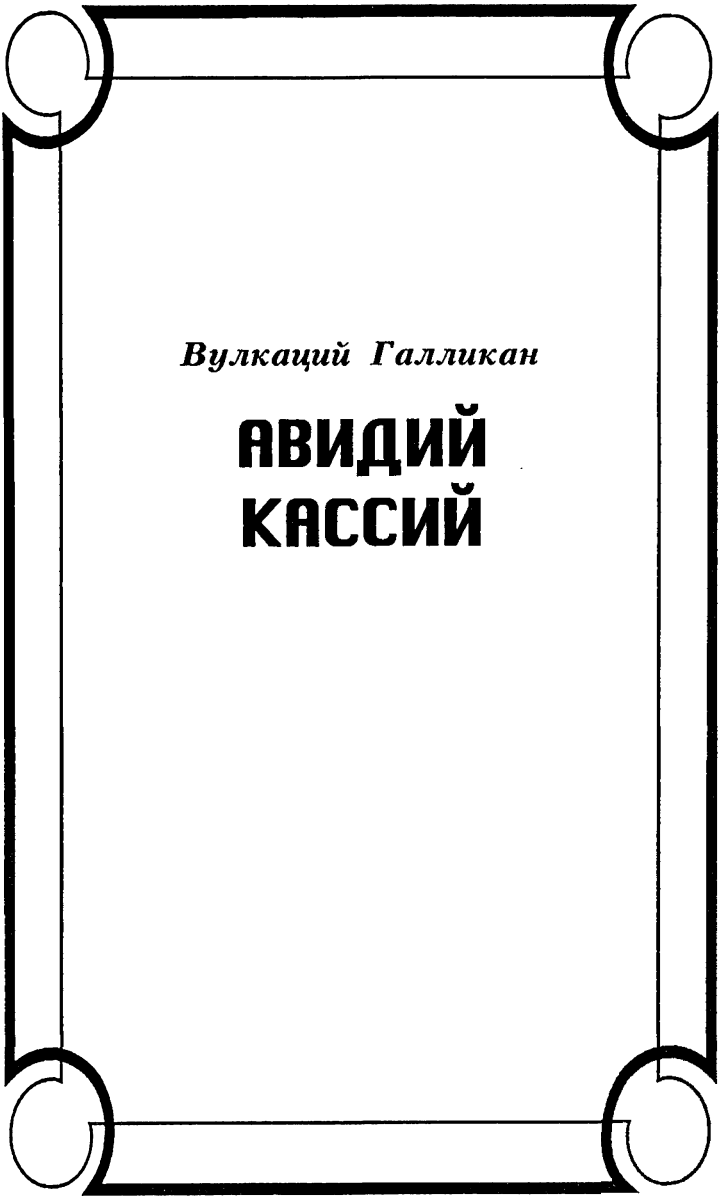
говорил, что в случае какого-нибудь сомнения он будет писать своим братьям. Находившийся там Вер не мог этого выносить. Либон неожиданно захворал и умер при почти явных признаках отравления. Тогда некоторым, но не Марку, показалось, что его коварно убил Вер. Этот случай еще больше усилил слухи о неладах между Марком и Вером. (3) Большое влияние на Вера оказывали вольноотпущенники Гемин и Агаклит. (4) За последнего Вер, против воли Марка, выдал замуж вдову Либона; когда Вер справлял эту свадьбу, Марк не принимал участия в брачном пиршестве. (5) Были у Вера и другие бесчестные вольноотпущенники, например Кед, Эклект и прочие. (6) Всех их Марк после смерти Вера удалил под предлогом того или иного почетного назначения, удержав при себе только Эклекта, который впоследствии убил его сына Коммода. (7) Так как Марк не желал ни посылать Луция на Германскую войну одного, ни оставлять его одного в Риме из-за беспутной жизни, то они отправились вместе, прибыли в Аквилею (8) и, несмотря на нежелание Вера, переправились через Альпы. Когда они были в Аквилее, Вер проводил время только на охоте и на пирах, а Марк принял на себя все заботы. (9) Об этой войне, — во время которой, с одной стороны, действовали послы варваров, просивших о мире, а с другой, наши полководцы, — мы очень подробно говорили в жизнеописании Марка. (10) По окончании войны в Паннонии императоры, по настоянию Луция, возвратились в Аквилею, и так как Луций скучал по городским удовольствиям, они поспешили в Рим. (11) Но неподалеку от Альтина Луция внезапно постигла болезнь, называемая апоплексией; его сняли с по-

возки, пустили кровь и затем доставили его в Альтин. Прожив три дня и потеряв способность говорить, он скончался в Альтине.

Х. (1) Были толки о том, будто он вступил когда-то в преступную связь со своей тещей Фаустиной и будто он погиб оттого, что его теща Фаустина коварно подсыпала ему в устрицы яд за то, что он выдал ее дочери тайну своей связи с матерью. (2) Впрочем, возникли и другие толки, которые противоречат характеру жизни этого человека. (3) Многие приписывают отравление Вера его жене по той причине, что Вер слишком благоволил к Фабии, могущество которой его жена Луцилла не могла выносить. (4) Между Луцием и сестрой его Фабией была действительно столь большая дружба, что шел слух, будто они сговорились лишить жизни Марка. (5) Когда вольноотпущенник Агаклит выдал этот их замысел Марку, Фаустина поспешила устранить Луция, боясь, как бы он не предупредил ее. (6) Вер отличался красивым телосложением, ласковым выражением лица, отпускал бороду почти так же, как это делают варвары, был высок, а наморщенный лоб придавал ему почтенный вид. (7) Говорят, что он так заботился о своих золотистых волосах, что посыпал голову золотыми блестками, чтобы волосы у него еще больше отливали золотом. (8) Речь у него была затрудненная. Он страстно любил игру в кости. Он вел всегда беспутный образ жизни и во многих отношениях напоминал Нерона, но без его жестокости и издевательств. (9) Среди других предметов роскоши была у него хрустальная чаша, которую он называл «Крылатый» в честь любимого коня; величина ее превышала норму, какую может выпить человек.

XI. (1) Прожил он сорок два года. Был императором — совместно с братом — одиннадцать лет. Тело его похоронено в гробнице Адриана, в которой погребен и родной отец его — Цезарь. (2) Известен рассказ, совершенно не вяжущийся с образом жизни Марка, будто он предложил Веру кусок свиной матки, обмазанный ядом, отрезав этот кусок ножом, на одной стороне которого был яд. (3) Но преступно думать так о Марке, хотя бы замыслы и поступки Вера и заслуживали такой кары. (4) Мы не оставим этих толков без обсуждения, но целиком отбрасываем их как опровергнутые и неосновательные, так как после Марка до наших дней — кроме вашей милости, Диокле-тиан Август, — даже сама лесь не могла бы создать такого императора.

Вулкаций Галликан

**АВИДИЙ
КАССИЙ**

I. (1) Авидий Кассий, по мнению некоторых, происходил, как говорят, со стороны матери из фамилии Кассиев; отцом его был Авидий Север, человек новый, служивший сначала центурионом, а впоследствии достигший очень высоких должностей. (2) О нем с уважением упоминает в своей истории Квадрат и утверждает, что это был человек выдающийся, необходимый для государства, которого высоко ставил сам Марк; (3) ведь он погиб, по воле рока, как передают, уже в правление Марка. (4) Этот Кассий, происходивший, как мы сказали, из рода Кассиев, — тех самых, которые вступили в заговор против Гая Юлия, тайно ненавидел императорскую власть и не мог выносить самого слова «император». Он говорил, что нет ничего более тяжкого, чем слово «император», потому что государство может избавиться от императора только путем замены его другим императором. (5) Говорят, наконец, что он еще в юности пытался отнять власть государя у Пия, но благодаря отцу, человеку безупречному и почтенному, это стремление его к тирании не было обнаружено; однако начальники всегда счи-

тали его подозрительным. (6) Что он строил козни против Вера — об этом сообщается в письме самого Вера к Марку, которое я здесь помещаю. (7) Из письма Вера: «Авидий Кассий жаждет, как мне кажется, императорской власти, что стало известным уже при моем деде — твоим отце. Я желал бы, чтобы ты приказал наблюдать за ним. (8) Все наше ему не нравится. Он собирает себе значительные средства. Над нашими письмами он смеется. Тебя он называет философствующей старушонкой, а меня расточительным дураком. Подумай о том, что следует предпринять. (9) Я не питаю ненависти к этому человеку, но ты подумай о том, что ты оказываешь плохую услугу себе и своим детям, имея среди лиц, носящих военный пояс, такого человека, которого воины с удовольствием слушают, с удовольствием видят».

II. (1) Ответ Марка на письмо Вера по поводу Авидия Кассия: «Я прочитал твое письмо, в котором больше беспокойства, нежели императорского достоинства; оно не сообразно с обстоятельствами нашего правления. (2) Ведь если ему суждено свыше стать императором, то мы не сможем убить его, хотя бы и желали этого. Ты знаешь изречение твоего прадеда: «Никто еще не убил своего преемника». Если же не суждено, то без проявлений жестокости с нашей стороны он сам попадет в сети, расставленные ему судьбой. (3) Добавь к этому еще и то, что мы не можем объявить виновным человека, которого никто не обвиняет и которого, как ты сам говоришь, любят воины. (4) Затем, сущность дел об оскорблении величества такова, что даже

те, чья виновность доказана, кажутся жертвами насилия. (5) Ведь ты сам знаешь, что сказал твой дед Адриан: «В жалком положении находятся императоры: ведь только после того, как они убиты, люди могут поверить, что заговор с целью захватить тираническую власть действительно существовал. (6) Я предпочел взять в качестве примера Адриана, а не Домициана, который, говорят, первый сказал эти слова, так как самые лучшие выражения в устах тиранов не имеют того значения, какое они должны были иметь. (7) Итак, пусть Авидий ведет себя как хочет, тем более, что это — хороший полководец, строгий, храбрый и необходимый для государства. (8) Что же касается твоих слов о том, чтобы смертью его предохранить моих детей, то пусть уж совсем погибнут мои дети, если Авидий заслужит большую любовь, чем они, и если для государства будет полезнее, чтобы был жив Кассий, а не дети Марка». Вот что о Кассии писал Вер и что — Марк.

III. (1) Мы кратко расскажем о природных качествах и нравах этого человека. Ведь немного можно узнать о тех, чью жизнь никто не осмеливается осветить из страха перед теми, кем они были сломлены. (2) Мы добавим рассказ о том, как он достиг императорской власти, как погиб и где потерпел поражение. (3) Ведь я поставил себе целью, Диоклетиан Август, описать жизнь всех, кто по праву или не по праву носил императорское звание, для того чтобы ты, Август, знал всех порфириносцев. (4) Нрав Авидия был таков: иногда он казался человеком свирепым и грубым, а иногда кротким и мягким; час-

то проявлял набожность, а в иных случаях высказывал пренебрежение к священным обрядам, был жаден до вина и в то же время мог быть воздержанным, любил хорошо поест и терпеливо переносил голод, страстно предавался любовным утехам и почитал целомудрие. (5) Некоторые называли его Катилиной; он был доволен, что его так называли, и говорил, что он действительно будет Сергием, если убьет диалогиста, разумея под этим именем Антонина, (6) который уже настолько прославился как философ, что к нему, — когда он собрался на войну с маркоманнами и все боялись, как бы не произошло чего-либо, predeterminedенного судьбой, — обратились с просьбой, не из лести, а совершенно искренне, преподать наставления в философии. (7) И Марк не устрасился: в продолжение трех дней он занимался рассуждениями в форме парэнезы, то есть увещаний. (8) Кроме того, Авидий Кассий держал войско в строгой дисциплине и желал, чтобы его называли Марием.

IV. (1) Раз мы начали говорить о его строгости, следует сказать, что существует множество свидетельств скорее о его жестокости, чем о строгости. (2) Прежде всего, тех воинов, которые силой отнимали что-нибудь у провинциалов, он распинал на кресте в тех местах, где они провинились. (3) Он даже первый придумал такого рода казнь: ставил громадный столб высотой в восемьдесят и сто футов и осужденных на казнь привязывал к нему, начиная с верхнего конца бревна и до нижнего, — у нижнего конца разводил огонь; одни сгорали, другие задыхались в дыму, иные умирали в разнообразных муках, а

инные — от страха. (4) Иногда, сковав вместе по десяти человек, он приказывал топить их в проточной воде или в море. (5) У многих дезертиров он отсекал руки, другим перебивал голени и подколенные чашечки и говорил, что оставленный в живых искалеченный преступник служит лучшим примером, чем убитый. (6) Когда он вел войско и вспомогательный отряд без его ведома, по распоряжению своих центурионов, перебил три тысячи сарматов, беспечно расположившихся на берегах Дуная, и возвратился к нему с огромной добычей, причем центурионы надеялись получить награду за то, что они, имея очень небольшой отряд, перебили стольких неприятелей, тогда как трибуны бездействовали и даже ничего не знали об этом деле, — Авидий велел схватить этих центурионов и распять на кресте, применив к ним вид казни, предназначенный для рабов, — чему до него не бывало примера. Он сказал, что могло бы случиться так, что там была бы устроена засада и тогда пропало бы всякое уважение к Римскому государству. (7) Когда в войске возник крупнейший мятеж, он вышел обнаженный, прикрытый одним только набедренником, и сказал: «Пронзите меня, если смеете, и добавьте к нарушению дисциплины преступление». (8) Все присмیرели, так как он внушал к себе страх тем, что сам не утрашился. (9) Этот случай сильно поднял дисциплину в римском войске, а на варваров нагнал такой страх, что они стали просить у Антонина, который был далеко, мира на сто лет. Они увидели, что по приговору римского полководца осуждены на казнь даже те, кто победил незаконно.

V. (1) О многих жестоких мерах, принятых Кассием против своеволия воинов, рассказано у Эмилия Партениана, который написал историю всех лиц, стремившихся к тирании, начиная с самых древних времен. (2) Он подвергал наказанию розгами на площади или казнил посреди лагеря, отрубая голову тем, кто этого заслуживал, а многим отсекал руки. (3) Во время походов он запрещал воину иметь при себе что-нибудь, кроме сала, солдатских сухарей и винного уксуса, а если находил что-либо другое, то подвергал роскошествовавшего тяжкому наказанию. (4) Об этом сохранилось следующее письмо божественного Марка к своему префекту: (5) «Я поручил Авидию Кассию сирийские легионы, утопающие в роскоши и усвоившие нравы Дафны; Цезоний Вектилиан, как он сам написал мне, убедился в том, что все легионеры моются в теплых ваннах. (6) Думаю, что я не сделал ошибки, если ты знаешь Кассия, человека Кассиевой строгости и дисциплины. (7) Ведь воинами можно управлять только при помощи строгой дисциплины. Ты знаешь стих, написанный хорошим поэтом и часто всеми повторяемый: «Римской державы оплот — мужи и обычаи предков». (8) Ты только обильно снабди эти легионы провиантом, который, я уверен, не пропадет даром, если я хорошо знаю Авидия». (9) От префекта Марку: «Правильно ты решил, мой владыка, что назначил Кассия начальником сирийских легионов. (10) Ведь для воинов, поддавшихся греческому влиянию, наиболее полезным является очень суровый человек. (11) Он, конечно, отучит воинов от теплых ванн и сорвет у них все цветы и с головы, и с тела, и с

груди. (12) Все продовольствие заготовлено. При хорошем полководце ни в чем не бывает недостатка; при нем немного и требуется, немного и расходуется».

VI. (1) И Кассий оправдал составившееся о нем мнение. Он немедленно велел объявить перед строем и вывесил уведомление на стенах о том, что если кто-нибудь опоясанный будет обнаружен в Дафне, то возвратится назад распоясанным. (2) Через каждые семь дней он осматривал вооружение солдат, а также их одежды, обувь и поножи. Он удалил из лагеря все, что способствует изнеженности, и объявил, что если нравы воинов не исправятся, то зимой они будут жить в кожаных палатках. И действительно, они прожили бы так, если бы образ жизни их не стал лучше. (3) Через каждые семь дней происходили военные упражнения всех воинов: они пускали стрелы и производили упражнения с оружием. (4) Он считал прискорбным то обстоятельство, что воины не занимаются упражнениями, тогда как атлеты, охотники и гладиаторы постоянно упражняются; предстоящий воинам труд был бы для них более легким, если бы он стал для них привычным. (5) Итак, подняв дисциплину, он прекрасно вел порученное ему дело в Армении, Аравии, Египте и был любим всеми жителями Востока, а в особенности антиохийцами, (6) которые даже сочувствовали захвату им императорской власти, как сообщает Марий Максим в жизнеописании божественного Марка. (7) Когда в Египте воины-буколы причинили много бед, они были укрощены им же, как сообщает тот же Марий

Максим во второй книге выпущенного им жизнеописания Марка Антонина.

VII. (1) Он объявил себя на Востоке императором, как говорят некоторые, по желанию Фаустины, которая уже не надеялась, что Марк проживет долго, и опасалась, что она одна не сможет защитить своих малолетних детей, и кто-нибудь, захватив место императора, устранил с дороги этих малолетних. (2) Другие же говорят, что Кассий — с целью склонить на свою сторону любивших Марка воинов и провинциалов — употребил такую хитрость и объявил, что Марк окончил свои дни. (3) Ведь говорят, что он провозгласил Марка божественным, чтобы смягчить скорбь о нем. (4) Почувствовав себя императором, он немедленно назначил префектом претория того, кто надел на него знаки императорского достоинства. Сам он был убит против воли Антонина войском, которое — против воли Антонина и без его ведома — погубило и Мециана, получившего в управление Александрию и вступившего в соглашение с Кассием в надежде разделить с ним власть. (5) Узнав о восстании, Антонин не очень разгневался и не применил к детям и близким Кассия никаких суровых мер. (6) Сенат объявил Кассия врагом и конфисковал его имущество. Антонин не пожелал, чтобы оно поступило в его частную казну, и вследствие этого оно, по указанию сената, перешло к государственному казначейству. (7) В Риме царил страх. Говорили, что Авидий Кассий в отсутствие Антонина, горячо любимого всеми, кроме прожигателей жизни, прибудет в Рим и — подобно тирану — разграбит его, главным образом, из ненависти к сенато-

рам, которые объявили его врагом и конфисковали его имущество. (8) Любовь к Антонину проявилась особенно в том, что убийство Авидия вызвало одобрение со стороны всех, кроме антиохийцев. (9) Но сам Марк не приказывал, а лишь допустил, чтобы убили Кассия, так что для всех было ясно, что он пощадил бы Кассия, если бы это зависело только от него.

VIII. (1) Когда Антонину принесли голову Кассия, он не возликовал, не возгордился, но, наоборот, даже скорбел о том, что у него отняли случай проявить милосердие. Он говорил, что предпочел бы, чтобы Кассия взяли живым, чтобы иметь возможность, упрекнув его за забвение оказанных ему благодеяний, сохранить ему жизнь. (2) Когда кто-то сказал, что Антонин заслуживает укоров за свою снисходительность по отношению к врагу, к его детям, близким и ко всем уличенным соумышленникам человека, стремившегося к тирании, причем укорявший добавил: «А что, если бы победил тот?» (3) Марк, говорят, сказал: «Не так плохо мы почитали богов и не так плохо живем, чтобы он мог победить нас». Перечисляя затем всех императоров, которые были убиты, он сказал, что имелись причины, по которым они заслуживали быть убитыми, и что ни один хороший император не был так просто побежден тираном и не был убит. (4) Он говорил, что Нерон заслуживал смерти, Калигула должен был погибнуть, Отон и Вителий даже не хотели быть императорами. (5) О [Пертинаксе и] Гальбе он думал то же и говорил, что скупость в императоре — ужаснейшее зло. (6) Но ни Август, ни Траян, ни Адриан, ни его отец не могли быть

побеждены теми, кто поднимал восстания, хотя таковых и было много, и они погибли вопреки воле государей и без их ведома. (7) Антонин сам просил сенат не принимать суровых мер против участников отложения; в это же время он просил не подвергать казни в его правление ни одного сенатора, чем и снискал себе величайшую любовь; (8) наконец, когда очень небольшое число центурионов подверглось наказанию, он приказал возвратить сосланных.

IX. (1) Антиохийцев, которые встали на сторону Авидия Кассия, Марк не наказал; он простил и их, и другие города, которые поддерживали Кассия. Хотя вначале он сильно разгневался на антиохийцев и отменил у них зрелища и много других привилегий города, но впоследствии он все это им вернул. (2) Детям Авидия Кассия Антонин [Марк] подарил половину отцовского имущества, причем дочерей наделил золотом, серебром и драгоценными камнями. (3) Дочери Кассия Александрии и зятю его Друенциану он предоставил право свободно передвигаться, куда они пожелают. (4) И жили они не как взятые у тирана заложники, а как люди сенаторского сословия, в полной безопасности. Он запретил даже в ссоре попрекать их несчастьем их дома и осудил некоторых людей, которые дерзко обращались с ними. Он даже сам поручил их мужу своей тетки. (5) Тот, кто желает знать эту историю во всех подробностях, пусть прочитает вторую книгу Мария Максима о жизни Марка, где он рассказывает о том, как правил Марк, уже оставшись один после смерти Вера. (6) Именно тогда Кассий и поднял восстание, как

видно из письма Марка, посланного Фаустине. Вот его копия: (7) «Вер писал мне правду об Авидий, что тот желает быть императором. Я думаю, ты слышала, что сообщали о нем вестовые Вера. (8) Приезжай в альбанскую усадьбу, чтобы с согласия богов, переговорить обо всем. Не бойся». (9) Отсюда ясно, что Фаустина ни о чем не знала; между тем как Марий, желая очернить ее, утверждает, что Кассий присвоил себе императорскую власть при ее содействии. (10) Существует и ее собственное письмо мужу, где она побуждает Марка сурово наказать Авидия. (11) Копия письма Фаустины Марку: «Завтра я сама спешно выеду в альбанскую усадьбу, согласно твоему приказу. Но я убедительно прошу тебя, если ты любишь своих детей, самым суровым образом расправиться с этими повстанцами. (12) И полководцы, и воины привыкли действовать преступно, если их не подавить, то они сами будут подавлять».

Х. (1) Также другое письмо той же Фаустины Марку: «Моя мать Фаустина убеждала твоего отца Пия — во время отложения Цельза — проявить любовь прежде всего по отношению к своим, а затем уже к чужим. (2) Ведь нельзя назвать любящим того императора, который не думает о своей жене и детях. (3) Ты видишь сам, в каком возрасте наш Коммод. Зять же наш Помпеян стар и не уроженец Рима. (4) Подумай, как поступить с Кассием и его сообщниками. (5) Не давай пощады людям, которые не пощадили тебя и не пощадили бы меня и наших детей, если бы победили. (6) Сама я скоро последую за тобой. Я не могла приехать в формийскую усадьбу, так как хворала

наша Фадилла. (7) Но если я не застаю тебя в Формиях, то проеду в Капую. Этот город может помочь восстановлению и моего здоровья и здоровья наших детей. (8) Прошу тебя прислать в формийскую усадьбу врача Сотерида. Я совсем не доверяю Пизитею, который не умеет лечить маленькую девочку. (9) Кальпурний передал мне запечатанное письмо. Ответ на него, если не будет какой-нибудь задержки, пришлю через старого евнуха Цецилия, человека, как ты знаешь, верного. (10) Ему я поручу на словах передать тебе, что, по слухам, распространяют о тебе жена Авидия Кассия, его дети и зять».

XI. (1) Из этих писем можно понять, что Фаустина не была сообщницей Кассия, что она даже побуждала мирно расположенного и помышлявшего о милосердии Антонина применить суровое наказание и настаивала на необходимости такой кары. (2) Что ответил ей Антонин, покажет следующее письмо: (3) «Ты, моя Фаустина, благоговейно блюдешь интересы своего мужа и наших детей. Ведь я прочитал в формийской усадьбе твое письмо, в котором ты советуешь мне сурово покарать сообщников Авидия. (4) Но я пощажу и детей его, и зятя, и жену и напишу сенату, чтобы и он не производил слишком тяжелой конфискации имущества и не подвергал их жестокому наказанию. (5) Ведь ничто в такой степени не возвышает римского императора в глазах разных народов, как его милосердие. (6) Оно сделало Цезаря богом, оно сделало Августа священным, оно же — главным образом — и твоего отца украсило прозванием «Пий». (7) Если бы придерживались моего взгляда на

войну, то и Авидий не был бы убит. (8) Будь поэтому спокойна:

*Храним богами я, моя набожность
Богам по сердцу.*

Нашего Помпеяна я назначил консулом на следующий год». Так писал Антонин супруге.

ХII. (1) Важно знать, какое обращение он послал в сенат. (2) Из обращения Марка Антонина: «В ответ на Ваши поздравления с победой я назначаю консулом, отцы сенаторы, моего зятя, — я говорю о Помпеяне, которого, по его возрасту, давно следовало бы наградить консульством, если бы не оказывалось в это время храбрых мужей, которым надо было воздать то, что они заслужили от государства. (3) Теперь, что касается отложения Кассия, то я прошу и умоляю вас, отцы сенаторы, оставить вашу строгость, уступить моему, или вернее, вашему человеколюбию и милосердию; пусть сенат не предаст казни ни одного человека. (4) Пусть никто из сенаторов не будет наказан, пусть не прольется кровь ни одного благородного человека, пусть сосланные возвратятся и пусть те, у кого было конфисковано имущество, получают его обратно. (5) О, если бы у меня была возможность вернуть к жизни многих даже из подземного царства! Ведь люди никогда не одобряют, если император мстит за свои личные огорчения; чем мщение справедливее, тем более жестоким оно кажется. (6) Поэтому мы должны простить детей Авидия Кассия, его зятя и жену. Но что я говорю «простить!» Ведь они ничего не сделали. (7) Итак, пусть они живут в безопаснос-

ти, зная, что они живут в правление Марка. Пусть они живут, владея каждый своей долей имущества родителей, пусть пользуются золотом, серебром, нарядами. Пусть они будут богаты, пусть живут в безопасности, пусть передвигаются куда хотят, пусть живут на свободе, пусть разнесут среди всех народов молву об этом примере моего и вашего милосердия. (8) Невелика еще эта милость, отцы сенаторы, — простить детей и жен людей, объявленных вне закона. (9) Но я прошу вас избавить и сообщников, принадлежащих к сенаторскому и всадническому сословиям, от казни, от конфискации имущества, от страха, от позора, от ненависти, — словом, от всяких обид и сделать так, чтобы в мое время (10) человек, обвиненный в стремлении к тирании, если он пал во время беспорядков, считался бы просто убитым».

XIII. (1) Это проявление его милосердия вызвало в сенате такие возгласы: (2) «Благочестивый Антонин, да хранят тебя боги! Милосердный Антонин, да хранят тебя боги! Ты пожелал того, что было позволительно, мы сделали то, что подобало сделать! (3) Мы просим законной власти для Коммода! Обеспечь сильную власть своему потомству! Сделай, чтобы дети наши жили в безопасности! (4) Никакое насилие не может причинить вред доброму правлению! Мы просим трибунской власти для Коммода Антонина! Мы просим, чтобы ты был с нами! (5) Хвала твоей философской мудрости, твоей терпимости, твоей учености, твоему благородству, твоей незлобивости! Ты побеждаешь своих недругов, одолеваешь врагов, — боги да хранят тебя!» и прочее. (6) Итак, потомки Авидия Кассия жили в безопасности и допускались к

почетным должностям. (7) Но Коммод Антонин после смерти своего божественного отца приказал всех их сжечь живыми как уличенных в интригах. (8) Вот все, что мы узнали об Авидии Кассии. (9) Нрав его, как мы сказали выше, всегда отличался переменчивостью, но с большим уклоном в сторону суровости и жестокости. (10) Если бы он удержал в своих руках императорскую власть, то он был бы не только милосердным, добрым, но полезным для государства и превосходным императором.

XIV. (1) Сохранилось его письмо, написанное им, когда он уже был провозглашен императором, своему зятю такого содержания: (2) «Несчастно государство, терпящее этих людей, питающих страсть к наживе, и богатых. (3) Несчастен Марк — человек, конечно, очень хороший: желая прослыть милосердным, он позволяет жить на свете тем, чьего образа жизни он сам не одобряет. (4) Где Луций Кассий, имя которого мы напрасно носим? Где знаменитый Марк Катон Цензор? Где вся строгость нравов наших предков? Она давно уже погибла, теперь ее даже не ищут. (5) Марк Антонин философствует и занимается исследованием об элементах, о душах, о том, что честно и справедливо, и не думает о государстве. (6) Ты видишь сам, что нужно много мечей, много приговоров, чтобы государство вернулось к прежнему укладу. (7) Горе мне с этими наместниками провинций — неужели я могу считать проконсулами или наместниками тех, кто полагает, что провинции даны им сенатом и Антонином для того, чтобы они жили в роскоши, чтобы они обогащались! (8) Ты слышал, что префект претория

у нашего философа, человек, позавчера еще нищий и бедный, вдруг стал богачом. Откуда это богатство, как не из крови самого государства и достоинства провинциалов? Ничего, пусть они будут богаты, пусть будут состоятельны, все равно они наполнят государственную казну. Только бы боги покровительствовали правому делу: последователи Кассия возвратят верховную власть государству». Это письмо показывает, каким он был бы строгим и суровым императором.

Элий Лампридий

**КОММОД
АНТОНИН**

I. (1) О родителях Коммода Антонина достаточно сказано в жизнеописании Марка Антонина. (2) Он родился в Ланувии вместе с братом Антонином (они были близнецами) накануне сентябрьских календ в консульство своего отца и дяди, — там же, где, говорят, родился и его дед со стороны матери. (3) Когда Фаустина была беременна Коммодом и его братом, она увидела во сне, что она родила двух змей, одна из которых была особенно свирепой. (4) Она родила Коммода и Антонина, но Антонина похоронили, когда ему было четыре года, хотя астрологи по ходу светил предсказывали ему одинаковую судьбу с Коммодом. (5) По смерти его брата Марк старался преподать Коммоду свои нравственные правила и правила великих и выдающихся мужей. (6) У него был учитель греческой грамоты Онесикрат, латинской — Капелла Антистий; учителем ораторского искусства у него был Атей Санкт. (7) Но учителя всех этих наук никакой пользы ему не принесли. Так сильно влияние врожденных качеств или тех людей, которые считаются при дворе наставниками! С самого раннего детства Коммод отличался постыдным поведением, был бесчестен, жесток, развратен, и уста его были ос-

квернены и обесчещены. (8) Он был искусен в тех занятиях, которые не соответствовали положению императора, например, — он лепил чаши, танцевал, пел, свистел, наконец, проявлял способности превосходного шута и гладиатора. (9) Признаки жестокости он обнаружил на двенадцатом году жизни в Центумцеллах. Однажды, когда его мыли в слишком теплой воде, он велел бросить банщика в печь. Тогда дядька его, которому приказано было это сделать, сжег в печи баранью шкуру, чтобы зловонным запахом гари доказать, что наказание приведено в исполнение. (10) Еще будучи мальчиком, он был назван Цезарем вместе со своим братом Вером. На четырнадцатом году он был зачислен в коллегию жрецов.

II. (1) Он был причислен к ... как начальник молодежи, когда надел мужскую тогу. Еще в претексте мальчика он производил раздачу и восседал в базилике Траяна. (2) Мужскую тогу он надел в день июльских нон, — в день, когда Ромул исчез с земли, а Кассий поднял восстание против Марка. (3) Представленный войску, Коммод отправился с отцом в Сирию и Египет и вместе с ним возвратился в Рим. (4) После этого он, в изъятие закона о возрасте, был назначен консулом и за четыре дня до декабрьских календ, в консульство Поллиона и Апра был вместе с отцом провозглашен императором и вместе с ним отпраздновал триумф — ведь и об этом вынесли постановление сенаторы. (5) Вместе с отцом он отправился и на войну с германцами. (6) Приставленных к нему достойных надзирателей он терпеть не мог, а всех самых дурных удерживал при себе; если же их удаляли от него, он впадал в тоску и даже заболел. (7) Когда они, благодаря мягкости его отца,

возвращались к нему, он всякий раз устраивал в Палатинском дворце попойки и кутежи и никогда не считался ни с требованиями стыдливости, ни с расходами. (8) Дома у себя он занимался игрой в кости. Он собрал у себя женщин, отличавшихся красивой наружностью, как каких-нибудь рабынь-проституток, и, издеваясь над стыдливостью, устроил у себя лупанар. Он гонялся за бродячими мелкими торговцами. Он завел себе упряжку коней для колесницы. (9) Нарядившись возницею, он правил колесницами, пировал с гладиаторами, разносил воду подобно слуге у сводников, так что можно было подумать, что он был скорее рожден для постыдной жизни, а не для того положения, в которое поставила его судьба.

III. (1) Пожилых слуг своего отца он удалил, друзей его, стариков, прогнал. (2) Сына начальствовавшего над войсками Сальвия Юлиана он тщетно соблазнял бесстыдными предложениями, а после этого стал строить козни против Юлиана. (3) Всех наиболее честных людей он прогнал от себя либо самым оскорбительным образом, либо предоставляя им самые унижительные должности. (4) Когда мимы назвали его срамником, он немедленно отправил их в изгнание, чтобы они не могли больше появиться на сцене. (5) Войну, которую отец его почти закончил, он прекратил, приняв требования врагов, и возвратился в Рим. (6) Вернувшись в Рим, он отпраздновал триумф, причем посадил в колесницу позади себя своего любовника Саотера и, поворачивая голову, часто целовал его на виду у всех. То же самое делал он и в оркестре. (7) Пьянствуя до рассвета и расточая средства Римской империи, он по вечерам таскался из кабаков в лупанары. (8) Для управления провин-

циями он посылал либо соучастников своих позорных дел, либо людей, рекомендованных этими соучастниками. (9) Сенату он стал до такой степени ненавистен, что и сам, в свою очередь, начал жестоко свирепствовать на погибель этому великому словию и из презренного превратился в жестокого.

IV. (1) Образ жизни Коммода побудил Квадрата и Луциллу вступить в заговор с целью убить его — не без участия префекта претория Таррутена Патерна. (2) Привести в исполнение это убийство было поручено близкому к Коммоду человеку — Клавдию Помпеяну. (3) Войдя к Коммоду с обнаженным мечом и имея возможность действовать, он выкрикнул слова: «Этот кинжал посылает тебе сенат». Глупец только выдал этим существование замысла, но не выполнил дела, в котором было замешано много людей. (4) После этого были убиты сначала Помпеян и Квадрат, затем Норбана, Норбан и Паралий, а мать его и Луцилла отправлены в изгнание. (5) Префекты претория, видя, что Коммод вызывает к себе такую ненависть из-за Саотера, самовластие которого стало для римского народа невыносимым, ловко выманили Саотера из дворца под предлогом участия его в священнодействиях; затем, когда он возвращался в свои сады, они, подослав тайных агентов, убили его. (6) Это убийство было для Коммода более тяжелым ударом, чем заговор против него самого. (7) Патерна, виновника этого убийства и, по-видимому, участника подготовлявшегося покушения на жизнь Коммода, старавшегося о том, чтобы не слишком много людей было наказано за этот заговор, Коммод по наущению Тигидия отстранил от должности префекта, почтив его широкой пурпурной полосой. (8) Спустя

несколько дней он возбудил против него обвинение в заговоре, говоря, что Патерн выдает свою дочь замуж за сына Юлиана с целью передать Юлиану императорскую власть. На этом основании он казнил Патерна, Юлиана и Витрувия Секунда, который ведал императорской перепиской, очень близкого Патерну человека. (9) Кроме того, был уничтожен весь дом Квинтилиев по той причине, что, как говорили, сын Кондиана — Секст, симулируя смерть, исчез и бежал с целью отложиться. (10) Убиты были и Витразия Фаустина, Велий Руф и консуляр Эгнатий Капитон. (11) Были отправлены в изгнание консулы Эмилий Юнк и Антилий Север. И ко многим другим были применены разные суровые меры.

V. (1) После этого Коммод стал неохотно появляться перед народом и запретил докладывать себе о том, чего предварительно не выслушивал Перенний. (2) Перенний, хорошо изучивший Коммода, нашел способ самому сделаться всемогущим. (3) Он посоветовал Коммоду предаться наслаждениям и возложить все труды правления на него, Перенния. Коммод с радостью принял это предложение. (4) Руководствуясь таким правилом жизни, Коммод безумствовал во дворце на пирах и в банях вместе с тремястами наложницами, которых он набрал из матрон и блудниц по признаку красоты, а также с тремястами взрослых развратников, которых он собрал из простого народа и из знати, насильно и за деньги, причем дело решала их красота. (5) Иногда, одевшись в платье слугителя при жертвоприношениях, он совершал заклятие жертв. Он сражался на арене среди своих спальников как гладиатор, пользуясь тупыми рапирами, а иногда и отточенными

мечами. (6) Между тем Перенний распоряжался всем полновластно: кого хотел — убивал, очень многих грабил, не считался ни с какими законами, захваченное имущество присваивал себе. (7) Сестру свою Луциллу Коммод сначала сослал на Капреи, а потом убил. (8) Прочих сестер своих он, как говорят, изнасиловал. Не избежала его объятий и двоюродная сестра его отца. Одной из наложниц он дал имя своей матери. (9) Уличив свою жену в прелюбодеянии, он прогнал ее от себя, затем сослал, а впоследствии убил. (10) Иногда он приказывал осквернять у себя на глазах даже своих наложниц. (11) Он дошел до такого позора, что сам отдавался молодым людям, и все без исключения части тела, даже уста, были осквернены сношениями с людьми обоего пола. (12) В это время был убит также, будто бы разбойниками, Клавдий, сын которого вошел когда-то к Коммоду с кинжалом; было убито без суда много других сенаторов, а также несколько богатых женщин. (14) И в провинциях некоторые люди, подвергшись ложным обвинениям в каком-нибудь преступлении со стороны Перенния, — причиной послужило их богатство, лишились имущества или даже были умерщвлены. (14) Тем, на кого не было никакой возможности возвести ложное обвинение, ставилось в вину то, что они не пожелали записать в свои завещания наследником Коммода.

VI. (1) В это время Перенний приписывал своему сыну все успехи, достигнутые в Сарматии другими полководцами. (2) Однако этот столь могущественный Перенний за то, что он во время Британской войны поставил во главе воинов лиц всаднического сословия, отстранив сенаторов, после того как легаты войска раскрыли это, был

объявлен врагом и отдан на растерзание воинам. (3) На место всемогущего Перенния Коммод назначил одного из своих спальников — Клеандра. (4) После убийства Перенния и его сына Коммод отменил многие распоряжения, сделанные будто бы без его участия, делая вид, что хочет восстановить прежнее положение. (5) В таком настроении раскаяния в совершенных преступлениях он мог удержаться не дольше тридцати дней и стал совершать, действуя через Клеандра, еще более тяжкие преступления, чем те, какие он совершал, действуя через вышеупомянутого Перенния. (6) В качестве всемогущего правителя Переннию наследовал Клеандр, а в качестве префекта — Нигер, про которого рассказывают, что он был префектом претория только шесть часов. (7) Действительно, префекты претория сменялись через несколько дней и даже часов, так как Коммод вел себя все хуже и хуже. (8) Марций Кварт, например, был префектом только пять дней. Их преемников держали на этой должности или убивали по произволу Клеандра. (9) По его усмотрению, даже вольноотпущенники набирались в сенат и причислялись к патрициям. Тогда впервые в один год было двадцать пять консулов, и все провинции были проданы. (10) За деньги Клеандр продавал все: возвращенных из изгнания удостоивал почетных должностей, отменял решения суда. (11) Благодаря глупости Коммода он набрал такую силу, что даже на мужа сестры Коммода — Бирра, который осуждал то, что творилось, и сообщал Коммоду о происходившем, он навлек подозрение в том, что тот домогается царской власти, и погубил его, причем вместе с Бирром было умерщвлено много других лиц, защищавших его.

(12) Среди них был умерщвлен также префект претория Эбуниан. Вместо него Клеандр сам стал префектом вместе с двумя другими, которых он сам и выбрал. (14) Тогда впервые оказалось три префекта претория и из них один — вольноотпущенник, которого называли «хранителем кинжала».

VII. (1) Но и Клеандра, наконец, постигла смерть, достойная его жизни. Когда из-за его происков был убит по ложному обвинению Аррий Антонин в угоду Атталу, которого тот осудил во время проконсульства в Азии, Коммод не мог больше вынести прорвавшейся тогда ненависти рассвирепевшего народа и выдал Клеандра на расправу черни. (2) Тогда же были убиты Аполавст и другие придворные вольноотпущенники. (3) Клеандр, между прочим, вступил в связь с наложницами Коммода и имел от них детей, которые после его гибели были убиты вместе со своими матерями. (4) На место Клеандра были поставлены Юлиан и Регилл, но их впоследствии Коммод подверг каре. (5) Убив их, он умертвил Сервилия и Дулия Силанов с их семьями, а вскоре и Анция Лупа, а также Петрониев — Мамертина и Суру, а равно и сына Мамертина — Антонина, рожденного сестрой Коммода; (6) вслед за ними одновременно — шесть бывших консулов: Аллия Фуска, Целия Феликса, Лукцея Торквата, Ларция Еврупиана, Валерия Бассиана, Пактумея Магна с их близкими; (7) в Азии — проконсула Сульпиция Красса, Юлия Прокула с их близкими, консуляра Клавдия Лукана: в Ахайе — двоюродную сестру своего отца Фаустину Аннию и бесчисленное множество других; (8) он наметил к казни еще четырнадцать человек, так как римскому государству было не по силам выдерживать его расходы.

VIII. (1) Между тем, наметив в консулы любовника своей матери, Коммод получил прозвание «Почтительный» — это была насмешка со стороны сената; после казни Перенния он был назван «Счастливым», словно некий новый Сулла среди многочисленных убийств граждан. (2) Этот же Коммод, «Почтительный», «Счастливый», говорят, выдумал, — для того, чтобы иметь повод казнить многих, — будто против него существует какой-то заговор. (3) Но единственным было отложение Александра, который затем умертвил себя и своих близких, и сестры Коммода Луциллы. (4) Льстецы прозвали Коммода еще Британским, хотя британцы хотели выбрать и противопоставить Коммоду другого императора. (5) Прозван он был также «Римским Геркулесом», так как он убил диких зверей в амфитеатре в Ланувии; было у него обыкновение убивать диких зверей и у себя дома. (6) Кроме того, он был настолько безумным, что пожелал назвать город Рим «Коммодовой колонией»: говорят, это неистовое желание было внушено ему льстивыми речами Марции. (7) Желал он также править в цирке четверками коней. (8) Он появлялся перед публикой одетый в далматик и в таком виде давал знак выпускать запряженные четверками колесницы. (9) В то время как Коммод доложил сенату о необходимости назвать Рим Коммодовым, сенат не только охотно принял это — надо полагать в насмешку, — но даже и себя назвал Коммодовым, называя при этом Коммода Геркулесом и богом.

IX. (1) Под лживым предлогом, будто он отправляется в Африку, Коммод потребовал денег на путевые расходы, получил их и истратил на пиры и игры в кости. (2) Он умертвил префекта

претория Мотилена, угостив его отравленными фигами. Он позволил ставить себе статуи в виде Геркулеса, и ему приносили жертвы как богу. (3) Кроме того, он готовился погубить еще многих. Это обнаружилось благодаря какому-то малышу, выбросившему из его спальни табличку, на которой были указаны имена намеченных к убийству. (4) Священнодействия в честь Изи́ды он почитал настолько, что обрил себе голову и носил изображение Ану́биса. (5) Будучи кровожадным, он приказал служителям Беллоны наносить себе в руку настоящие раны. (6) Жрецов Изи́ды он заставлял бить себя до смерти в грудь сосновыми шишками. Когда он носил изображение Ану́биса, то больно ударял по бритым головам жрецов Изи́ды мордой идола. Одетый в женскую одежду или в шкуру льва, он своей палицей поражал не только львов, но и многих людей. Тех, кто имел слабые ноги и не мог ходить, он наряжал гигантами, а ниже колен превращал при помощи тряпок и полотен в драконов; затем он убивал их стрелами. Священнодействия в честь Митры он запятнал настоящим человекоубийством, тогда как обычно там только говорится или изображается что-либо способное вызвать страх.

Х. (1) Еще мальчиком Коммод был прожорлив и бесстыден. Юношей он поносил всех, кто окружал его, и все поносили его. (2) Тех, кто над ним смеялся, он приказывал бросать диким зверям. Даже человека, прочитавшего книгу Транквилла, в которой содержится жизнеописание Калигулы, он приказал бросить диким зверям, так как сам он родился в один день с Калигулой. (3) Если кто-нибудь выражал желание умереть, он приказывал ускорить его смерть, хотя бы тот

уже не желал смерти. (4) Шутки у него тоже были опасные: заметив на голове у одного человека среди черных волос белые, производившие впечатление червяков, Коммод посадил ему на голову скворца, и тот, вообразив, что ловит червей, ударами своего клюва превратил голову этого человека в сплошную рану. (5) Одному толстяку он распорол живот, так что у того сразу вывалились внутренности. (6) Он называл одноногими и одноглазыми тех, у кого он выкалывал один глаз или ломал одну ногу. (7) Многих он погубил без разбора — одних за то, что они повстречались ему, одетые в платье варваров, других — за то, что они были видными и красивыми. (8) У него были любимцы, именами которых служили названия срамных частей мужского и женского тела; им он особенно охотно раздавал свои поцелуи. (9) Он держал у себя одного человека, у которого был необыкновенных размеров мужской орган; этого человека он называл своим ослом и очень дорожил им. Коммод сделал его богатым и поставил во главе жрецов сельского Геркулеса.

XI. (1) Часто в очень дорогостоящие кушанья он, говорят, подмешивал человеческий кал и сам не отказывался отведывать их, считая, что он таким образом подшутил над другими. (2) Он подал на стол на серебряном подносе двух совсем согнувшихся горбунов, покрытых горчицей, и тотчас же дал им видные должности и большое богатство. (3) Префекта претория Юлиана, одетого в тогу, Коммод в присутствии всех его подчиненных столкнул в пруд. Ему он приказал и плясать голым с измазанным лицом перед своими наложницами и бить в кимвалы. (4) Вследствие непрерывного ряда роскошных блюд он в редких случаях не включал

в угощение на пирах всякого рода вареных овощей. (5) В бане он мылся по семи и восьми раз в день и в бане же принимал пищу. (6) В храмы богов он входил запятнанный развратом и человеческой кровью. (7) Он изображал из себя врача, чтобы смертоносными ланцетами выпускать кровь у людей. (8) Следуя его указанию, льстецы называли в его честь месяц август — коммодом, сентябрь — геркулесом, октябрь — непобедимым, ноябрь — преодолевающим, декабрь — амазонским. (9) Амазонским он был назван по причине своей любви к наложнице Марции, портретом которой в виде амазонки он любовался; ради нее он сам пожелал выйти на римскую арену в виде амазонки. (10) Он выступал в гладиаторских боях и с такой радостью принимал прозвания гладиаторов, словно получал прозвания за триумфы. (11) Он всегда выступал на играх и приказывал вносить сообщения о всяком своем выступлении в официальные письменные памятники. (12) Бился он, говорят, семьсот тридцать пять раз. (14) Имя Цезаря он получил за три дня до октябрьских ид, которые он впоследствии назвал геркулесовыми, — в консульство Пудента и Поллиона. (14) Германским он был назван в геркулесовские иды в консульство Максима и Орфита.

ХII. (1) Он был принят жрецом во все жреческие коллегии за двенадцать дней до календ месяца непобедимого в консульство Низона и Юлиана. (2) В Германию он отправился за тринадцать дней до элиевых, как он их впоследствии назвал, календ. (3) При тех же консулах он получил мужскую тогу. (4) Вместе с отцом он был провозглашен императором за четыре дня до календ месяца, преодолевающего во второе консульство

Поллиона и второе Апра. (5) Триумф он справил за девять дней до январских календ при тех же консулах. (6) Вторично он отправился за два дня до коммодовых нон в консульство Орфита и Руфа. (7) Он был отдан навсегда под охрану войск и сената в Коммодовом дворце за десять дней до римских календ во второе консульство Презента. (8) Когда он в третий раз задумал отправиться в путь, сенат и народ задержали его. (9) Обеты относительно него были произнесены в пиевы ноны, во второе консульство Фусциана. (10) В это время, при отце, как пишут в разных сочинениях, он бился триста шестьдесят пять раз. (11) Впоследствии он, побеждая или убивая ретиариев, взял столько гладиаторских пальмовых ветвей, что число последних доходило до тысячи. (12) Диких же зверей он убил собственной рукой много тысяч, в том числе убивал и слонов. И все это он часто проделывал на глазах у римского народа.

XIII. (1) Во всем этом он был достаточно силен, в остальном же слаб и немощен. У него была большая опухоль в паху, и римский народ замечал этот его недостаток сквозь шелковые одежды. (2) По этому поводу было написано много стихов, которыми хвастается и Марий Максим в своем сочинении. (3) При избиении зверей он проявлял необыкновенную силу, пронзая пикой насквозь слона, прокалывая рогатиной рог дикой нумидийской козы и убивая с первого удара много тысяч громадных зверей. (4) Бесстыдство его было столь велико, что, сидя в женской одежде в амфитеатре или театре, он на виду у всех то и дело пил. (5) В то время как он вел такой образ жизни, в его правление римскими легатами были побеждены мавры, побеждены даки, усмирены Паннония и

Британия, причем в Германии и Дакии провинциалы отказывались подчиняться его власти; (6) все это было приведено в порядок его полководцами. (7) Сам Коммод ленился писать заключения и был так небрежен, что на многих прошениях писал одно и то же заключение. В очень многих случаях он писал в письмах только «будь здоров». (8) Все делалось другими, которые, как говорят, обращали в свою пользу даже деньги, взимавшиеся в виде штрафа.

XIV. (1) Вследствие такой его небрежности те, кто вел тогда государственные дела, опустошали продовольственные запасы, и в Риме возникла огромная нужда в продуктах, хотя неурожая и не было. (2) Тех, которые все расхищали, Коммод впоследствии казнил, а имущество их конфисковал. (3) Придумав название «золотой век Коммода», он распорядился снизить цены, чем вызвал затем еще большую нужду. (4) Во время его правления многие покупали за деньги кару для других и спасение для себя. (5) Он продавал даже изменение вида наказания, погребение казненных и смягчение наказаний и за деньги убивал одних вместо других. (6) Продавал он также провинции и административные должности, причем те, через кого он производил продажу, получали свою часть, а Коммод — свою. (7) Некоторым он продавал даже жизнь их врагов. При нем вольноотпущенники продавали даже приговоры по тяжбам. (8) Префектов Патерна и Перенния он терпел недолго; из тех префектов, которых он сам назначил, никто не продержался в течение трех лет — большинство из них он погубил ядом, либо мечом. С той же легкостью он менял и городских префектов.

XV. (1) Своих спальников он убивал, не задумываясь, хотя во всем всегда поступал по их внушению. (2) Спальник Эклект, видя, с каким легким сердцем он убивает своих спальников, предупредил его и сам принял участие в интриге, имевшей целью убить Коммода. (3) Выступая как секутор, Коммод брал гладиаторское оружие и набрасывал на свои обнаженные плечи небольшой пурпурный лоскут. (4) Он обыкновенно приказывал заносить в городские ведомости сообщения обо всех своих позорных, бесчестных и жестоких поступках, о тех случаях, когда он поступал как гладиатор или как сводник, — об этом свидетельствуют сочинения Мария Максима. (5) Коммодовым он назвал даже римский народ, на глазах которого он очень часто бился как гладиатор. (6) Несмотря на то, что при его выступлениях в боях народ часто встречал его с благоговением как бога, он, думая, что над ним насмеются, дал в амфитеатре приказ морским воинам, натягивавшим тент, избивать римский народ. (7) Еще раньше он приказал сжечь Рим — именно как свою колонию; и это было бы сделано, если бы префект претория Лет не отговорил Коммода. (8) Среди прочих имен, которыми его наделяли во время триумфа, он шестьсот двадцать раз был назван также «перворазрядным секутором».

XVI. (1) В его правление наблюдались следующие чудесные явления, имевшие значение для государства вообще и для него самого, в частности. (2) Появилась звезда с хвостом. На форуме были видны следы уходящих богов. Перед войной с дезертирами небо пылало. В январские календы цирк неожиданно покрылся мраком и наступила темнота. Перед рассветом явились зловещие птицы,

предвещавшие пожар. (3) Сам он переселился из Палатинского дворца на Целийский холм, в Вектилианские палаты, говоря, что не может спать в Палатинском дворце. (4) Открылись сами собой двери храма двуликого Януса, и видели, как пришло в движение мраморное изображение Анубиса. (5) В продолжение многих дней медная статуя Геркулеса в портике Минуция покрывалась потом. Над спальней Коммода как в Риме, так и в Ланувии была поймана сова. (6) Да и сам он был виновником тяжелой для себя приметы: опустив руку в рану убитого гладиатора, он затем обтер руку у себя на голове. Вопреки обычаю, он приказал зрителям явиться на зрелище не в тогах, а в дорожных платьях, как это обыкновенно делалось на похоронах, и сам он восседал в одежде темного цвета. (7) Шлем его дважды был вынесен через либитинские ворота. (8) Он произвел раздачу народу — каждому по семисот двадцати пяти денариев. По отношению ко всем остальным он был очень скуп, так как своими расточительными расходами истощил казну. (9) Он сильно увеличил число цирковых игр, — скорее вследствие увлечения ими и чтобы обогатить главарей цирковых партий, нежели из религиозных побуждений.

XVII. (1) Под влиянием всего этого, хотя и слишком поздно, префект Квинт Эмилий Лет и наложница Коммода Марция составили заговор с целью убить Коммода. (2) Сначала они дали ему яду, но яд не подействовал. Тогда, по их приказанию, его задушил атлет, с которым Коммод обычно упражнялся в борьбе. (3) Коммод отличался хорошим телосложением. Выражение его лица было бессмысленное, какое обычно бывает у пьяниц, речь — бессвязная; волосы были всегда на-

крашены и сверкали золотыми блестками. Волосы на голове и бороду он подпаливал, боясь цирюльника. (4) Сенат и народ потребовали, чтобы труп его волокли крюком и бросили в Тибр, но позже, по приказанию Пертинакса, он был перенесен в усыпальницу Адриана. (5) Кроме бани, которую построил от его имени Клеандр, никаких других его построек не существует. (6) Имя его, вырезанное на чужих сооружениях, сенат приказал выскоблить. (7) Даже постройка, начатая его отцом, он не закончил. Он завел африканский флот, который мог бы пригодиться в тот случай, если бы прекратилась доставка хлеба из Александрии. (8) Смешное название дал он Карфагену — «Коммодова Александрия в тоге» и африканский флот он назвал «Коммодовым Геркулесовым». (9) Он добавил к Колоссу некоторые украшения, которые все впоследствии были удалены. (10) Голову Колосса он снял, так как это была голова Нерона, и приделал ему изображение своей головы; он сделал, как это обычно делается, надпись, не преминув упомянуть своих прозваний гладиатора и изнеженного человека. (11) Император Север, грозный и вполне оправдывающий свое имя, причислил Коммода — по видимому, из ненависти к сенату, — к богам и назначил для служения ему выбранного им самим еще при жизни фламина «Коммодова Геракла». (12) После смерти Коммода остались в живых три его сестры. Север постановил праздновать день рождения Коммода.

XVIII. (1) Возгласы в сенате после смерти Коммода были грозные. (2) Чтобы знали, какого мнения был сенат о Коммодe, я приведу выписанные мною из книги Мария Максима самые возгласы и

текст постановления сената. (3) «У врага отечества отнять все почести, у злодея отнять почести, тащить труп злодея! Враг отечества, злодей, гладиатор, пусть будет растерзан в сполиарии. (4) Враг богов — палач сената, враг богов — убийца сената, враг богов — враг сената! Гладиатора — в сполиарий! (5) Кто убивал сенат — того бросить в сполиарий, кто убивал сенат — того тащить крюком, кто убивал безвинных — того тащить крюком: он — враг и злодей! Верно, верно! Кто не щадил даже своих единокровных — того тащить крюком! (6) Кто намеревался убить тебя — того тащить крюком! (7) Вместе с нами ты испытывал страх, вместе с нами ты подвергался опасности! О, Юпитер всеблагий величайший, сохрани нам Пертинакса, чтобы мы были невредимы! (8) Честь и слава верности преторианцев! Честь и слава преторианским когортам! Честь и слава римскому войску! (9) Честь и слава благочестию сената! Злодея — тащить! (10) Мы просим тебя, Август, — пусть тащат злодея! Мы просим о том, чтобы тащили злодея! Услышь нас, Цезарь! Доносчиков — львам! Услышь нас, Цезарь: Сперата — львам! (11) Честь и слава победе римского народа! Честь и слава верности воинов! Честь и слава верности преторианцев! Честь и слава преторианским когортам! (12) Долой отовсюду статуи врага, отовсюду статуи злодея, отовсюду статуи гладиатора! Сбросить статуи гладиатора и злодея! (14) Убийцу граждан тащить, злодея тащить! Статуи гладиатора сбросить! (14) Пока ты жив, и мы живы и невредимы! Верно, верно да, верно, да, достойно, да, верно, да, свободно! (15) Теперь мы невредимы — страх доносчикам! Чтобы мы были невредимы — страх доносчикам! Рады нашей безопасности — доносчиков вон из сената,

доносчикам — палки! Пока ты жив, доносчиков — львам! (16) В твоё правление доносчикам — палки!

XIX. (1) Пусть исчезнет память о злодее-гладиаторе, сбросить статуи злодея-гладиатора! Пусть исчезнет память о грязном гладиаторе! Гладиатора в споллиарий! Услышь нас, Цезарь: палача тащить крюком! (2) Палача сената тащить крюком по обычаю предков! Он свирепее Домициана, грязнее Нерона! Так он поступал, и так да воздастся ему! Да сохранится память о безвинно погубленных! Просим восстановить честь невинных! (3) Труп злодея тащить крюком, труп гладиатора тащить крюком, труп гладиатора бросить в споллиарий! Опроси нас, опроси нас, мы все предлагаем — тащить его крюком! (4) Кто всех убивал — того тащить крюком! Кто убивал людей любого возраста — тогда тащить крюком! Кто убивал людей того и другого пола — того тащить крюком! Кто не щадил даже своих единокровных — того тащить крюком! Кто грабил храмы — того тащить крюком! (5) Кто уничтожал завещания — того тащить крюком! Кто грабил остающихся в живых — того тащить крюком! (6) Мы были рабами рабов! Кто за право жизни требовал плату — того тащить крюком! Кто, даже получив плату за право жизни, нарушал обещание — того тащить крюком! Кто продал сенат — того тащить крюком. Кто у детей отнимал наследство — того тащить крюком! (7) Наушников — вон из сената! Доносчиков — вон из сената! Кто подучивал рабов доносить — тех вон из сената! И ты разделял с нами страх, ты все знаешь, ты знаешь честных и дурных! (8) Ты все знаешь, ты все исправь! Мы боялись за тебя! О, какое счастье для нас видеть тебя, настоящего императора! Доложи о злодее,

доложи, опроси нас! Мы просим твоего присутствия! (9) Безвинно убитые лишены погребения — тащить труп злодея! Злодей вырыл трупы погребенных — тащить труп злодея!».

XX. (1) По приказанию Пертинакса, прокуратор наследственного имущества императора Ливий Лавренс выдал намеченному в консулы Фабью Хилону труп Коммода, и последний был погребен ночью. (2) В сенате поднялись крики: «По чьему распоряжению похоронили его? (3) Вытащить из могилы злодея, тащить его!» Цингий Север сказал: «Незаконно похоронили его. Что говорю я, понтифик, то говорит коллегия понтификов. (4) Изложив то, что доставит нам отраду, обращусь теперь к тому, что необходимо сделать. Я предлагаю уничтожить все то, что принудил нас постановить в его честь человек, живший только на погибель гражданам и на позор себе. (5) Статуи, стоящие повсюду, следует уничтожить, имя его выскоблить со всех памятников — частных и государственных, а месяцы пусть носят те названия, какие они носили раньше, когда это бедствие еще не обрушилось на государство».

Юлий Капитолин

**КЛОДИЙ
АЛЬБИН**

I. (1) После смерти Пертинакса, который был убит по подстрекательству Альбина, были одновременно провозглашены императорами: Юлиан — сенатом в Риме, Септимий Север — войском в Сирии, Песценний Нигер — на Востоке, Клодий Альбин — в Галлии. (2) О Клодии Геродиан говорит, что он был Цезарем у Севера, но так как каждый из них считал другого недостойным быть императором и так как ни галлы, ни германские войска не могли этого потерпеть, ведь сами они имели своего особого государя, то все со всех сторон пришло в замешательство. (3) Клодий Альбин и происходил из знатной фамилии, но родом был из африканского Гадрумета. (4) Поэтому то предсказание оракула, где воздавалась хвала Северу, он относил к себе, не желая понимать слов «наихудший же белый», которые содержались в том стихе, где было прославление Севера и одобрение Нигеру Песценнию. (5) Но прежде чем говорить о его жизни, надо сказать также и об обстоятельствах, выдвинувших его,

II. (1) Некогда Коммод, смещая Альбина, написал ему письмо, в котором приказывал ему

быть Цезарем. Я даю его копию: (2) «Император Коммод Клодию Альбину. В тот раз я официально написал о твоём преемнике и о твоём почетном звании; а это письмо — дружеское и частное, написанное, как ты видишь, моей собственной рукой, я посылаю тебе, чтобы дать возможность, в случае надобности, выступить перед воинами и принять имя Цезаря. (3) До меня доходят слухи, что и Септимий Север и Ноний Марк дурно отзываются обо мне перед воинами, чтобы этим подготовить себе путь к занятию императорского положения. (4) Кроме того, поступив таким образом, ты будешь иметь полную возможность выдать каждому жалованье до трех золотых, так как я и по этому поводу отправляю письмо моим прокураторам; ты сам получишь его, на нем печать с изображением амазонки. Когда нужно будет, ты покажешь его счетным чиновникам, чтобы они не ослушались тебя, когда ты пожелаешь затребовать деньги из государственного казначейства. (5) Для того, чтобы у тебя были какие-нибудь знаки императорского величия, ты отныне будешь иметь право носить греческий плащ алого цвета даже в моем присутствии и на приеме у меня, и находясь со мною; ты будешь также иметь порфиру, но без золота, так как и прадед мой Вер, умерший в юном возрасте, получил такое право от Адриана, который усыновил его».

III. (1) Получив это письмо, Альбин не пожелал исполнить приказание, понимая, что рано или поздно Коммод из-за своих нравов, которыми он губил государство и обесславил себя, будет убит, и боясь, как бы вместе с ним не пришлось бы погибнуть и ему самому. (2) До сих

пор сохранилась его речь, произнесенная на солдатской сходке, когда он принял императорскую власть (причем, по словам некоторых, она была закреплена за ним волей Севера), где он упоминает об этом обстоятельстве. (3) Вот ее копия: «Что я, соратники, против своей воли был вынужден стать императором, доказывается тем, что я отверг пожалованное мне Коммодом звание Цезаря. Но теперь мне следует подчиниться вашей воле и воле Севера Августа, так как я убежден, что под властью превосходного человека и храброго мужа государство может хорошо управляться». (4) Нельзя отрицать и того, о чем упоминает Марий Максим, а именно: что у Севера было сначала намерение, если с ним что-нибудь случится, назначить своими преемниками Песценния Нигера и Клодия Альбина. (5) Однако потом, заботясь о своих подрастающих сыновьях и завидуя Альбину, которого любили, он переменял свое намерение и сломил их обоих с помощью военной силы, главным образом под влиянием просьб своей жены. (6) Наконец, Север наметил его в консулы: ведь он, с такой тщательностью выбиравший должностных лиц, во всяком случае не сделал бы этого для человека, который не обладал бы превосходными качествами.

IV. (1) Но чтобы возвратиться к Альбину, — происходил он, как я сказал, из Гадрумета, принадлежал к знати своего города; род его шел от римских фамилий Постумиев, Альбинов и Цейониев. (2) И теперь еще, величайший Константин, эта последняя фамилия является очень знатной: она возвеличена и будет возвеличена тобою, а значение ее возросло больше всего благодаря Галлиену

и Гордианам. (3) Альбин, однако, родился в скромном доме от безупречных родителей, которые оставили ему небольшое состояние. Отцом его был Цейоний Постум, матерью — Аврелия Мессалина; он был у них первенцем. (4) При своем появлении на свет он в противоположность всем младенцам, которые при рождении обычно бывают красными, оказался очень белым и поэтому был назван Альбином. (5) Что это правда, доказывает письмо его отца Элию Бассиану, бывшему тогда проконсулом Африки, по-видимому, их родственнику. (6) Письмо Цейония Постумия Элию Бассиану: «За шесть дней до декабрьских календ у меня родился сын; все тело его сразу же оказалось таким белым, что оно превосходило белизной то полотенце, на котором он был воспринят. (7) Поэтому, приняв его на руки, я отдал его фамилии Альбинов, которая одинаково родственна мне и тебе, и дал ему имя Альбина. Люби, как ты это и делаешь, государство, самого себя и нас».

V. (1) Итак, свое детство он провел в Африке. (2) Познания его в греческой и латинской литературе были посредственными, так как он уже тогда, говорят, отличался воинственным и гордым духом. Передают, что в школе, среди мальчиков, он часто пел стихи:

*Я вне себя хватаюсь за меч,
хоть пользы в нем мало,*

повторяя: «Взял я оружие, безумный». (3) При его рождении, говорят, было много предзнаменований, указывавших на то, что он будет императором. Родился белый бык, но с рогами совершенно пурпурного цвета, так что все удивлялись

и рогам, и окраске быка. (4) В бытность свою трибуном Альбин, говорят, положил эти рога в храм Аполлона в Кумах, и они там долго находились. Когда, вопрошая о своей судьбе, он тянул жребий, ответ, говорят, был дан ему следующими стихами:

*Тот, кто Рим укрепит,
поколебленный тяжкою смутой.
Кто, воюя в седле,
разгромил пунийцев и галлов.*

(5) Известно, что и в Галлии он укротил много племен. Что касается слов «разобьет он пунов», то сам Альбин подозревал, что это предсказание имеет в виду Севера, так как Септимий был африканцем. Было и другое предзнаменование ожидавшей его императорской власти. (6) Дело в том, что в фамилии Цезарей был свой особенный обычай — купать малышей из этого дома в корытах из черепаховой кости. Когда родился младенец Альбин, рыбак принес в подарок его отцу огромную черепаху. (7) Получив такое знамение, он, как человек образованный, охотно принял эту черепаху, велел позаботиться о ней и предназначить ее для купаний младенца в теплой воде, надеясь, что это будет способствовать будущей его славе. (8) Хотя в тех местах, где родился Альбин, редко можно видеть орлов, — в седьмой день его жизни, в час пира, который устраивался в честь ребенка, когда ему давались имена, были принесены из гнезда семеро маленьких орлят и, словно в шутку, поставлены вокруг колыбели мальчика. Отец не отверг и этого знаменья: он велел кормить орлов и тщательно о них заботить-

ся. (9) К этому присоединилось еще одно знамение: в этой семье был обычай пеленать детей в розовые пеленки; те, которые были приготовлены матерью перед родами, случайно оказались еще мокрыми после стирки, и его завернули в пурпурную повязку матери, почему кормилица и дала ему в шутку имя Порфирия. (10) Было много и других предзнаменований ожидавшей его императорской власти. Тот, кто желает знать их все, пусть читает Элия Корда, который подробно рассказывает всякие пустяки по поводу такого рода знамений.

VI. (1) Достигнув юношеского возраста, он сразу же посвятил себя военной службе. Благодаря своим родственникам Лоллию Серену, Бебию Мещиану и Цейонию Постумиану он стал известен Антонинам. (2) В звании трибуна он командовал далматскими всадниками. Командовал он также четвертым и первым легионом. Во время восстания Авидия он удержал в повиновении вифинские войска. (3) Затем, переведенный Коммодом в Галлию, он разбил зарейнские племена и прославил свое имя как у римлян, так и у варваров. (4) Восхищенный этими успехами, Коммод предложил ему звание Цезаря, право выдавать жалование воинам и носить греческий плащ алого цвета. (5) От всего этого он благоразумно отказался, говоря, что Коммод ищет людей, которые могли бы погибнуть с ним или которых он сам мог бы убить, имея на то достаточное основание. (6) Ему было разрешено пропустить должность квестора. Получив такую милость, он пробыл эдилом не больше десяти дней и спешно был послан к войску. (7) Затем он исполнял должность претора; это преторство было самым замечательным в правле-

ние Коммода, так как во время его игр Коммод устроил, как передают, сражение и на форуме, и в театре. (8) Консулом его объявил Север в то время, когда он готовился назначить Альбина вместе с Песценнием своим преемником.

VII. (1) Он достиг императорской власти уже в преклонных годах, был он старше Песценния Нигера, как говорит в своем жизнеописании сам Север. (2) После победы над Песценнием Север, желая сохранить власть для своих детей и видя, что сенат относится с необыкновенной любовью к Клодию Альбину как человеку древнего рода, он отправил Альбину через некоторых лиц наполненное уверениями в величайшей приязни и величайшем расположении письмо, в котором убеждал его, раз Песценний Нигер убит, согласиться совместно с ним на основе доверия править государством. Корд приводит копию этого письма в таком виде: (3) «Император Север Август Клодию Альбину Цезарю, любимейшему и желаннейшему брату, привет. (4) Победив Песценния, я отправил в Рим письмо, которое сенат, горячо любящий тебя, принял с удовольствием. Я прошу тебя править государством с той же любовью, какую я чувствую к тебе, дорогой брат души моей, мой брат по управлению империей. (5) Бассиан и Гета шлют тебе привет. Наша Юлия шлет привет тебе и сестре. Твоему маленькому сыну Песценнию Принку мы пошлем подарки, достойные его и твоего положения. (6) Прошу тебя, удерживай в своих руках войско ради государства и нас, часть души моей, мой дражайший, мой любимейший».

VIII. (1) Передав это письмо самым верным людям из своей свиты, он поручил им вручить

письмо на виду у всех, а потом сказать, что они хотят поговорить наедине о многом по поводу военных дел, лагерных тайн и верности придворных; когда же они придут в уединенное место, как бы для того, чтобы передать поручение, пятеро самых сильных должны убить Альбина короткими мечами, спрятанными под одеждой.

(2) Они не обманули его доверия. Прибыв к Альбину и передав ему письмо, они, после того как письмо было прочтено, сказали, что им надо кое о чем переговорить совершенно секретно, и потребовали, чтобы было назначено место, где не было бы свидетелей, причем настаивали на том, чтобы вообще никто не шел вместе с Альбином в очень отдаленный портик под тем предлогом, что содержание письма не должно быть разглашено.

Альбин, однако же, разгадал их коварный замысел. (3) Под влиянием своих подозрений он велел пытаться посланных. Сначала они упорно отпирались, но потом, уступая принуждению, признались в том, что поручил им сделать Север.

(4) После того как замысел Севера был разглашен и козни его обнаружены, Альбин понял очевидность того, что он только подозревал, и, собрав огромное войско, двинулся против Севера и его полководцев.

IX. (1) В первом столкновении с полководцами Севера он оказался победителем, но затем Север, добившись от сената объявления Альбина врагом, сам отправился против него и весьма упорно и храбро сражался с ним в Галлии с переменным счастьем. (2) Наконец, он в тревоге обратился к авгурам и получил, как говорит Марий Максим, такой ответ, что Альбин, правда, попадет в его руки, но не живым и не мертвым, что и

сбылось. (3) В последнем сражении, когда бесчисленное количество его воинов было убито, большинство бежало, а многие и сдались, сам Альбин обратился в бегство и, по словам многих, сам поразил себя, а по словам других — его поразил мечом его собственный раб; к Северу он был доставлен полумертвым, и таким образом исполнилось данное предсказание. (4) Многие, кроме того, говорят, что он был убит воинами, которые, убивая его, думали снискать этим милость Севера. (5) Некоторые говорят, что у Альбина был один сын; Марий Максим говорит — двое. Сначала Север пощадил их, а потом велел убить их вместе с их матерью и бросить в проточную воду. (6) Его отрубленную голову Север велел носить на копье, а потом отослать ее в Рим с письмом сенату, в котором он издевался над сенаторами по поводу того, что они до такой степени любили Альбина, что осыпали необыкновенными почестями его родственников и особенно его брата. (7) Говорят, что труп Альбина лежал перед палаткой командующего Севера очень много дней, пока не разложился, и, истерзанный собаками, был брошен в проточную воду.

Х. (1) О нравах его рассказывают разное, и сам Север говорит подробно для того, чтобы назвать его мерзким, лукавым, бесчестным, недостойным, алчным, расточительным. (2) Но это он говорил во время войны или после войны, когда ему вообще нельзя было верить, так как он говорил о враге, тогда как раньше и сам он часто посылал ему письма как самому близкому другу, и другие высказывали об Альбине хорошее мнение. (3) Сам Север хотел назвать его своим Цезарем и, думая о своем преемнике, в пер-

вую очередь имел в виду его. (4) Имеются также письма Марка Антонина об Альбине, заключающие в себе свидетельство о его доблестях и добрых нравах. (5) Не будет неуместным поместить здесь одно из них, написанное по поводу него префектам: (6) «Марк Аврелий Антонин своим префектам привет. (7) Альбину из рода Цейониев, хотя и африканцу по рождению, но не много имеющему от нравов этой страны, зятю Плавтилла, я дал командование над двумя конными когортами. Это человек опытный, отличающийся суровым образом жизни и почтенными нравами. Думаю, что он будет полезным в лагере; во всяком случае, я вполне уверен в том, что вреда он не принесет. (8) Я назначил ему двойное содержание, простую военную одежду, а жалованье в четырехкратном размере против того, какое причитается ему по его положению. Ободряйте его, чтобы он показал себя перед государством, в будущем он будет награжден по заслугам». (9) Есть и другое письмо, написанное о нем тем же Марком во время восстания Авидия Кассия. Вот его копия: (10) «Похвальна твердость Альбина, который удержал в повиновении сильно колебавшиеся войска, когда они готовы были перейти на сторону Авидия Кассия. (11) Если бы не он, — все бы отпали. Таким образом, мы имеем в нем человека, достойного консульства; я назначу его на смену Кассию Папирию, о котором мне сообщили, что он едва дышит. (12) Однако пока что я не хочу, чтобы ты разгласил это: как бы это не дошло до самого Папирия или до его близких и не показалось, что мы на место еще живого консула назначили другого».

ХІ. (1) Что Альбин был человеком твердым, доказывается и приведенными письмами, и особенно тем, что он послал деньги для восстановления городов, разрушенных Нигером, чтобы тем легче привлечь на свою сторону их жителей. (2) Кодр, который в написанных им томах излагает разные мелочи, сообщает, что он был прожорлив и поглотил такое количество фруктов, какое не может охватить человеческий разум. (3) По его словам, он съел натоцак пятьсот воробьиных фиг, которые греки называют каллиструтиями, сто кампанских персиков, десять остийских дынь, двадцать фунтов лабиканского винограда, сто фиговых пенок и четырехста устриц. (4) Он же говорит, что Альбин был умерен в употреблении вина, но это отрицает Север, который утверждает, что Альбин пьянствовал даже на войне. (5) Со своими он был всегда в дурных отношениях либо вследствие своей страсти к вину, как говорит Север, либо вследствие крутости своего нрава. (6) Жене он был в высшей степени ненавистен, по отношению к слугам — несправедлив, по отношению к воинам — свиреп. Часто он распинал на кресте даже образцовых центурионов, хотя вина их не требовала такого наказания. Розгами он наказывал очень часто и проступков никогда не прощал. (7) Он носил очень щегольскую одежду, в еде же был крайне неразборчив и заботился только о количестве. Он был одним из первых любителей женщин, но всегда чуждался извращенных любовных утех и преследовал за такие вещи. Он имел большие познания в сельском хозяйстве и даже написал книгу «Георгики». (8) Некоторые приписывают ему «Милетские

рассказы», пользующиеся немалой славой, хотя написаны они посредственно.

ХII. (1) Сенат любил его как никого из государей, главным образом из нерасположения к Северу, которого сенаторы сильно ненавидели за его жестокость. (2) Победив Альбина, Север убил очень многих сенаторов, которые либо действительно были, либо казались сторонниками Альбина. (3) Когда Альбин был убит при Лугдуне, Север немедленно приказал отыскать его письма для того, чтобы узнать, кому он писал и кто ему отвечал, и он заставил сенат признать врагами всех тех, чьи письма он нашел; (4) никого из них он не простил, но самих погубил, а имущество их конфисковал и велел сдать в государственную казну. (5) Имеется письмо этого императора сенату, в котором хорошо отражается его характер. (6) Вот его копия: «Ничего не может быть тяжелее для меня, отцы сенаторы, нежели видеть, что вы благоволите больше к Альбину, чем к Северу. (7) Я доставил хлеб государству, я вел много войн за государство, я доставил римскому народу столько масла, сколько с трудом можно было найти в природе. Убив Песценния Нигера, я освободил вас от бедствий тирании. (8) Вы превосходно вознаградили меня за это, превосходно отблагодарили: какого-то африканца, притом из Гадрумета, выдумавшего, будто он происходит от крови Цейониев, вы так возвеличили, что пожелали иметь его своим государем, в то время как государем являюсь я, и живы мои дети. (9) Неужели, спрашиваю я, в составе столь большого сената не нашлось кого-нибудь другого, кого вам следовало бы полюбить, кто любил бы вас. Брата этого человека вы возвели-

чили, осыпав его почестями, от него вы ждете консульств, от него — преторств, от него — всяких должностей с их знаками отличия. (10) Не такую благодарность проявляете вы по отношению ко мне, какую выказали ваши предки, выступив против приверженцев Пизона, высказавшись за Траяна и недавно еще выступив против Авидия Кассия; этого притворщика, готового на всякого рода обман, лживо присвоившего себе знатность, вы предпочли мне. (11) Больше того, — стоило только послушать в сенате Статилия Корфулена, когда он предлагал назначить почести Альбину и его брату: недоставало только одного — чтобы этот знатный муж внес еще предложение о назначении триумфа за победу надо мной. (12) Еще больше огорчило меня то, что большинство из вас считало долгом восхвалять его как образованного человека, тогда как он до самой старости занимался какими-то старушечьими побасенками, вращаясь между милетско-пунийскими рассказами своего Апулея и литературными забавами». (14) Отсюда можно видеть, с какой суровостью Север покарал приверженцев Песценния и приверженцев Клодия. (14) Все это рассказано в жизнеописании Севера. Тот, кто хочет узнать об этом подробнее, пусть прочтет из римских писателей Мария Максима, а из греческих Геродиана, которые достоверно рассказали об очень многом.

XIII. (1) Альбин был высокого роста, на своих курчавых волосах носил повязку, лоб у него был широкий. Кожа его отличалась удивительной белизной, которая приводила всех в изумление; вследствие этого, как думают многие, он и получил свое имя. Голос у него был женский и по

звуку приближался к голосу евнухов. Он легко приходил в возбуждение, в гневе был неумолим, в ярости — страшен. В излишествах он был непостоянен: часто проявлял слабость к вину, не раз бывал воздержан. (2) Он хорошо владел оружием. Словом, его очень удачно называли Катилиной своего времени. (3) Мы считаем нелишним изложить причины, по которым Клодий Альбин заслужил любовь сената. (4) Командуя по приказу Коммода британскими войсками и получив ложное для того времени известие об убийстве Коммода, он, несмотря на то что сам Коммод пожаловал ему имя Цезаря, выступил перед воинами на сходке с такой речью: (5) «Если бы сенат римского народа имел свою прежнюю, всем известную власть и столь великое государство не находилось в руках одного человека, то судьбы государства не зависели бы ни от Вителлиев, ни от Неронов, ни от Домицианов. Консульская власть принадлежала бы родам Цейониев, Альбинов, Постумиев, о которых многое узнали отцы ваши, сами слыхавшие о них от своих отцов: (6) ведь сенат присоединил к Римской империи Африку, сенат добавил Галлию, сенат покорил Испанию, сенат предписал законы восточным народам, сенат пытался покорить парфян и покорил бы, если бы судьба государства не поставила тогда во главе войска корыстолюбивого вождя. (7) Британию завоевал Цезарь, который был тогда, несомненно, сенатором, но еще не диктатором. И сам этот Коммод, насколько лучше был бы он, если бы чувствовал страх перед сенатом. (8) Авторитет сената имел значение вплоть до времен Нерона: сенат не побоялся осудить этого грязного и мерзкого государя —

ведь были высказаны мнения, враждебные тому, кто держал тогда в своих руках жизнь и смерть и имел всю полноту власти. (9) Поэтому, соратники, я не хочу принять имя Цезаря, которое даровал мне Коммод. (10) Да сделают боги так, чтобы и другие также этого не пожелали. Пусть властвует сенат, пусть он распределяет провинции, пусть он делает нас консулами! Но что я говорю — сенат? Нет, вы сами и ваши отцы, так как вы сами будете сенаторами».

XIV. (1) Эта речь была передана в Рим еще при жизни Коммода. Она так сильно восстановила его против Альбина, что он немедленно послал ему преемника — одного из близких своих товарищей Юния Севера. (2) Сенату же речь эта так понравилась, что он приветствовал Альбина, хотя тот и был далеко, удивительными возгласами как при жизни Коммода, так и потом, когда Коммод был убит. Некоторые даже советовали Пертинаксу принять Альбина в соправители; его авторитет больше всего подействовал на Юлиана, когда последний решил убить Пертинакса. (3) Чтобы стало понятно, что это правда, я помещаю здесь письмо Коммода к своим префектам претория, в котором он выразил свое намерение убить Альбина. (4) «Аврелий Коммод префектам, привет. Вы, думаю, слышали, прежде всего, о том, что был пущен ложный слух, будто я убит по решению моих близких, а затем — и о речи, произнесенной перед моими воинами Клодием Альбином, который очень подслушивается к сенату и притом, насколько мы понимаем, не без успеха. (5) Ведь тот, кто утверждает, что в государстве не должно быть единого государя, кто настаивает на том, что все

государство должно управляться сенатом, тот с помощью сената добивается для себя императорской власти. Поэтому тщательнейшим образом следите за ним: вы ведь знаете уже, что это такой человек, которого и вам, и воинам, и народу следует избегать». (6) Когда Пертинакс нашел это письмо, он обнародовал его, чтобы вызвать ненависть к Альбину. Вот почему Альбин и подстрекал Юлиана к убийству Пертинакса.

Элий Спартиан

**АНТОНИН
КАРАКАЛЛА**

I. (1) Из двоих сыновей, оставленных Септием Севером, из которых Антонина провозгласило императором войско, а второго — отец, Гета был объявлен врагом, а Бассиан, как известно, удержал в своих руках императорскую власть. (2) Мы считаем излишним повторять сообщения о его предках, так как обо всем этом достаточно сказано в жизнеописании Севера. (3) В детстве он отличался мягким характером, был остроумен, приветлив с родителями, приятен друзьям своих родителей, любезен народу, мил сенату; все эти качества послужили ему на пользу, привлекая к нему общую любовь. (4) Он не обнаруживал тупости в занятиях наукой, не был склонен скрывать свое расположение, не скупился на щедрые подарки, охотно оказывал милость, но все это было при жизни родителей. (5) Если ему когда-либо приходилось видеть осужденных, отдаваемых на растерзание диким зверям, он плакал или отворачивался; это вызывало особенное расположение к нему народа. (6) Будучи семилетним мальчиком, он услышал, что товарища его по детским играм жестоко высекли за то, что он исповедовал иудейскую религию, и он долгое время не смот-

рел ни на своего отца, ни на отца этого мальчика, так как считал их виновниками порки. (7) Благодаря его вмешательству были возвращены старинные права антиохийцам и византийцам, на которых Север гневался за то, что они помогали Нигеру. Он возненавидел Плавциана за его жестокость. (8) Подарки, которые он получал от родителей в праздник сигиллярий, он по собственному побуждению раздавал клиентам и своим учителям. Но таким он был в детстве.

II. (1) Когда же он вышел из детских лет, то под влиянием ли советов отца, или по врожденной хитрости, или потому, что считал нужным походить на Александра Великого, царя Македонского, он стал более замкнутым, более важным, даже лицо его стало более угрюмым, так что знавшие его мальчиком не верили, что это тот же человек. (2) Александр Великий и его деяния все время были у него на устах. Он часто восхвалял Тиберия и Суллу. (3) Он был более высокомерен, чем отец; брата своего он презирал за то, что тот держал себя очень просто. (4) После смерти отца он, удалившись в преторианский лагерь, стал жаловаться воинам на то, что он окружен кознями брата, и этим побудил их убить его брата в Палатинском дворце. Тело его он немедленно приказал предать огню. (5) Кроме того, он сказал в лагере, что брат готовился отравить его и относился к матери без должного уважения. Он публично выразил благодарность тем, кто убил его брата. (6) Им он увеличил жалованье как проявившим большую верность по отношению к нему. (7) Часть воинов в Альбе с величайшим негодованием узнала об убийстве Геты: все они говорили, что обещали быть верными двоим сыновьям Севе-

ра (8) и должны хранить верность двоим. Они заперли ворота и долго не впускали императора: их возбуждение улеглось не только оттого, что он выступил с жалобами на Гету и обвинениями против него, но и благодаря непомерному жалованью, которое, как это всегда бывает, успокоило воинов. Оттуда он возвратился в Рим. (9) Затем он вошел в курию, имея под сенаторской одеждой панцирь и сопровождаемый вооруженными воинами. Он поставил их посередине двойным рядом между сиденьями сенаторов и после этого произнес свою речь. (10) Он жаловался на козни брата, речь его была путаной и нескладной; во всем он обвинял брата, а себя оправдывал. (11) Все это сенат слушал без всякого удовольствия — когда он говорил о том, что позволял брату делать что угодно, что освободил брата от козней, а тот, наоборот, готовил против него самые злостные козни и не отвечал взаимностью на его братскую любовь.

III. (1) После этого он позволил вернуться на родину изгнанным и сосланным. Затем он отправился к преторианцам и остался в лагере. (2) На следующий день он направился на Капитолий и любезно беседовал с теми, кого он готовился убить; затем он возвратился в Палатинский дворец, опираясь на Папиниана и Хилона. (3) Когда он после убийства брата увидел мать Геты и других женщин в слезах, то готов был убить и всех этих женщин, но его удержали от этого, чтобы не усиливать слухов о его жестокости, распространившихся после убийства брата. (4) Он заставил умереть Лета, послав ему яд, — а ведь Лет первый подал ему совет убить Гету — и сам же первым погиб. (5) Сам он очень часто оплакивал смерть

Геты. Многих своих сообщников в этом убийстве он казнил, но казнил и того, кто почитал изображение Геты. (6) После этого он велел убить своего двоюродного брата Аффа, которому он еще накануне послал угощение со своего стола. (7) Тот от страха перед убийцами прыгнул вниз и — со сломанной ногой — укрылся у своей жены, но был схвачен и убит с насмешками. (8) Убил он также внука Марка — Помпеяна, сына дочери Марка и Помпеяна, за которого вышла замуж Луцилла после смерти императора Вера. Он два раза назначал его консулом и ставил командующим во время самых важных войн, какие тогда были; убил он его так, что могло показаться, будто тот погиб от рук разбойников.

IV. (1) Затем на его глазах воины поразили ударом топора и убили Папиниана, после чего император сказал убийце: «Тебе следовало исполнить мой приказ мечом». (2) По его приказу был убит также перед храмом божественного Пия Патруин, и трупы их протащили по улице, не считаясь с требованиями человечности. Умертвил он и сына Папиниана, который за три дня до этого дал — в качестве квестора — богатые зрелища. (3) В те же дни было убито бесконечное число людей, которые сочувствовали его брату, были убиты даже вольноотпущенники, обслуживавшие Гету. (4) Затем были произведены убийства во всех местах, даже в банях; некоторые были убиты даже за столом, среди них — Саммоник Серен, от которого осталось очень много ученых книг. (5) Хилон, бывший два раза префектом и консулом, подвергся крайней опасности только за то, что советовал братьям жить в согласии. (6) Когда этого Хилона, без senatorской одежды, босого, тащили

воины римского гарнизона, Антонин усмирил мятеж. (7) Кроме того, он и после произвел по городу много убийств, причем воины повсюду хватали и убивали некоторых людей под видом наказания за мятеж. (8) Гельвия Пертинакса, сменного консула, он убил только за то, что тот был сыном императора. (9) Пользуясь разными случаями, он никогда не переставал убивать тех, которые были друзьями его брата. (10) Часто он с высокомерием поносил сенат, часто поносил он и народ — либо в издаваемых им эдиктах, либо в объявленных его обращениях, заявляя, что он будет вторым Суллой.

V. (1) После этих событий он направился в Галлию; прибыв туда, он немедленно убил нарбонского проконсула. (2) Приведя в смятение всех начальствовавших в Галлии лиц, он навлек на себя ненависть как тиран, хотя иногда и притворялся милостивым, тогда как по своей природе он был свирепым. (3) Совершив много несправедливостей по отношению к людям и нарушив права городов, он заболел тяжелой болезнью. По отношению к тем, кто за ним ухаживал, он проявил необыкновенную жестокость. (4) Затем, готовясь отправиться на Восток, он прервал свой путь и остался в Дакии. В Реции он убил немалое число варваров, а своих воинов он ободрял и одаривал так, словно это были воины Суллы. (5) Он запретил давать себе имена богов (как их давали Коммоду), когда воины называли его Геркулесом за то, что он убил льва и других диких зверей. (6) Одолев германцев, он назвал себя — в шутку или серьезно (ведь он был глуп и сумасброден) — «Германским», утверждая, что если бы он победил луканцев, его следовало бы называть «Лу-

VIII. (1) Я знаю, что многие в своих сочинениях писали о смерти Папиниана, не выясняя причины его убийства, так как разные люди давали разные объяснения. Я же предпочитаю изложить все разнообразные мнения, нежели умолчать об убийстве такого крупного человека. (2) Рассказывают, что Папиниан был самым близким другом императора Севера, а по словам некоторых — его родственником по второй жене. (3) Ему главным образом Север и поручил обоих своих сыновей, и потому он старался поддерживать согласие между братьями Антонинами. (4) Более того, он хотел предотвратить убийство Геты, когда Бассиан начал уже жаловаться на козни брата. Поэтому вместе с теми, кто стоял на стороне Геты, он был убит воинами не только с дозволения, но и по внушению Антонина. (5) Многие говорят, что после убийства брата Бассиан поручил ему оправдать, вместо себя, это преступление в сенате, а затем и перед народом, но Папиниан ответил, что не так легко оправдать братоубийство, как совершить его. (6) Есть и такой рассказ, что он не пожелал составить речь, которая должна была содержать нападки на брата, чтобы представить в лучшем свете действия того, кто убил. Отказываясь, он сказал, что одно дело — совершить братоубийство, а другое — обвинить безвинно убитого. (7) Это, однако, несообразно с истиной: ведь префект не мог составлять такие речи и совершенно точно известно, что он был убит как приверженец Геты. (8) Рассказывают еще, что когда воины тащили Папиниана во дворец, чтобы убить его, он предсказал будущее, говоря, что будет большим глупцом тот, кто, получив назначение на его место, не отомстит за полученную столь жесто-

ким путем должность префекта. (9) Так и случилось: как мы рассказывали выше, Макрин убил Антонина. (10) Став в лагере императором вместе со своим сыном, он назвал сына, который носил имя Диадумена, Антонином, потому что для преторианцев был особенно желанным Антонин.

IX. (1) Бассиан прожил сорок три года, пробыл императором шесть лет. Ему были устроены похороны на государственный счет. (2) Он оставил после себя сына, который впоследствии также был назван Марком Антонином Гелиогабалом: имя Антонинов настолько укоренилось в сознании людей, что его нельзя было вырвать — оно, как и имя Августа, полонило все сердца. (3) Бассиан отличался дурным нравом, жестокостью он превосходил своего сурового отца. Он был жаден до еды, питал слабость к вину, был ненавистен своим и ненавидим всеми войсками, кроме преторианцев. Вообще между братьями не было никакого сходства. (4) Он оставил в Риме замечательные бани, носящие его имя. В них помещение в форме подошвы, по признанию архитекторов, имеет неподражаемое устройство. (5) Говорят, что снизу подложены решетки из бронзы или меди, на которых покоится весь свод, а пространство там такое, какое ученые механики считают невозможным. (6) Он оставил и портик, носящий имя его отца, где изображены в картинах все деяния, триумфы и войны последнего. (7) Сам он получил имя Каракалла от названия спускающегося до пят одеяния, которое он раздавал народу. Раньше таких не было. (8) Поэтому и доньше такие каракаллы называются антониновскими; они особенно распространены среди простого народа в Риме. (9) Он устроил новую ули-

канским». (7) В то же время были осуждены те, кто мочился там, где стояли статуи и изображения государя, а также те, кто снимал венки с его статуй для того, чтобы положить другие. Были осуждены и те, кто носил на шее средства против четырехдневной и трехдневной лихорадки. (8) Путь по Фракии он совершил вместе с префектом претория, а затем, переправляясь в Азию, он подвергся опасности при кораблекрушении — сломалась мачта, так что он должен был вместе с телохранителями пересечь в челнок. Начальник флота взял его на трирему, и он таким образом спасся. (9) Он очень часто убивал кабанов, даже вышел против льва. В письмах к своим друзьям он особенно хвалился этим и хвастал, что приблизился к доблести Геркулеса.

VI. (1) Занявшись войной с армянами и парфянами, он поставил начальником действовавшей армии человека, нравы которого соответствовали его собственным. (2) Затем он направился в Александрию, собрал народ в гимнасий и выбрал его; после этого он приказал отобрать для военной службы наиболее сильных людей. (3) Тех, кого он отобрал, он велел убить — по примеру Птолемея Евергета, восьмого, носившего это имя. Затем, дав знак воинам убивать своих хозяев, он произвел в Александрии большую резню. (4) После этого, двинувшись через области кадузиев и вавилонян, он вступил в беспорядочное сражение с парфянскими сатрапами, напустив на врагов даже диких зверей. (5) Отправив сенату письмо, словно после победы, он получил прозвание «Парфянского» — прозвание «Германского» он получил еще при жизни отца. (6) Затем, желая вторично начать войну с парфянами, он зимовал в Эдессе, а

оттуда прибыл в Карры ради бога Луна. В день своего рождения, то есть за восемь дней до апрельских ид, в праздник Мегалензий, — в то время как он удалился для отправления естественных надобностей, он был убит по злому умыслу префекта претория Макрина, который захватил после него императорскую власть. (7) Соучастниками этого убийства были Немезиан, его брат Аполлинарис и Трикциан, который был на войне начальником второго «Парфянского» легиона и стоял во главе отряда отборных всадников; знали о нем — Марций Агриппа, стоявший во главе флота, и, кроме того, большинство начальствующих лиц, которых вовлек в заговор Марциал.

VII. (1) Он был убит на середине пути между Каррами и Эдессой, когда он сошел с коня, чтобы облегчиться, окруженный своими телохранителями, которые были участниками интриги, имевшей целью лишить его жизни. (2) Его конюший, посаживая его на коня, поразил его ударом кинжала в бок, и все единогласно заговорили о том, что это сделал Марциал. (3) Так как мы упомянули о боге Луне, то следует знать, что передано о нем мудрейшими людьми и что еще сейчас думают преимущественно жители Карр, а именно: кто считает, что Луну нужно называть женским именем, и причисляет ее к женскому полу, тот всегда покоряется женщинам и является их рабом; (4) тот же, кто верит, что этот бог мужского пола, будет властвовать над женой и не поддастся никаким женским козням. (5) Вследствие этого греки и египтяне, хотя они и говорят о богине Луне, относя ее к тому роду, к какому, говоря о людях, они относят женщину, — все же в своих таинственных учениях называют ее Луном.

цу, которая проходит у его, т.е. Антониновых, терм, красивее которой едва ли можно найти среди римских улиц. (10) Он привез в Рим священнодействия в честь Изиды и повсюду соорудил этой богине великолепные храмы. Священнодействия он совершал даже с большим благоговением, чем они совершались до него. (11) В этой связи мне кажется удивительным, как можно говорить о том, что священнодействия в честь Изиды впервые благодаря ему получили доступ в Рим, тогда как их уже справлял Антонин Коммод, который даже носил Анубиса и участвовал в остановках. Бассиан разве что увеличил их торжественность, но не ввел их первый. (12) Тело его было похоронено в гробнице Антонинов, так что его останки приняла место успокоения тех, которые дали ему имя.

Х. (1) Важно знать, каким образом он, как говорят, взял себе в жены свою мачеху Юлию. (2) Она была очень красива и как будто случайно обнажила перед ним большую часть своего тела. Антонин сказал: «Я пожелал бы, если бы это было дозволено». На это она, говорят, ответила: «Если угодно, то и дозволено. Разве ты не знаешь, что ты император и предписываешь законы, а не получаешь их?». (3) Когда он услышал это, его необузданная страсть усилилась и толкнула его на преступление: он справил свадьбу, которую он первый должен был бы запретить, если бы действительно понимал, что он предписывает законы. (4) Ведь он взял в жены свою мать (другим словом ее назвать нельзя) и к братоубийству прибавил кровосмесительство, сочетавшись браком с той, чьего сына он незадолго до того убил. (5) Не будет неуместным сооб-

щить здесь одно сказанное о нем насмешливое словцо: (6) когда он присвоил себе прозвание Германского, Парфянского, Арабского и Алеманского (племя алеманов он тоже победил), Гельвий Пертинакс, сын императора Пертинакса, говорят, в шутку сказал: «Добавь еще, если угодно, Величайший Гетский», намекая на то, что он убил своего брата Гету и что гетами называются готы, которых он, отправляясь на Восток, победил в беспорядочных сражениях.

XI. (1) Было много чудесных примет, предвещавших Гете, что он будет убит; об этом мы расскажем в его жизнеописании. (2) Он окончил свою жизнь раньше брата, но мы соблюли порядок, согласно которому сначала должна быть описана жизнь того, кто раньше родился и раньше стал императором. (3) В то время как — еще при жизни отца — войско провозгласило Бассиана Августом, так как страдавший болезнью ног Север, казалось, не был уже в состоянии управлять государством, Север, говорят, к огорчению воинов и трибунов, носился с мыслью убить и его, но этому воспротивились его префекты, люди почтенные. (4) Другие, наоборот, говорят, что этого хотели префекты, а Септимий не хотел — для того, чтобы его строгость не была клеймена как жестокость и чтобы, с другой стороны, юношу не постигла за его глупое легкомыслие кара настолько тяжелая, что это имело бы вид убийства сына отцом, тогда как виновниками преступления были воины. (5) Однако этот жесточайший человек или, чтобы охватить все одним словом, братоубийца и кровосмеситель, враг отца, матери и брата, был — из страха перед воинами, а главное преторианцами — причислен к богам тем самым Макрином,

который его убил. (6) Он имеет свой храм, имеет своих салиев, имеет товарищество антониновских жрецов — он, который отнял у Фаустины и храм, и почести обожествления, — (7) во всяком случае, храм, заложенный некогда ее мужем в честь ее у подножия Тавра; в нем впоследствии сын этого Бассиана, Гелиогабал Антонин, устроил храм себе или Юпитеру Сирийскому, или Солнцу (это остается неясным).

Элий Спартиан

**АНТОНИН
ГЕТА**

I. (1) Знаю, Константин Август, что многие, как и твоя милость, могут поставить вопрос, почему я описываю жизнь Геты Антонина. Прежде чем начать рассказывать о его жизни и о его убийстве, я изложу, почему отец его Север дал ему имя Антонина. (2) Ведь немногое можно рассказать о жизни того, кто был устранен из жизни раньше, чем мог вместе с братом принять императорскую власть. (3) Септимий Север вопрошал богов и просил дать ему указание, кто будет его преемником после его смерти, — он увидел во сне, что ему наследует Антонин. (4) Поэтому он немедленно выступил перед воинами и назвал своего старшего сына Бассиана Марком Аврелием Антонином. (5) Сделав это, он под влиянием отцовских чувств или, как говорят некоторые, под давлением жены своей Юлии, которая знала о его сновидении, понял, что этим шагом он отрезал путь к власти своему младшему сыну; поэтому он приказал назвать Антонином и Гету, своего младшего сына. (6) Так он всегда называл его в своих дружеских письмах, когда ему приходилось отлучаться из Рима. Он писал: (7) «Передайте мой

привет моим сыновьям и преемникам Антонинам». Однако такая предосторожность отца не оказала никакого действия: наследовал отцу только тот, кто первый получил имя Антонина. Вот все, что я хотел сказать об имени «Антонин».

II. (1) Гетой он был назван в честь своего дяди или деда с отцовской стороны, о жизни и правах которого Марий Максим довольно подробно рассказал в первых семи главах жизнеописания Севера. (2) Гета был назван Антонином еще и потому, что Север желал, чтобы все последующие императоры, подобно тому как они именуется Августами, именовались также и Антонинами — из любви к Марку, который, по его словам, был ему отцом, чьей философии и литературным занятиям он всегда подражал. (3) Другие утверждают, что Гете было присвоено это имя не столько в честь Марка Антонина, так как ведь это имя было дано последнему при усыновлении, сколько в честь того, кто получил прозвание «Пий», то есть в честь преемника Адриана, — (4) а именно по той причине, что Пий выбрал Севера, бывшего до тех пор обыкновенным адвокатом, в адвокаты императорского казначейства: такое начало — первая ступень почестей, достигнутая им благодаря Антонину, — открыло перед ним путь к великим успехам. (5) Вместе с тем он считал, что никто из императоров не может дать более счастливого имени, чем тот государь, чье собственное имя носили уже четыре государя. (6) О том же Гете, как говорят, Север, познакомившись с его гороскопом, — а он, как и многие из африканцев, был очень сведущ в астрологии — сказал: (7) «Мне кажется удивительным, любезнейший Ювенал, что

наш Гета будет божественным, хотя в его гороскопе я не вижу ничего императорского», — Ювенал был у него префектом претория. И он не ошибся. (8) Когда Бассиан убил Гету, то, боясь, что братоубийство покроет его позором как тирана, и услышав, что можно смягчить ужас этого преступления, если провозгласить брата божественным, он, говорят, сказал: «Пусть будет божественным, лишь бы не был живым». (9) Он причислил его к богам, и поэтому народная молва кое-как примирилась с братоубийцей.

III. (1) Гета родился в консульство Севера и Вителлия в Медиолане (хотя некоторые сообщают иначе), за шесть дней до июньских календ, от Юлии, на которой Север женился, узнав, (2) что согласно ее гороскопу она будет женой царя, — а он был тогда еще частным человеком, хотя и занимал высокое положение в государстве. Сейчас же по рождении Геты было сообщено, что курица снесла на дворе пурпурного цвета яйцо. (3) Когда его принесли и Бассиан, брат Геты, маленький мальчик, бросив на землю, разбил его, Юлия, говорят, в шутку сказала: «Ах ты, проклятый убийца, ты погубил своего брата». (4) Эти сказанные в шутку слова поразили Севера глубже, чем когосибы из присутствовавших, а окружавшие его лица впоследствии признали в них данное свыше предсказание. (5) Было также и другое знамение: в имени какого-то Антонина, простого человека, родился — в тот же день и час, что и Гета, — ягненок, у которого на лбу была пурпурного цвета шерсть; услышав от гаруспика, что после Севера императором будет Антонин, и отнеся это предсказание к себе, этот человек, боясь такого

указания судьбы, зарезал ягненка. (6) И этот случай, как выяснилось впоследствии, был предзнаменованием того, что Гета должен погибнуть от руки Антонина. (7) Было и еще знамение, относившееся, как показал ужасный исход дела, к этому преступлению, — и оно сбылось. (8) Когда Север пожелал помолиться в день рождения младенца Геты, то жертвенное животное заклал слугитель по имени Антонин. (9) Тогда этого обстоятельства не выясняли и не обратили на него внимания, а впоследствии поняли его смысл.

IV. (1) Гета был красивым юношей с крутым нравом, но не бессовестный; он был скуп, занимался выяснением значения слов, был лакомкой, любил поесть и питал страсть к вину с разными приправами. (2) Рассказывают об одном его замечательном поступке в детстве. Когда Север решил истребить приверженцев противной партии и сказал в кругу своих близких: «Я избавлю вас от врагов», а Бассиан вполне согласился с ним и даже сказал, что если бы отец заботился о нем, то приказал бы убить и их детей, — Гета, говорят, спросил, каково количество тех, кто будет умерщвлен. (3) После того как отец ответил ему, он спросил еще: «Есть ли у них родители, есть ли близкие?». Когда последовал ответ, что у очень многих, он, горько заплакав, заметил: «Значит в государстве будет больше таких, кого опечалит наша победа, чем таких, кого она обрадует». (4) И его мнение одержало бы верх, если бы префект Плавциан или Ювенал не настояли бы на противном в надежде на конфискации, благодаря которым они обогатились. Их поддержал и Бассиан, отличавшийся исключительной жестокостью.

(5) Так как он спорил и говорил не то в шутку, не то серьезно, что всех приверженцев противной партии надо убить вместе с их детьми, Гета, говорят, сказал ему: «Ты, который никого не щадишь, способен убить и своего брата». Это высказывание прошло тогда незамеченным, а впоследствии было сочтено предзнаменованием.

V. (1) В своих занятиях литературой он выказал себя приверженцем древних писателей и всегда хранил в памяти изречения своего отца. Брат всегда относился к нему с ненавистью, а мать любила его больше, чем брата. Несмотря на легкое заикание, голос у него был певучий. (2) Он питал страсть к щегольской одежде — в такой степени, что отец смеялся над ним; все, что он получал в подарок от родителей, он употреблял на наряды и никому ничего не давал. (3) После Парфянской войны Север, покрытый необыкновенной славой, объявил Бассиана участником своей власти; по словам некоторых, и Гета тогда же был провозглашен Цезарем и Антонином. (4) Он любил задавать грамматикам такого рода вопросы: чтобы они объяснили ему, какие звуки издают те или иные животные, (5) например, — ягнята блеют, поросята хрюкают, голуби воркуют, медведи урчат, львы рычат, леопарды завывают, слоны кричат, лягушки квакают, лошади ржут, ослы режут, быки мычат; при этом он в доказательство ссылался на древних авторов. (6) Особенно любил он книги Серена Саммоника, которые тот посвятил Антонину. (7) У него было еще одно обыкновение: устраивая пиры и особенно завтраки, он приказывал обученным рабам подавать кушанья, названия которых начинались на одну

определенную букву, (8) например: гусь (anser), кабанье мясо (arguna), утка (anas); также — цыпленок (pullus), куропатка (perdix), павлин (pavus), поросенок (porcellus), рыба (piscis), окорок (perna) и все те виды съестного, названия которых начинаются на эту букву; также — фазан (fasianus), мучное блюдо (farrata), фиги (ficus) и тому подобное. Поэтому в юношеские годы он считался и забавником.

VI. (1) После убийства Геты часть воинов, которая еще не была подкуплена, с величайшим негодованием узнала об этом братоубийстве, причем все говорили, что они обещали быть верными двоим сыновьям и должны хранить верность двоим. Они заперли ворота и долго не впускали императора. (2) Наконец, только после того как улеглось возбуждение воинов — благодаря выступлению Бассиана с жалобами на Гету и раздаче непомерно большого жалованья — Бассиан мог вернуться в Рим. (3) После этого были убиты Папиниан и многие другие, старавшиеся поддерживать согласие между братьями или стоявшие на стороне Геты. Людей, принадлежавших к двум высшим сословиям, поражали в банях, за столом на виду у всех, причем сам Папиниан был зарублен топором, так что Бассиан выразил неудовольствие по поводу того, что дело не было сделано мечом. (4) Наконец, дело дошло до мятежа воинов римского гарнизона. Бассиану удалось подавить этот мятеж с большим трудом, после того как он, по словам одних, убил их трибуна, а по словам других — сослал его. (5) Сам он в такой степени боялся за себя, что вышел в курию, имея под тогой с широкой пурпурной полосой панцирь,

и так давал объяснения о своем образе действий и об убийстве Геты. (6) В то время как претор Фаустин высказывал пожелания счастья Бассиану и называл его «величайший Сарматский» и «величайший Парфянский», Гельвий Пертинакс, сын императора Пертинакса, убитый впоследствии этим Бассианом, говорят, сказал: «Добавь — величайший Гетский» вместо — «Готский». (7) Эти слова глубоко запали в сердце Бассиана, как доказало впоследствии убийство Пертинакса и не только Пертинакса, но и, как сказано выше, многих других — в разных местах и без всякого основания. (8) Но Гельвия он, кроме того, подозревал в стремлении к тирании, так как он пользовался общей любовью и был сыном императора Пертинакса — родство вообще опасное для всякого частного человека.

VII. (1) Говорят, похороны Геты были устроены с большей заботливостью, нежели того можно было ожидать, принимая во внимание то, что он был убит своим братом. (2) Он был похоронен в гробнице предков, то есть Севера, которая находится на Аппиевой дороге — с правой стороны, если идти к воротам; она построена в виде септизония, и Север еще при жизни отделал ее для себя. (3) Бассиан хотел убить и мать Геты, свою мачеху, за то, что она горевала о его брате, и женщин, которых по возвращении из курии он нашел плачущими. (4) Вдобавок, Антонин в своей утонченной жестокости дошел до того, что бывал особенно ласков с теми, кого он предназначал к смерти, так что больше боялись его ласки, чем его гнева. (5) Всем казалось удивительным то, что он плакал о смерти Геты всякий раз, как упоми-

налось его имя, и всякий раз, как он видел его изображение или статую. (6) Вообще Антонин Бассиан отличался такой неустойчивостью настроения, вернее сказать, — такой жаждой крови, что убивал то друзей Геты, то его врагов — всех, кто попадался под руку. Вследствие этого еще больше жалели о смерти Геты.

Элий Лампрдий

**АНТОНИН
ГЕЛИОГАБАЛ**

I. (1) Я никогда не стал бы описывать жизнь Гелиогабала Антонина, который назывался также Варием (пусть бы никто не знал, что он был римским государем), если бы раньше это же государство не имело Калигул, Неронов и Вителлиев. (2) Но так как одна и та же земля производит ядовитые травы и хлеб, а также другие полезные растения, одна и та же земля порождает змей и домашних животных, то прилежный читатель вознаградит себя, когда в противовес этим чудовищным тиранам будет читать об Августе, Траяне, Веспасиане, Адриане, Пии, Тите и Марке. (3) Вместе с тем он поймет и суждение о них римлян, так как эти последние императоры правили долго и умерли естественной смертью, а те были убиты, трупы их волокли по улицам, к тому же — они были прозваны тиранами, и даже имена их неприятно произносить. (4) Итак, после убийства Макрина и его сына Диадумена, который, разделяя с отцом императорскую власть, получил, кроме того, имя Антонина, императорское достоинство было перенесено на Вария Гелиогабала благодаря тому, что он считался сыном Бассиана.

(5) Был он жрецом Гелиогабала, или Юпитера, или Солнца и присвоил себе имя Антонина либо для того, чтобы доказать такое именно свое происхождение, либо потому, что, как он узнал, имя это было в такой степени дорого людям, что благодаря этому имени был любим даже братоубийца Бассиан. (6) Прежде он назывался Варием, а затем Гелиогабалом, потому что был жрецом бога Гелиогабала, которого он привез с собой из Сирии и которому он воздвиг храм на том месте, где раньше был храм Орка. (7) Наконец, получив императорскую власть, он был назван Антонином и был последним в Римской империи, носившим это имя.

II. (1) Этот Гелиогабал был в такой степени послушен своей матери Симиамире, что во всех государственных делах руководился ее волей, а она жила во дворце наподобие блудницы и делала всевозможные мерзости; она находилась в позорной связи с Антонином Каракаллом и таким образом, как обычно считали, был зачат этот Варий, или Гелиогабал. (2) Некоторые говорят, что и самое имя Варий было дано ему школьными товарищами по той причине, что, рожденный от блудницы, он, по-видимому, был зачат от семени разных отцов. (3) Когда считавшийся его отцом Антонин был убит приверженцами Макрина, сам он, говорят, бежал в храм Гелиогабала, как в убежище, боясь, как бы его не умертвил Макрин, который вместе со своим сыном, распущенным и жестоким, очень сурово проявлял свою власть. (4) Но довольно говорить об его имени, хотя он так осквернил священное имя Антонинов, которое ты, святейший Константин, чтить так высо-

ко, что сделал золотые изображения Марка и Пия и поставил их среди Константинов и Клавдиев как твоих предков, приобщая себя к доблестям древних, которые находятся в соответствии с твоими нравами, близки тебе и дороги.

III. (1) Но возвратимся к Антонину Варию. Достигнув императорской власти, он отправил вестников в Рим. Все сословия, даже весь народ был воодушевлен именем Антонина, которое было у него не только титулом, как у Диадумена, но, казалось, переданным ему в силу кровного родства, так как он писал о себе, что он — Антонин, сын Бассиана; у всех явилось страстное желание поскорее увидеть его. (2) Шла о нем, кроме того, и молва — такая, какая обычно сопровождает новых правителей, которые сменили тиранов; однако она держится недолго, если они не обладают величайшими достоинствами, и многие посредственные государи быстро ее потеряли. (3) Наконец, когда в сенате было прочтено письмо Гелиогабала, тотчас же раздались возгласы с пожеланием счастья Антонину и проклятиями Макрину и его сыну. Антонин был провозглашен государем, все желали его и ревностно верили в него, как это всегда бывает с пожеланиями людей, готовых сразу поверить вследствие того, что свои пожелания они принимают за действительность. (4) Но как только Гелиогабал вступил в Рим (мы оставим в стороне все то, что делалось в провинциях), он освятил Гелиогабала на Палатинском холме, возле императорского дворца, и построил ему храм. Он стремился перенести в этот храм и лепное изображение Матери богов, и огонь Весты, и Палладий, и священные щиты, словом —

все, что глубоко чтят римляне. Он добивался того, чтобы в Риме почитался только один бог Гелиогабал. (5) Кроме того, он говорил, что сюда надо перенести религиозные обряды иудеев и самаритян, а равно и христианские богослужения для того, чтобы жречество Гелиогабала держало в своих руках тайны всех культов.

IV. (1) Затем на первое же заседание сената он велел вызвать свою мать. (2) Прибыв туда, она была приглашена к сиденьям консулов и присутствовала при редактировании, т.е. была свидетельницей составления сенатского постановления: Гелиогабал был единственным из императоров, при котором женщина вступила в сенат со званием светлейшей, словно мужчина. (3) На Квиринальском холме он создал сенакул, то есть женский сенат; прежде там происходили собрания матрон, но только в торжественные дни и в тех случаях, когда какая-нибудь матрона наделялась знаками отличия супруги консула — прежние императоры предоставляли это право своим родственницам, особенно тем, чьи мужья не занимали высоких должностей, — для того, чтобы эти родственницы не оставались на положении незнатных женщин. (4) Под председательством Симиамиры составлялись смехотворные сенатские постановления, касающиеся законов о матронах: в каком одеянии должна ходить та или иная, кто кому уступить дорогу, кто к кому подходить для поцелуя, какая должна ездить в парадной повозке, какая — на коне, какая — на вьючной лошади, какая — на осле, какая — в крытой повозке, запряженной мулами, какая — на волах, какая должна передвигаться в сидячих носилках — и в кожа-

ных ли или в костяных, выложенных слоновой костью или серебром, какая имеет право носить на обуви золото или драгоценные камни.

V. (1) Когда он проводил зиму в Никомедии, занимаясь всяким грязным развратом, отдаваясь мужчинам и ведя себя по-свински, воины сразу раскаялись в том, что они сделали, — именно в том, что они составили заговор против Макрина с целью поставить государем этого Гелиогабала. Они стали склоняться на сторону двоюродного брата Гелиогабала — Александра, которого после убийства Макрина сенат провозгласил Цезарем. (2) В самом деле, кто способен терпеть государя, у которого все полости тела служат для похоти, если даже зверя такого никто не потерпит? (3) Наконец, и в Риме у него было только одно занятие: он имел при себе рассыльных, которые разыскивали для него людей с большими половыми органами и приводили их к нему во дворец для того, чтобы он мог насладиться связью с ними. (4) Кроме того, у себя во дворце он разыгрывал пьесу о Парисе, сам исполняя роль Венеры, причем одежды его внезапно падали к его ногам, а сам он, обнаженный, держа одну руку у сосков груди, другой прикрывая срамные части тела, опускался на колени, выставляя свой зад, выдвигая его и подставляя своему любовнику. (5) Кроме того, он раскрашивал себе лицо так, как рисуют Венеру; все тело у него было вылощено. Он видел главный смысл жизни в том, чтобы быть достойным и способным удовлетворять похоть возможно большего числа людей.

VI. (1) Он продавал почетные должности, звания и полномочия как самолично, так и через

своих рабов и служителей своего разврата. (2) Он набирал людей в сенат, не считаясь с их возрастом, цензом, происхождением, а лишь за полученные от них деньги. Он продавал также военные командные посты — места трибунов, легатов, военных начальников, также — прокураторства и места в дворцовых ведомствах. (3) Возницы Протоген и Кордий сначала были его товарищами в состязании на колесницах, а затем — спутниками всей его жизни и участниками его действий. (4) Многих, чьи тела ему понравились, он переводил со сцены, из цирка и с арены во дворец. (5) Гиерокла он так любил, что целовал его в пах (даже говорить об этом стыдно), уверяя, что этим он совершает священнодействия в честь Флоры. Он позволил себе обесчестить деву-весталку. (6) Унеся внутреннее хранилище, он надругался над святынями римского народа. (7) Он хотел погасить вечный огонь. Он хотел уничтожить не только римскую религию, но и другие религии на всем земном круге; он стремился к единой цели — чтобы повсюду поклонялись богу Гелиогабалу. Оскверненный всякой нравственной грязью, он вместе с теми, кто его осквернял, ворвался в святая святых Весты, куда имеют доступ только девы-весталки и понтифики. (8) Он попытался унести священное внутреннее хранилище, схватив глиняный сосуд, который он считал подлинным (старшая дева-весталка умышленно указала ему на него, как на подлинный), и, не найдя в нем ничего, он бросил его на землю и разбил на куски. Этим, однако, он не нанес никакого вреда религии, так как, говорят, было сделано много похожих один на другой сосудов для того, чтобы ник-

то не мог когда-либо унести настоящий. (9) Все же он унес какую-то статую, которую он принял за Палладий, и, связав ее золотыми цепями, поставил в храме своего бога.

VII. (1) Он принял затем посвящение в таинства Матери богов и совершил тавроболии, чтобы отнять ее лепное изображение и другие святыни, которые хранятся внутри святилища. (2) Он тряс головой среди кастрированных изуверов, подвизывал свои половые органы и делал все, что обычно делают галлы. Похищенную святыню богини он перенес во внутреннее хранилище своего бога. (3) Жалобными криками и воем сирийского культа он изображал из себя Саламбо, тем самым давая себе знамение грозившей ему гибели. (4) Всех богов он называл служителями своего бога: одних он называл его спальниками, других — рабами, третьих — обслуживающими те или иные его нужды. (5) Он хотел доставить камни, называемые божественными, из их собственного храма, а изображение Дианы Лаодикейской из ее святого святых, куда поставил его Орест. (6) Говорят, что Орест поставил не одно изображение Дианы и не в одном только месте, но много и во многих местах. (7) Очистившись, на основании ответа оракула, у Трех рек близ Гебра, он основал также город Оресту, который непременно должен часто окропляться человеческой кровью. (8) Городу Оресте Адриан — в то время когда он начал страдать безумием, — приказал дать свое имя: ему было сказано, чтобы он присвоил себе дом или имя какого-нибудь безумца. (9) И с того времени его безумие, говорят, стало ослабевать, а до этого он в состоянии безумия велел убить многих сенаторов.

(10) Антонин, спасши их, заслужил имя Пия, так как он впоследствии привел в сенат тех, кого все считали убитыми по приказу государя.

VIII. (1) Гелиогабал приносил и человеческие жертвы, выбирая для этого по всей Италии знатных и красивых мальчиков, у которых были живы отец и мать, — думаю для того, чтобы усилить скорбь обоих родителей. (2) При нем находились и ежедневно действовали всякого рода маги, а он подбодрял их и благодарил богов, которые, по его представлениям, были их друзьями, и в то же время он рассматривал внутренности детей и мучил жертвенных животных согласно обрядам своего племени. (3) Вступив в должность консула, он бросил народу на расхищение не деньги, не серебряные и золотые монеты, не лакомства, не мелких животных, а откормленных быков, верблюдов, ослов, оленей, повторяя, что это — поимператорски. (4) Он жестоко преследовал память Макрина, но гораздо более — Диадумена за то, что тот получил имя Антонина, называя его Лжеантонином, подобно тому как был Лжефилипп, а также за то, что тот, как говорили, был сначала крайне распущенным, а потом стал человеком очень храбрым, превосходным, очень серьезным и очень строгим. (5) Гелиогабал заставил некоторых писателей рассказывать ужасные, вернее — бесчестные подробности об образе жизни и распущенности Диадумена, например в описании его жизни... (6) Он устроил общественные бани в здании дворца и открыл для народа бани Плавциана, чтобы благодаря этому иметь возможность набирать для своих утех людей с большими половыми органами. (7) С той же целью он тщательно

заботился о том, чтобы по всему городу и среди всех матросов разыскивали онобелов: так называли тех, кто казался более мужественным.

IX. (1) Когда он хотел начать войну против маркоманнов, ввиду того что Антонин блистательно сокрушил их, кто-то сказал, будто Антонин Марк при содействии халдеев и магов достиг того, что маркоманны навсегда стали преданными друзьями римского народа и что это было сделано при помощи заклинаний и посвящения. Когда он стал доискиваться, что это за посвящение и где оно, от него это скрыли. (2) Было совершенно ясно, что он доискивается, где это посвящение, с целью уничтожить его в надежде вызвать войну. Он желал этого тем более, что он слышал, будто бы дан ответ оракула: война с маркоманнами должна быть окончена Антонином, — хотя в действительности он назывался Варием, и Гелиогабалом, и общим посмешищем, имя же Антонина, которое он захватил себе, он только позорил. (3) Его недоброжелателями были главным образом те, которые скорбели о том, что он предпочитает им — для всякого рода развратных действий — людей с большими половыми органами и с большими возможностями. Отсюда и зародилась мысль убить его. Так было во дворце.

X. (1) Со своей стороны, воины не могли больше переносить, что такая язва прикрывается именем императора: они стали вести об этом речи сначала наедине между собой, а затем и в кружках, все более склоняясь на сторону Александра, которого сенат к тому времени уже провозгласил Цезарем и который был двоюродным братом Антонина по матери: Вария была их общей бабкой,

почему Гелиогабал и назывался Варием. (2) Зотик имел при нем такое значение, что все начальники дворцовых ведомств смотрели на него как на мужа их господина. (3) Это был, вдобавок, тот самый Зотик, который, злоупотребляя такого рода близостью, торговал словами и решениями Гелиогабала, накапливая огромные богатства преимущественно тем, что морочил людей: одним он угрожал, другим давал обещания, всех обманывал. Выходя от Гелиогабала, он подходил к отдельным лицам со словами: «О тебе я говорил то-то, о тебе я слышал то-то, с тобой будет то-то». (4) Он был из тех людей, которые, вступив в чрезмерно близкие отношения с государями, торгуют репутацией не только дурных, но и хороших государей и, пользуясь глупостью или простодушием императоров, не замечающих этого, кормятся распространением позорящих слухов. (5) Гелиогабал справил свой брак с Зотиком и совокупился с ним, причем была у него и посаженная мать, и он кричал: «Разрежь, Магир» — и все это в то время, когда Зотик был болен. (6) Затем он самым бесстыдным образом спрашивал философов и очень почтенных людей, испытывали ли они в юности то, что испытывает сейчас он; (7) он не только никогда не избегал непристойных выражений, но изображал пальцами бесстыдное действие и не проявлял никакого стыда в обществе, даже когда его слышал народ.

XI. (1) Он делал вольноотпущенников наместниками, легатами, консулами, военными начальниками и опозорил все великие звания, давая их подлым и развращенным людям. (2) Пригласив на праздник сбора винограда знатных друзей, он,

сидя у корзин с виноградом, стал спрашивать наиболее почтенных людей, охотники ли они до утех Венеры, и когда старики краснели, он восклицал: «Краснеют: все в порядке!» — молчание и краску стыда он принимал за утвердительный ответ. (3) Затем он стал рассказывать о том, что он сам проделывал, без всяких покровов стыдливости. (4) Видя, что старики краснеют и молчат, так как им — ввиду их возраста или высокого положения — претили подобные разговоры, он обратился к молодым людям и стал расспрашивать их обо всем. (5) Слыша от них ответы, соответствовавшие их возрасту, он начал радоваться и говорить, что это и есть подлинно свободный праздник винограда, который он таким образом справляет. (6) Многие рассказывают, что он первый ввел обычай, чтобы на празднике сбора винограда рабы в присутствии господ произносили множество шуток о своих господах; сам он сочинял эти шутки, по большей части по-гречески. Многие из них приводит Марий Максим в жизнеописании Гелиогабала. (7) Были у него непотребные друзья — в числе их и старики, и с виду философы; нося на головах сетки, они признавались, что предаются непотребствам и имеют мужей. По словам некоторых, они это выдумывали, чтобы — благодаря подражанию порокам — стать милее ему.

XII. (1) Префектом претория он назначил плясуна который выступал в качестве актера в Риме; префектом охраны он сделал возницу Кордия; префектом продовольственного снабжения он поставил цирюльника Клавдия. (2) На прочие почетные должности он выдвигал тех, кто заслу-

жил его благосклонность благодаря огромным размерам своих срамных органов: ведать сбором двадцатой части наследств он велел погонщику мулов, велел и скороходу, велел и повару, и слесарю. (3) Посещая лагерь или курию, он привозил с собой свою бабушку по имени Вария, о которой сказано выше, — чтобы благодаря ее авторитету стать в глазах людей достойным уважения человеком, так как сам по себе он быть им не мог. До него, о чем мы уже говорили, ни одна женщина не входила в сенат, не приглашалась присутствовать при редактировании постановлений и не высказывала своего мнения. (4) На пирах он помещал рядом с собой чаще всего продажных мужчин, находя особенное удовольствие в том, чтобы прикасаться и прижиматься к ним; из их рук он главным образом и принимал кубок, когда пил.

XIII. (1) Среди этих непотребств своей бесстыдной жизни он приказал удалить от себя Александра, которого он усыновил, говоря, что раскаивается в этом усыновлении, и поручил передать сенату, чтобы у Александра было отнято имя Цезаря. (2) Однако, когда в сенате было сообщено об этом, воцарилось глубокое молчание. Действительно, Александр был очень хорошим юношей, что впоследствии было доказано его правлением; своему приемному отцу он не нравился тем, что не был бесстыдником. (3) По словам некоторых, он был двоюродным братом Гелиогабала; он был любим воинами, мил сенату и сословию всадников. (4) Однако Гелиогабал в своей ярости не остановился перед попыткой осуществить свое подлое желание: он даже подослал к нему убийцу. Произошло это следующим образом. (5) Сам Ге-

лиогабал удалился в сады древней Надежды и будто бы произносил там обеты, направленные против невинного юноши, оставив в Палатинском дворце мать, бабуку и своего двоюродного брата; между тем он приказал убить этого превосходного, столь необходимого для государства юношу. (6) И воинам он отправил письмо, в котором требовал, чтобы они отняли у Александра имя Цезаря. (7) Он послал также в лагерь людей, чтобы они замазали глиной надписи на статуях Александра, как это обыкновенно делается по отношению к тиранам. (8) Он послал людей и к дядькам Александра и приказал последним, обещая им награды и почести, умертвить его каким угодно образом — в бане, ядом или мечом.

XIV. (1) Ничего не могут сделать бесчестные против невинных. Никакой силой нельзя было побудить кого-либо совершить такое преступление, то оружие, которое он готовил для других, обратилось скорее против него, и он был убит теми самыми людьми, которых он натравливал на других. (2) Как только были замазаны глиной надписи, все воины вспыхнули гневом; часть их устремляется в Палатинский дворец, часть в сады, где находился Варий, чтобы отомстить за Александра, а этого грязного человека, человека с душой братоубийцы, убрать, наконец, из государства. (3) Придя в Палатинский дворец, они затем увели с собой в лагерь Александра с матерью и бабушкой, чтобы тщательным образом охранять их. (4) За ними последовала пешком и Симиамира, мать Гелиогабала, беспокоясь за своего сына. (5) Оттуда пошли в сады; там они застают Вария за приготовлениями к состязанию возниц — и вме-

сте с тем он с нетерпением ждал, когда же, наконец, к нему придет известие об убийстве его двоюродного брата. (6) Испуганный внезапным шумом, который производили воины, он спрятался в углу и укрылся за спальным занавесом, висевшим при входе в спальню. (7) Одного из своих префектов он послал в лагерь успокоить воинов, другого — умиловить тех, которые уже пришли в сады. (8) Итак, один из префектов — Антиохиан, напомнив о присяге, умолил воинов не убивать Гелиогабала — пришло их немного, большинство же осталось при знамени, которое охранял трибул Аристоммах. Вот что происходило в садах.

XV. (1) В лагере же воины в ответ на мольбы префекта сказали, что они пощадят Гелиогабала, если он удалит от себя грязных людей, возниц и актеров и исправится; особенно же, если он прогонит тех, кто, ко всеобщей скорби, оказывал на него наибольшее влияние и торговал всеми его решениями, с помощью ли пустых обещаний или без обмана. (2) Словом, от него были удалены Гиерокл, Кордий, Мирисм и двое негодных близких к нему людей, которые делали этого глупого человека еще более глупым. (3) Кроме того, воины дали поручение префектам не позволять Гелиогабалу жить дальше так, как он жил, также — охранять Александра и оберегать его от всякого насилия, а вместе с тем — заботиться о том, что Цезарь не виделся ни с кем из друзей Августа и не мог в чем-либо подражать их позорному поведению. (4) Но Гелиогабал неотступно просил вернуть ему Гиерокла, этого бесстыднейшего человека, и каждый день строил козни против Цезаря.

(5) Несмотря на то что оба они были тогда назначены в консулы, он не пожелал в январские календы появиться вместе со своим двоюродным братом. (6) Наконец, когда бабушка и мать сказали ему, что войны грозятся погубить его, если не увидят согласия между двоюродными братьями, он, надев претексту, в шестом часу дня явился в сенат, причем пригласил туда свою бабушку и проводил ее до кресла. (7) Затем он не пожелал отправиться на Капитолий для произнесения обетов и выполнения торжественных обрядов; все это было совершено городским претором, как будто в городе не было консулов.

XVI. (1) Он не откладывал убийства своего двоюродного брата. Боясь, как бы сенат — в случае убийства им своего двоюродного брата — не склонился на сторону кого-либо другого, Гелиогабал внезапно приказал сенату удалиться из Рима. Даже те, у кого не было повозки или рабов, получили приказ выехать немедленно, так что одних несли носильщики, а других везли первые попавшиеся нанятые животные. (2) Позвав центуриона, Гелиогабал, пользуясь при этом мягкими выражениями, приказал ему убить консуляра Сабина, которому посвятил свои книги Ульпиан, — за то, что он остался в городе. (3) Однако центурион, немного тугой на ухо, решил, что ему приказывают выгнать его из Рима. Так он и сделал: недостаток центуриона послужил спасением для Сабина. (4) Гелиогабал удалил и знатока права Ульпиана, как хорошего человека, и ритора Сильвина, которого он назначил учителем Цезаря. Сильвин был убит, Ульпиан же спасся. (5) Но воины, и главным образом преторианцы — пото-

му ли, что они знали, какую беду готовит Александру Гелиогабал, или потому, что они понимали, как он их возненавидел за любовь к Александру — сговорились между собой и составили заговор с целью освободить государство. Прежде всего были умерщвлены различными способами соучастники его разврата, одних убили, отрубив им необходимые для жизни органы, другим пронзили нижнюю часть тела, чтобы их смерть соответствовала образу их жизни.

XVII. (1) После этого бросились на Гелиогабала и убили его в отхожем месте, куда он бежал. Затем на виду у всех тащили его труп. Воины — в виде последнего надругательства — хотели бросить его труп в клоаку. (2) Но так как оказалось, что эта клоака не могла вместить его, они сбросили его с Эмилиева моста в Тибр, привязав к нему груз, чтобы он не всплыл на поверхность и никогда не мог быть похоронен. (3) Но прежде чем сбросить труп в Тибр, его протащили по всему пространству цирка. (4) Его имя, то есть имя Антонина, за которое он так упорно держался, желая считаться сыном Антонина, было по приказу сената отовсюду соскоблено и осталось имя Вария Гелиогабала. (5) После смерти его называли Тиберином, Протаченным, Грязным и многими другими именами — в зависимости от того, какое случившееся при нем событие хотели отметить. (6) Он — единственный из государей, чей труп тащили по улицам, кинули в клоаку и сбросили в Тибр. (7) Этот позор выпал на его долю вследствие общей ненависти, которой особенно должны остерегаться император, так как те, кто не заслуживает любви сената, народа и воинов, не

заслуживают даже погребения. (8) Не имеется никаких общественных сооружений, которые были бы созданы им, кроме храма бога Гелиогабала, которого одни называют Солнцем, а другие — Юпитером, был восстановлен после пожара амфитеатр и достроена башня на Сульпициевой улице, которую начал строить Антонин, сын Севера. (9) Баню открыл Антонин Каракалл, он и мылся в ней, и пускал туда народ, но не было еще портиков, которые были впоследствии построены этим подложным Антонином и закончены Александром.

XVIII. (1) Гелиогабал был последним из Антонинов, хотя многие полагают, что это прозвание носили после него Гордианы. Они, однако, назывались Антониями, а не Антонинами. Его образ жизни, нравы и порочность навлекли на него такую ненависть, что сенат уничтожил даже его имя. (2) Я и сам не стал бы называть его Антонином, если бы не требования исследования, часто заставляющие приводить даже те имена, которые были отменены. Убита была с ним и его мать Симиамира, порочнейшая женщина, вполне достойная своего сына. (3) После Антонина Гелиогабала, прежде всего, были приняты меры, чтобы никогда больше женщина не вступила в сенат, причем голова того, по чьей вине это случилось бы, была посвящена и обречена подземным богам. (4) В описаниях его жизни сообщается много непристойного. Ввиду того что все это недостойно упоминания, я решил сообщить только о том, что касается его любви к роскоши; кое-что относится к тому времени, когда он был частным человеком, кое-что другое он, как передают, делал уже в бытность свою императором. Сам он, будучи частным

человеком, говорил, что подражает Апицию, а будучи императором — Нерону, Отону и Вителлию.

XIX. (1) Он — первый из частных людей — стал покрывать ложа золотыми покрывалами, так как тогда это было уже позволительно на основании авторитетного разрешения Антонина Марка, который продал с аукциона всю пышную императорскую обстановку. (2) Затем, он устраивал пиры с сервировкой различных цветов — сегодня, например, зеленого, на другой день — бледно-зеленого, на третий — голубого и так далее, в течение лета каждый день меняя цвет. (3) Он первый завел серебряные самоварящие сосуды, первый — и серебряные котлы. Были у него и сосуды по сто фунтов весом, серебряные, с резными украшениями; некоторые из них были обезображены имевшимися на них сладострастными изображениями. (4) Он первый придумал приправлять вино душистой смолой или полеем и все то, что до сих пор сохраняется в быту роскошно живущих людей. (5) Вино, приправленное розами, которое было известно и раньше, он сделал еще более благоуханным, добавляя к нему растертые сосновые шишки. В сущности, о такого рода напитках до Гелиогабала мы нигде не читали. (6) Смысл жизни состоял для него в придумывании каких-нибудь новых наслаждений. Он первый стал делать студень из рыб, устриц обыкновенных и с гладкими раковинами, а также из других такого рода раковин, из лангуст, крабов и скилл. (7) Он устилал розами столовые, и ложа, и портики и гулял по ним; также — всякого рода цветами: лилиями, фиалками, гиацинтами, нарциссами. (8) Он ку-

пался в водоемах только в том случае, если туда были влиты ценные душистые мази или эссенция шафрана. (9) Он не соглашался лечь на ложе, если оно не было покрыто заячьим мехом или пухом куропаток, который находится у них под крыльями; подушки он часто менял.

XX. (1) По отношению к сенаторам он проявлял иногда такое презрение, что называл их оде-
тыми в тогу рабами; римский народ он называл
годным только для обработки земли, а всадниче-
ское сословие ни во что не ставил. (2) Городского
префекта он часто после обеда звал на попойку,
приглашая на нее и префектов претория. Если
они отказывались пить, то начальники дворцо-
вых ведомств принуждали их. (3) Он хотел по-
ставить в отдельных районах города Рима отдель-
ных городских префектов, так, чтобы их было в
Риме четырнадцать; и он сделал бы это, проживи
он дольше, причем он намеревался выдвинуть
людей самых порочных и самых низких занятий.
(4) У него были — как для столовых, так и для
спален — ложа, сделанные из массивного сереб-
ра. (5) В подражание Апицию он часто ел пятки
верблюдов, гребни, срезанные у живых петухов,
языки павлинов и соловьев, так как считалось,
что тот, кто их ест, не поддается моровой язве.
(6) Его дворцовой охране подавали огромные мис-
ки, наполненные внутренностями краснобородок,
мозгами фламинго, яйцами куропаток, мозгами
дроздов и головами попугаев, фазанов и павли-
нов. (7) И что особенно удивительно, он велел по-
давать полными блюдами и тарелками столько
бород краснобородок, что они заменяли кресс,
мелиссу, маринованные бобы и пажитник.

XXI. (1) Собак он кормил гусиными печенками. Были у него любимые прирученные львы и леопарды. Их, обученных укротителями, он неожиданно приказывал уложить за второй и третий стол, чтобы позабавиться страхом гостей, так как никто не знал, что звери — ручные. (2) Он сыпал в ясли своим коням грозди анамейского винограда; попугаями и фазанами он кормил львов и других животных. (3) У него в продолжение десяти дней подавали вымя дикой свиньи с ее маткой — по тридцать штук ежедневно, горох с золотыми шариками, чечевицу с кошачьими глазами, бобы с янтарем, рис с белым жемчугом. (4) Кроме того, жемчугом, вместо перца, он посыпал рыб и трюфеля. (5) В своих столовых с раздвижными полками он засыпал своих прихлебателей таким количеством фиалок и цветов, что некоторые, не будучи в силах выбраться наверх, задохнувшись, выпускали дух. (6) Он подмешивал в водоемы и ванны вино, приправленное розами и полынью, и приглашал пить простой народ; и сам он вместе с народом пил столько, что, видя, сколько он один выпил, можно было понять, что он пил из бассейна. (7) В качестве застольных подарков он давал гостям евнухов, давал четверки коней, лошадей с попонами, мулов, закрытые носилки, дорожные повозки; давал он и по тысяче золотых, и по сотне фунтов серебра.

XXII. (1) Жребии на пирах были у него написаны на ложках таким образом, что одному выпало десять верблюдов, а другому — десять мух; одному — десять фунтов золота, а другому — десять фунтов свинца; одному — десять страусов, а другому — десять куриных яиц. Он де-

лал это так, что, действительно, получались жребии, которыми испытывалась судьба. (2) Он продельвал это и на своих играх, так что в жребиях были и десять медведей, и десять сонь, и десять стеблей латука, и десять фунтов золота. (3) Он первый ввел обычай такого рода жребиев, какие мы видим и теперь. Участвовать в таких жеребьевках он, действительно, приглашал и актеров, причем в числе выигрышей были и дохлые собаки, и фунт говядины, и тут же сто золотых, и тысяча серебряных, и сто медных фоллисов и тому подобное. (4) Все это народ принимал с такой охотой, что потом поздравляли друг друга с таким императором.

XXIII. (1) Передают, что он дал в цирке зрелище морского сражения в каналах, наполненных вином; что он окроплял плащи зрителей эссенцией дикого винограда; что он гнал на Ватикане четыре четверки слонов, разрушив стоявшие на пути гробницы; что он запрягал по четыре верблюда в колесницу, когда устраивал в цирке зрелище не для всех. (2) Говорят, он — с помощью жрецов племени марсов — собрал змей и еще до рассвета, когда народ обычно собирается на многочисленные игры, он внезапно выпустил их, так что много народу пострадало от укусов и во время бегства. (3) Он носил тунику — всю в золоте, носил и пурпурную, носил и персидскую — всю в драгоценных камнях, причем говорил, что он отягчен бременем наслаждения. (4) Он носил на обуви драгоценные камни, притом разные. Это вызывало общий смех: разве можно было видеть резьбу знаменитых мастеров на драгоценных камнях, приделанных к обуви? (5) Он любил наде-

вать и диадему, украшенную драгоценными камнями, для того, чтобы от этого становиться красивее и больше походить на женщину; носил он ее и дома. (6) Говорят, он обещал своим гостям феникса или, вместо него, тысячу фунтов золота, чтобы отпустить их по-императорски. (7) Он устраивал бассейны для плавания с морской водой, притом далеко от моря, опорожнял их в то время, когда некоторые его друзья плавали в них, и снова наполнял водой с рыбами. (8) В своем дворце, в саду он устроил летом снежную гору, привезя снег издалека. У моря он никогда не ел рыбы, а в местностях, очень удаленных от моря, у него всегда подавались всевозможные произведения моря; простых крестьян в таких местностях, далеких от моря, он угощал молоками мурен и морских окуней.

XXIV. (1) Рыб он всегда ел сваренных с приправой подходящего для них голубого цвета, словно в морской воде. В одно мгновение он заполнял водоемы вином, приправленным розами и цветами роз, и мылся со своими приближенными, устраивая в то же время горячие ванны из нарда. В светильники у него наливали бальзам. (2) Он никогда не сходил с женщинами по два раза, за исключением своей жены. В своем доме он устроил лупанары для своих друзей, клиентов и рабов. (3) Его обеды никогда не стоили меньше ста тысяч сестерциев, то есть тридцати фунтов серебра; иногда стоимость обеда, если подсчитать все, что было израсходовано, доходила до трех миллионов сестерциев. (4) Своими обедами он превзошел обеды Вителлия и Апиция. Рыбу из его садков вытаскивали с помощью быков. Проходя по съест-

ному рынку, он плакал о нищете народа. (5) Своих прихлебателей он привязывал к водяному колесу и путем вращения то погружал их в воду, то вновь поднимал, называя их своими иксионоподобными друзьями. (6) Он вымостил лакедемонским и порфириновым камнями дворы в Палатинском дворце и назвал их антониновскими. Эти камни оставались до нашего времени, но недавно их вырыли и раскололи. (7) Он решил поставить огромную колонну, внутри которой можно было бы подниматься по лестнице, и на вершине ее поставить бога Гелиогабала, но не мог найти такого огромного камня во всей Фиваиде, откуда он думал вывезти его.

XXV. (1) Часто он запирали своих пьяных друзей и ночью внезапно впускал к ним прирученных львов, леопардов, медведей, так что, пробудившись на рассвете или, что было еще страшнее, ночью, они находили в той же комнате львов, медведей, леопардов; многие от этого испускали дух. (2) Многим друзьям попроще он постилал вместо полукруглых лож надутые мехи и во время завтрака выпускал из них воздух, так что не раз завтракавшие вдруг оказывались под столами. (3) Наконец, он первый придумал постигать сигмы не на скамейках, а на земле — для того, чтобы рабы могли потом развязывать мехи у ног пирующих и выпускать воздух. (4) В мимах он приказывал по-настоящему исполнять развратные действия, на которые обычно делаются только намеки. (5) Он часто выкупал блудниц у всяких сводников и отпускал их на свободу. (6) Когда в частной беседе зашла речь о том, сколько может быть в Риме людей, страдающих грыжей, он ве-

лел всех их переписать и привести к себе в бани и мылся с ними — а среди них были и люди уважаемые. (7) Перед пиром он часто заставлял гладиаторов и кулачных бойцов сражаться на его глазах. (8) Он устраивал свою столовую на самом высоком месте амфитеатра и, когда он завтракал, для него выпускали на арену преступников, которые охотились на диких зверей. (9) Перед своими прихлебателями, находившимися за вторым столом, он приказывал ставить подобия кушаний, сделанные то из воска, то из слоновой кости, иногда — глиняные, кое-когда — из мрамора или булыжника, так что им давалась возможность видеть воспроизведенные с помощью разного материала такие блюда, из каких состоял его обед; при перемене блюд они только пили и мыли руки, словно они в самом деле поели.

XXVI. (1) Говорят, он первый из римлян стал носить одежду из чистого шелка — в то время уже употреблялись полупелюшковые. Он никогда не носил стираное белье и называл тех нищими, кто пользовался стиранными полотнами. (2) После обеда он часто появлялся перед всеми в далматике, называя себя Гургитом, Фабием и Сципионом, так как в таком одеянии были выведены к народу родителями Фабий и Корнелий в дни своей юности для исправления их нравов. (3) Из цирка, из театра, из стадиона, из бань он собрал в общественное здание всех блудниц и, словно на солдатской сходке, произнес перед ними речь, называя их соратниками; он рассуждал о разного рода положениях тела и наслаждениях. (4) Потом он созвал на такую же сходку собранных отовсюду сводников, продажных мужчин и самых развращенных

мальчиков и молодых людей. (5) К блудницам он вышел в женском уборе, обнажив одну грудь, а к продажным мужчинам — в одежде мальчиков, занимающихся проституцией; после речи он объявил им, словно это были воины, о денежном подарке по три золотых и просил их молить богов о том, чтобы у него были и другие воины, достойные их похвалы. (6) Одна из его шуток с рабами состояла в том, что он, обещая награду, приказывал принести себе по тысяче фунтов паутины и, говорят, собрал десять тысяч фунтов; при этом он говорил, что уже по этому одному можно заключить, как велик Рим. (7) Он посылал своим прихлебателям в качестве содержания вместо продовольственных запасов сосуда, наполненные лягушками, скорпионами, змеями и тому подобными гадами. (8) В разнообразные сосуды он помещал и бесчисленное количество мух, называя их прирученными пчелами.

XXVII. (1) Он всегда держал наготове в столовых и портиках во время завтрака и обеда четырехупряжные цирковые колесницы и заставлял управлять ими своих гостей-стариков, среди которых были и люди, занимающие высокие должности. (2) Уже будучи императором, он приказывал доставить себе десять тысяч мышей, тысячу хорьков, тысячу крыс. (3) У него были такие мастера сладких и молочных изделий, которые умели с помощью сладостей или молочных продуктов воспроизводить все то, что повара, распорядители и люди, готовившие блюда из овощей, делали из разнообразных видов съестного. (4) Своих прихлебателей он угощал обедами из стекла, а иногда посылал им на стол столько украшенных

вышивками скатертей с изображениями всех подававшихся на стол видов съестного, сколько бы у него ни было перемен блюд, причем все это было либо вышито иглой, либо выткано в виде рисунков. (5) Иногда перед ними ставились картины, так что им как будто подавалось все, а на самом деле они испытывали муки голода. (6) Он соединял с фруктами и цветами драгоценные камни. Он выбрасывал в окно столько же блюд, сколько их подавалось его друзьям. (7) Благодаря предусмотрительности Севера и Бассиана в Риме имелся запас хлеба на семь лет; Гелиогабал приказал раздать годичный запас хлеба, принадлежащий римскому народу, блудницам, сводникам и продажным мужчинам, жившим в стенах города, пообещав другую такую же выдачу тем, которые жили за городом.

XXVIII. (1) Он запрягал в колесницу четырех огромных собак и так разъезжал по дворцу; то же он проделывал в своих имениях, когда был частным человеком. (2) На виду у всех он выезжал также на четырех запряженных огромных оленях. Запрягал он в свою колесницу и львов, называя себя Великой Матерью; запрягал и тигров, принимая имя Либера, — в этих случаях он надевал такую одежду, в которой изображаются боги, которым он подражал. (3) Он имел в Риме маленьких египетских змей, которых египтяне называют агатодемонами. Были у него также гиппопотамы, крокодил, носорог и все другие египетские животные, природа которых позволяет держать их. (4) Не раз у него за обедом подавались страусы; он говорил, что закон предписывает иудеям есть их. (5) Кажется удивительным то,

что о нем рассказывают, будто он устилал сигму шафраном, когда приглашал к себе на завтрак самых высокопоставленных лиц, говоря, что он употребляет такое сено, какое соответствует их достоинству. (6) Обычными дневными делами он занимался по ночам, а ночными — днем, считая и это условием роскошной жизни; таким образом, он просыпался и начинал принимать приветствия поздно вечером, а ложился спать утром. Своим друзьям он каждый день что-нибудь дарил и редко оставлял кого-либо без подарка; исключение составляли честные люди, которых он считал пропащими.

XXIX. (1) У него были украшенные драгоценными камнями и выложенные золотом повозки; выложенные же серебром, слоновой костью и медью он презирал. (2) Он запрягал в повозку самых красивых женщин — по четыре, по две, по три и более — и разъезжал таким образом; обычно он и сам бывал обнажен и везли его обнаженные женщины. (3) Было у него и такое обыкновение: приглашать к себе на обед восемь лысых, восемь одноглазых, восемь подагриков, восемь глухих, восемь черных, восемь длинных, также восемь толстяков, которые не могли уместиться на одной сигме, — чтобы вызвать смех у всех присутствующих. (4) Он дарил своим сотрапезникам все серебро, бывшее на пиру, и весь набор бокалов и делал это очень часто. (5) Первый из римских правителей он стал угощать на парадных обедах жидким рыбным соусом, прежде это было угощение для военных, которое впоследствии Александр немедленно восстановил. (6) Своим сотрапезникам Гелиогабал задавал — в виде тем для

разработки — придумывать новые приправы к кушаньям; чье изобретение нравилось ему, тому он давал наибольшую награду: он дарил шелковую одежду, которая была тогда редкостью и потому высоко ценилась, (7) а тому, чье изобретение было ему не по вкусу, он приказывал все время есть это кушанье самому, пока он не придумает чего-либо лучшего. (8) Он всегда сидел либо среди цветов, либо среди дорогих благовоний. (9) Он любил, когда перед ним преувеличивали цену того, что готовилось для стола, и уверял, что это усиливает аппетит во время пира.

XXX. (1) Он приказал рисовать себя то в виде торговца деликатесами, то в виде продавца благовоний, то — трактирщика, то — лавочника, то — садовника и у себя во дворце всегда выполнял такие обязанности. (2) Однажды у него за обедом было подано — на многих столах — шестьсот голов страусов, чтобы съесть из них мозги. (3) Он устроил и такое пиршество, во время которого было подано двадцать два блюда, каждое в огромном количестве, причем после каждого блюда мылись и пользовались женщинами — как сам он, так и его друзья, давая клятву в том, что испытывают наслаждение. (4) Справил он и такое пиршество, для которого каждая перемена кушаний была приготовлена отдельно у разных его друзей, и так как один жил на Капитолии, другой — на Палатине, третий — над валом, четвертый — на Целии, пятый — за Тибром, то, где бы всякий из них ни жил, — отдельные блюда съедались по порядку в доме каждого из них, и пирующие ходили из дома в дом. (5) Таким образом, одно пиршество с трудом умещалось в пре-

делах одного дня: ведь после каждого блюда они мылись и пользовались женщинами. (6) Он всегда заказывал сибаритское блюдо из масла и рыбного соуса; в тот год, когда сибариты придумали это кушанье, они погибли. (7) Говорят, что он выстроил бани во многих местах; помывшись в них один раз, он тотчас же приказывал разрушить их, чтобы не иметь бань, бывших уже в употреблении. То же, говорят, он делал и с домами, загородными дворцами, беседками. (8) Но я думаю, что и это, и кое-что другое, выходящее за пределы вероятного, придумано теми, кто хотел извратить поступки Гелиогабала в угоду Александру.

XXXI. (1) Говорят, он выкупил пользовавшуюся большой известностью красавицу-блудницу за сто тысяч сестерциев и оберегал ее как девственницу, не позволяя прикасаться к ней. (2) Когда он был еще частным человеком, кто-то спросил его: «Не боишься ли ты обеднеть?». Он, говорят, ответил: «Что может быть лучше, чем быть наследником самому себе и своей жене?». (3) Он имел большие средства, которые многие оставляли ему по завещанию в память его отца. Он говорил, что не хочет иметь детей, так как среди них кто-нибудь может оказаться честным человеком. (4) Он приказывал жечь для согревания своих апартаментов индийские благовония без угольев. В бытность свою еще частным человеком он всегда брал с собой во время путешествий не меньше шестидесяти повозок, причем бабка его Вария кричала, что он растеряет все свое состояние. (5) Став императором, он, говорят, возил за собой даже шестьсот повозок, утверждая, что пер-

сидский царь совершает путешествие с десятью тысячами верблюдов, а Нерон отправлялся в путь, имея с собой пятьсот парадных колесниц. (6) Причиной такого множества повозок было огромное количество сводников, сводниц, блудниц, продажных мужчин, а также его любовников с большими половыми органами. (7) В банях он был всегда с женщинами, причем сам натирал их мазью для удаления волос и сам же намазывал себе такой мазью бороду, при этом — стыдно даже говорить — той же самой, которой натирались женщины, и одновременно с ними. Он собственноручно брил лобки своим любовникам и той же бритвой пользовался потом для своей бороды. (8) Он посыпал золотым и серебряным порошком портик, жалея, что не может употребить таким же образом и янтарь. И это он делал часто, когда приходил пешком к своему коню или крытой повозке, как это делается теперь с золотым песком.

XXXII. (1) Он никогда не надевал два раза одну и ту же обувь; говорят, он не надевал по два раза даже кольца; драгоценные одежды он часто рвал. Он поймал кита, взвесил его и подал друзьям столько рыбы, сколько весил кит. (2) Грузные суда он топил в гавани, называя это проявлением величия духа. Он испражнялся в золотые сосуды, а мочился в мурриновые и ониксовые. (3) Он же, как передают, сказал: «Если у меня будет наследник, то я дам ему опекуна, который заставит его делать то, что делал и буду делать я». (4) Имел он также обыкновение устраивать себе такие обеды: один день он ел кушанья только из фазанов и все блюда приказывал делать только из фазаньего мяса, точно так же в другой день — из цып-

лят, в третий — то из одной рыбы, то из другой, в четвертый — из поросят, в пятый — из страусов, в шестой — из овощей, в седьмой — из фруктов, в восьмой — из сладостей, в девятый — из молочных продуктов. (5) Часто он запирал своих друзей в спальнях покоях вместе с эфиопскими старухами и держал их там до рассвета, говоря, что им предоставлены писанные красавицы. (6) То же он проделывал с мальчиками: тогда, именно — до Филиппа, это считалось позволительным. (7) Иногда он смеялся так, что в театре среди публики было слышно его одного. (8) Сам он пел, танцевал, читал под звуки флейты, играл на трубе, упражнялся на пандуре, умел играть на органе. (9) Однажды он, говорят, набросив на себя, чтобы не быть узнанным, накидку с капюшоном, какую носят погонщики мулов, обошел всех блудниц цирка, театра, амфитеатра и всех других мест Рима; не тронув их, он одарил их всех золотыми монетами, добавляя: «Пусть никто не знает, это дает вам Антонин».

XXXIII. (1) Он придумал некоторые новые виды разврата, так что превзошел любимцев прежних императоров и хорошо знал ухищрения Тиберия, Калигулы и Нерона. (2) Сирийские жрецы предсказали ему, что он умрет насильственной смертью. (3) Поэтому он заранее приготовил веревки, свитые из шелка и багряного и алого материала, чтобы — в случае необходимости — окончить жизнь, удавившись в петле. (4) Заготовил он и золотые мечи, чтобы ими заколоть себя, если какая-либо сила принудит его к этому. (5) В кошачьих глазах, гиацинтах и изумрудах он заготовил себе яды, чтобы отравиться, если

ему будет угрожать какая-нибудь серьезная опасность. (6) Выстроил он и очень высокую башню и поместил внизу, перед собой, золотые, украшенные драгоценными камнями плиты, чтобы броситься вниз; он говорил, что и смерть его должна быть драгоценной и роскошно обставленной: пусть говорят, что никто не погиб так, как он. Но все это оказалось ни к чему: (7) как мы сказали, он был убит щитоносцами, и труп его позорным образом волокли по улицам, тащили по клоакам и спустили в Тибр. (8) Таков был конец имени Антонинов в государстве, причем все знали, что это был ложный Антонин как по своей жизни, так и по имени.

XXXIV. (1) Может быть, высокочтимый Константин, кому-нибудь покажется удивительным, что такой негодяй, жизнь которого я описал, занимал место государя, и притом в течение трех лет, и не нашлось никого, кто убрал бы его от кормила великого Римского государства, тогда как для Нерона, Вителлия, Калигулы и других подобного рода правителей всегда находился тираноубийца. (2) Но прежде всего я сам прошу извинения за то, что я передал сообщения, найденные мною у различных писателей, хотя о многих позорных подробностях, о которых нельзя даже говорить без величайшего стыда, я умолчал; (3) но и то, что я сохранил, я прикрыл, насколько это было для меня возможным, покровом пристойных выражений. (4) А потом я поверил тому, что имеет обыкновение говорить твоя милость: всегда следует помнить, что быть императором — это зависит от судьбы. (5) Ведь были и менее хорошие императоры, были и совсем дурные. Следует ду-

мать о том, о чем имеет обыкновение говорить твое благочестие, — чтобы те, кого сила неизбежным образом призвала к управлению, были достойны императорской власти. (6) Ввиду того что он был последним из Антонинов и впоследствии это имя не встречалось в государстве у императоров, — для избежания какой-нибудь ошибки надо добавить следующее: у них это было первым, а не главным именем, (7) затем, как я нахожу в большей части книг, они назывались Антониями, а не Антонинами.

XXXV. (1) Вот сведения о Гелиогабале, жизнеописание которого я составил по греческим и латинским источникам неохотно и с чувством отвращения; ты пожелал, чтобы оно было написано и поднесено тебе, так как уже до этого мы принесли жизнеописания других императоров. (2) Теперь я начну писать о тех, которые пойдут за ним. Из них лучшим следует назвать, и притом подчеркивая это, Александра, который был государем тринадцать лет. Другие были государями по полгода, по одному или по два года. Выдающимся правителем был Аврелиан, а красой всех — тот, от которого идет твой род, — Клавдий. (3) О последнем я боюсь рассказывать твоей милости истину — как бы зложелателям не показалось, что я льстец; но я выполню свою задачу, несмотря на зависть бесчестных людей: они увидят, что и другие писатели прославляют его. (4) К этим императорам следует присоединить Диоклетиана, отца золотого века, Максимиана, отца — как его обычно называют — железного века, и других — вплоть до твоего благочестия. (5) О тебе же, высокочтимый Август, будут говорить на многих

страницах и притом более красноречиво — те, кому позволят это их более счастливые природные дарования. (6) Далее, к ним следует добавить Лициния, Севера, Александра и Максенция, права всех их на власть перешли к тебе, но доблесть их вследствие этого отнюдь не умалилась. (7) Я не буду поступать так, как делает большинство писателей, не буду унижать побежденных, так как понимаю, что твоя слава возрастет от того, что я правдиво расскажу об их достоинствах.

Элий Лампридий

**АЛЕКСАНДР
СЕВЕР**

I. (1) После убийства Вария Гелиогабала (я предпочитаю называть его так, а не Антонином, так как ничего свойственного Антонинам в этой язве обнаружить нельзя, (2) и это имя, согласно авторитетному указанию сената, было уничтожено в анналах) к облегчению человеческого рода власть принял Аврелий Александр, уроженец города Арки, сын Вария, внук Варии и двоюродный брат самого Габала, раньше, именно — после смерти Макрина, сенат провозгласил его Цезарем. (3) Затем он получил имя Августа, причем сенат дополнительно постановил, чтобы он в один и тот же день принял и прозвание отца отечества, и проконсульские права, и трибунские полномочия, и право пятикратного доклада сенату. (4) Чтобы это непрерывное наделение почестями не показалось слишком стремительным, я изложу причины, по которым и сенат вынужден был так поступить, и он — все это допустить. (5) Ведь и почтенности сената не соответствовало одновременное наделение всеми этими почестями, и хорошему государю не подобало набирать столько званий сразу. (6) Воины уже привыкли создавать себе императоров на основании беспорядочного решения и легко сменять их, ссылаясь иногда в

оправдание своего поступка на то, что они не знали о состоявшемся уже провозглашении государя сенатом. (7) Ведь и Песценния Нигра, и Клодия [Нигра] Альбина, и Авидия Кассия и еще раньше Луция Виндекса, и Луция Антония, и самого Севера они провозгласили императорами в то время, как сенат признал уже государем Юлиана, а такое положение дел породило гражданские войны, во время которых воину, предназначенному для борьбы против врага, приходилось погибать в братоубийственной брани.

II. (1) По этой же причине и поторопились, чтобы Александр сразу же получил все, словно он был уже старым императором. (2) Сюда присоединилось и исключительное расположение к нему сената и народа — после того негодяя, который не только замарал имя Антонинов, но и покрыл бесчестьем Римское государство. (3) Словом, ему наперерыв назначали всевозможные звания и полномочия, (4) и он первый принял одновременно все знаки отличия и все виды почестей. В его пользу говорило и имя Цезаря, которого он удостоился за несколько лет до того, а еще больше — его образ жизни и нравы; приобрел он общее расположение и вследствие того, что Гелиогабал пытался убить его, но не мог, так как и воины воспротивились этому, и сенат не соглашался. (5) Но все это малозначительно, а важно то, что он проявил себя достойным того, чтобы и сенат оберегал его, и воины хотели видеть его здоровым и невредимым, и по единодушному решению всех честных людей он был признан государем

III. (1) Итак, Александр, матерью которого была Маммея — так говорит большинство, с раннего детства хорошо усвоивший полезные для гражданина

и война навыки, не пропускал, поскольку это зависело от него, ни одного дня, чтобы не упражняться в науках или в военном деле. (2) В раннем детстве у него были: учителя грамоты — Валерий Корд, Тит Ветурий и вольноотпущенник его отца Аврелий Филипп, который впоследствии описал его жизнь; (3) на родине — греческий грамматик Негон, ритор Серапион, философ Стилион; в Риме — грамматик, знаменитый ученый Скаврин, сын Скаврина, риторы Юлий Фронтин, Бебий Макриан и Юлий Граниан, чьи школьные речи передаются и теперь. (4) Но в латинских занятиях он не сделал больших успехов, как это явствует из речей, произнесенных им в сенате и на сходках перед воинами или перед народом. Он не особенно любил латинское красноречие, но очень любил образованных людей, притом несколько даже опасался, как бы они в своих произведениях не отозвались о нем сурово. (5) Словом, он хотел, чтобы обо всех его действиях как в общественной, так и в частной жизни те люди, которых он считал достойными узнавать об этом, узнавали из его собственных уст, если сами они случайно не были свидетелями этих действий, — и просил их написать об этом, если это соответствует истине.

IV. (1) Он запретил называть себя владыкой. Он приказал, чтобы ему писали письма как частному человеку, сохранив только звание императора. (2) Он велел снять драгоценные камни с одежд и обуви, которыми пользовался Гелиогабал. Он носил, как его и рисуют, белую незолоченую одежду, обыкновенные дорожные плащи и тоги. (3) С друзьями он жил в таком тесном общении, что они часто собирались вместе, сам он ходил к ним на пиры, некоторые бывали у него еже-

дневно без приглашения. Приветствия он принимал так, словно был одним из сенаторов; при этом занавес бывал отдернут, персонал, присутствующий на аудиенциях, удален или оставлялись лишь служители, стоявшие у дверей, тогда как раньше невозможно было приветствовать государей, так как их нельзя было видеть. (4) Телом он был таков, что кроме привлекательности и мужественной красоты, каким мы и доныне видим его в статуях и на картинах, он отличался еще крепостью, соединенной с военной выправкой, и здоровьем человека, который знает свою силу и всегда заботится о ней. (5) Кроме того, он был любим всеми людьми; некоторые называли его благочестивым, а все — безусловно безупречным и полезным для государства. (6) Когда Гелиогабал строил против него козни, в храме Пренестинской богини Александру выпал такой жребий:

*Отрок несчастный, — увы! —
если рок суровый ты сломишь,
Будешь Марцеллом ты.*

V. (1) Он получил имя Александра потому, что родился в храме, посвященном Александру Великому в городе Арке, так как случилось, что отец его вместе с женой пришли сюда в день праздника Александра для выполнения религиозных обрядов. (2) Доказательством этого служит то обстоятельство, что день рождения этого Александра, сына Маммеи, приходится на тот день, когда умер тот великий Александр. (3) Он отказался от поднесенного ему сенатом имени Антонина, хотя он был ближе связан родством с Каракаллом, чем тот подложный Антонин. (4) Ведь как рассказывает Ма-

рий Максим в жизнеописании Севера, последний, еще в бытность свою частным человеком и не занимая достаточно высокого положения, взял себе в жены знатную восточную женщину, гороскоп которой, как он узнал, указывал на то, что она будет женой императора. В родстве с ней был этот Александр, которому действительно двоюродным братом со стороны матери приходился Варий Гелиогабал. (5) Отказался он и от имени Великого, которое было ему предложено по решению сената, словно новому Александру Македонскому.

VI. (1) Важно прочитать ту речь, в которой он отказался от поднесенного ему сенатом имени Антонина и Великого. Но прежде чем приводить ее, я перечислю возгласы сената, которыми сопровождалось принятие постановления. (2) Из городских ведомостей: «Накануне мартовских нон, когда сенат в многочисленном составе собрался в курии (т.е. в здании храма, посвященного Согласию) и туда был приглашен Аврелий Александр Цезарь Август для участия в заседании и когда он сначала отказался прийти, так как знал, что речь будет идти о присвоении ему почестей, но затем все же пришел, раздались возгласы: (3) Добродетельный Август, да хранят тебя боги! Император Александр, да хранят тебя боги! Боги дали нам тебя, боги да сохраняют тебя! Боги вырвали тебя из рук грязного человека, боги да продлят твои дни! (4) И ты пострадал от грязного тирана, и ты скорбел о том, что жил такой грязный и непристойный человек! Боги истребили его, боги сохранили тебя! Распущенный император правильно осужден! (5) Счастливы мы властью твоей, счастливо государство! Распутного императора на страх другим тащили крюком, развращенный им-

ператор поделом наказан, запятнавший почетные звания законно наказан! Бессмертные боги да даруют Александру долгую жизнь! Здесь проявил себя суд богов».

VII. (1) И когда Александр благодарил сенаторов, раздались возгласы: «Антонин Александр, да хранят тебя боги! Антонин Аврелий, да хранят тебя боги! Антонин Пий, да хранят тебя боги! Мы просим, прими имя Антонина! (2) Согласись — в угоду хорошим императорам — называться Антонином! Очисти ты имя Антонинов! То, что он обесславил, ты очисти! Восстанови блеск имени Антонинов! (3) Да узнает себя кровь Антонинов! Отомсти за обиду Марка! Отомсти за обиду Вера! Отомсти за обиду Бассиана! (4) Хуже Коммода один только Гелиогабал — он не император, не Антонин, не гражданин, не сенатор, не благородный, не римлянин! (5) В тебе спасение, в тебе жизнь! Чтобы было отрадно жить, Александру — жизнь Антонинов! Чтобы было отрадно жить, да зовется он Антонином! (6) Храмы Антонинов да освятит Антонин! Да победит парфян и персов Антонин! Священное имя да примет святой! Священное имя да примет чистый! Имя Антонина да признают боги, честь Антонинов да сохраняют боги! В тебе все, через тебя все! Будь здоров, Антонин!».

VIII. (1) После этих возгласов — Аврелий Александр Цезарь Август: «Благодарю, отцы сенаторы, не только за то, что произошло сейчас, но и за имя Цезаря, за спасение моей жизни, за присвоение имени Августа, за звание великого понтифика, за трибунские полномочия и проконсульскую власть. Все это вы передали мне в один день, чему раньше не было примера». (2) Когда он это говорил, раздавались возгласы: «Это ты принял,

прими и имя Антонина! Пусть удостоится этого сенат, пусть удостоится этого Антонины! (3) Антонин Август, да хранят тебя боги! Да сохранят тебя боги как Антонина! Пусть имя Антонина вновь появится на монете! Да освятит Антонин храмы Антонинов!» (4) Аврелий Александр Август: «Прошу вас, отцы сенаторы, не ставьте меня в необходимость вступить в такое соревнование, принуждая меня быть достойным столь великого имени; ведь это имя, даже когда оно является чужим, уже само по себе кажется обременительным. Такие выдающиеся имена дают. (5) В самом деле, кто назовет немого Цицероном? Невежду — Варроном? Нечестивца — Метеллом? И — да отвратят это боги — кто потерпит, чтобы самым блестящим саном был облечен человек, не доросший до имен, которые он носит?». Снова такие возгласы, какие приведены выше.

IX. (1) Император опять сказал: «Сколь велико было имя или, вернее, божественное прозвание Антонинов, это помнит Ваша милость. Если говорить о благочестии — кто праведнее Пия? Если об учености — кто мудрее Марка? Если о незлобивости — кто простодушнее Вера? О храбрости — кто храбрее Бассиана? (2) О Коммоде я не хочу упоминать, так как он был хуже других уже тем, что, отличаясь такими нравами, носил имя Антонина. (3) Диадумен же не имел ни времени, ни достаточно зрелого возраста, чтобы проявить себя, и получил это имя скорее благодаря проискам отца». (4) Снова те же возгласы, какие приведены выше. Император опять сказал: «Вы, отцы сенаторы, конечно, помните общие стенания в недавнем прошлом, когда этот грязнейший не только из двуногих, но и из четвероногих чванился име-

нем Антонина и в то же время своей позорной жизнью и роскошью превзошел Неронов, Вителлиев, Коммодов: в кружках простого народа и знатных людей все в один голос говорили, что грешно называть его Антонином, что эта язва бесчестит столь великое имя». (5) При этих его словах раздались возгласы: «Да отвратят боги это зло! Под твоей властью мы этого не боимся! Относительно этого мы под твоим водительством спокойны! Ты победил пороки, победил преступления, победил позор! Ты украсишь имя Антонина. (6) В тебе мы твердо уверены, мы предвидим доброе! С детства твоего мы ценили тебя, ценим тебя и сейчас!». (7) Опять император: «Я, отцы сенаторы, боюсь принять это всеми чтимое имя не потому, что опасаюсь, как бы в дальнейшей своей жизни я не предался этим порокам, и не потому, что стыжусь этого имени, но прежде всего потому, что мне не хочется принимать имя чужой семьи, а затем и потому, что, я уверен, оно будет обременять меня». Когда он это говорил, раздавались такие же возгласы, какие приведены выше.

Х. (1) Он опять сказал: (2) «Ведь если я приму имя Антонина, то я могу принять и имя Траяна, могу — и Тита, могу — и Веспасиана». (3) Когда он это говорил, раздавались возгласы: «Имя Антонина — то же, что и имя Августа!». Тогда император: «Я вижу, отцы сенаторы, что побуждает вас присвоить мне это имя. (4) Август был первым создателем этой власти, и все мы наследуем его имя в силу как бы некоего усыновления или права наследования. Ведь сами Антонины носили имя Августов. (5) Так Антонин, то есть Пий, назвал Антонинами Марка и Вера по праву усыновления, для Коммода оно было наследствен-

ным, Диадумену оно было навязано, Бассиану — дано ради подражания, в применении к Варию оно было смехотворным». (6) Когда он это говорил, раздавались возгласы: «Александр Август, да хранят тебя боги! Да окажут боги покровительство твоей скромности, твоей мудрости, твоей незлобивости, твоей чистоте! Из твоих слов мы понимаем, каким ты будешь, и ценим тебя! Ты добьешься того, чтобы сенат на благо всем выбирал государей!» (7) Ты добьешься того, что решения сената станут превосходными! Александр Август, да хранят тебя боги! Александр Август освятит храмы Антонинов! (8) Наш Цезарь, наш Август, наш император, да хранят тебя боги! Живи, будь здоров, властвуй многие годы!».

XI. (1) Император Александр сказал: «Я понимаю, отцы сенаторы, что я получил то, чего желал, и я принимаю это с удовлетворением, выражая вам и чувствуя великую благодарность. Я приложу все усилия к тому, чтобы и то имя, которое я принес с собой, вступая во власть, стало таким, чтобы и другие пожелали носить его и чтобы вы в ваших угодных богам постановлениях предлагали его хорошим императорам». (2) После этого раздались возгласы: «Великий Александр, да хранят тебя боги! Если ты отверг имя Антонина, прими имя Великого! Великий Александр, да хранят тебя боги!» (3) Так как они много раз говорили это, то Александр Август: «Легче мне было бы, отцы сенаторы, принять имя Антонинов: ведь этим я как-то отметил бы либо свое родство с ними, либо то, что я ношу общее с ними звание императора. (4) Но на каком основании я приму имя Великого? Что великое я уже совершил? Ведь Александр получил его после великих деяний, а

Помпей после великих триумфов. Поэтому успокойтесь, досточтимые отцы сенаторы, и, сами будучи великолепными, считайте меня одним из вас, а не наделяйте меня именем Великого».

ХII. (1) После этого раздались возгласы: «Аврелий Александр Август, да хранят тебя боги!» и так далее, по обычаю. (2) Отпустив сенат и совершив в этот же день много других дел, он вернулся домой как триумфатор. (3) Непринятие чужих имен прославило его гораздо больше, нежели могло бы прославить принятие их. Благодаря этому поступку он приобрел славу человека твердого и благоразумного — ввиду того что весь сенат не мог переубедить одного молодого человека или, вернее, юношу. (4) Сенат своими просьбами не мог убедить его принять имена Антонина и Великого; воины же за необыкновенную силу духа и удивительную и исключительную твердость пред лицом своевольных воинов присвоили ему имя Севера. (5) Это создало ему огромное уважение при жизни, великую славу в потомстве. Он достиг того, что получил имя, соответствующее доблести его духа: он оказался единственным человеком, который мог раскассировать мятежные легионы, как это будет показано в своем месте. Он самым суровым образом наказывал воинов, если им случалось совершить что-нибудь, что могло считаться противозаконным; об этом мы расскажем в своем месте.

ХIII. (1) Знамена ожидавшей его императорской власти были следующие. Прежде всего он родился в тот самый день, в который, как говорят, скончался Александр Великий. Затем его мать разрешилась от бремени в храме того же Александра. В-третьих, он получил его имя. Кроме того, какая-то старушка принесла его матери го-

лубинное яйцо пурпурного цвета, снесенное в тот самый день, когда он родился. (2) На этом основании гарусники сказали, что он будет императором, но недолго, и станет императором рано. Кроме того, портрет императора Траяна, висевший над брачным ложем его отца, упал на это ложе и в то время, как мать производила его на свет в храме. (3) К этому присоединилось и то, что в кормилицы ему дали Олимпиаду, а это имя носила мать Александра. (4) Случайно получилось, что дядькой его был один крестьянин — Филипп, а таково было имя отца Александра Великого. (5) Говорят, что в течение всего первого дня после его рождения в Цезаревой Арке была видна звезда первой величины и солнце над домом его отца было окружено блестящим венцом. (6) Истолковывая явления, бывшие в день его рождения, гарусники сказали, что он будет держать в своих руках верховную власть, потому что жертвенные животные были приведены из имения, принадлежавшего императору Северу, и притом это были животные, которых колонны готовились заклать в честь Севера. (7) Лавр, выросший в доме рядом с персиковым деревом, в течение одного года перерос персиковое дерево. Ввиду этого толкователи сказали также, что он победит персов.

XIV. (1) Накануне родов мать видела во сне, что она производит на свет маленькую змею пурпурного цвета. (2) В ту же ночь отец его увидел во сне, что он возносится на небо на крыльях Римской Победы, статуя которой стоит в сенате. (3) Когда сам Александр спросил у прорицателя о своем будущем — был он в это время маленьким и гадал в первый раз, — он, говорят, получил в ответ такие стихи. (4) «Власть ожидает тебя

дела он вел вместе с матерью, так что казалось, что и она — наравне с ним — пользуется императорской властью. Это была женщина праведная, но скупая, страстно любившая золото и серебро.

XV. (1) Начав действовать как Август, он прежде всего отстранил от государственных дел, от службы и должностей всех судей, которых тот грязный человек выдвинул из числа самых мерзких людей; затем он произвел чистку сената и сословия всадников. (2) Затем он произвел чистку самих триб и тех, кто пользовался воинскими преимуществами. Произвел он чистку и в своем Палатинском дворце и во всей своей свите, отстранив от придворной службы всех непотребных и опозоренных людей, а в дворцовой обслуге он позволил остаться только тем, кто был необходим. (3) Затем он связал себя клятвой не иметь при себе ни одного приписного, то есть не несущего никаких обязанностей, служащего, чтобы не обременять государство выдачей продовольственных пайков; он говорил, что общественным злом является тот император, который кровью провинциалов кормит не нужных и не приносящих пользы государству людей. (4) Он приказал, чтобы ни в одном городе не показывались судьи, уличенные в воровстве, и если бы таковые показались, правители провинций должны были отправлять их в ссылку. (5) Он тщательно проверял воинское продовольствие. Трибунов, которые путем утайки отнимали что-либо у воинов, он наказывал смертью. (6) Он предписал, чтобы дела и тяжбы сначала просматривались и разбирались правителями канцелярий и ученейшими и преданными ему законоведами, из которых первым был тогда Ульпиан, и только после этого ему делался доклад.

XVI. (1) Он установил очень большое число разумных законов о правах народа и императорского казначейства. Ни одной правовой норме он не давал силы без согласия совета, в котором участвовали двадцать законоведов и не менее пятидесяти ученых и мудрых, и притом очень красноречивых людей, так что в этом совете подавалось столько же мнений, сколько их требовалось в сенате для вынесения сенатского постановления. (2) При этом спрашивалось мнение каждого и записывалось, кто что сказал, но давалось время разобраться и обдумать, прежде чем говорить, чтобы люди не были принуждены высказываться о делах большой важности, не подумав. (3) Кроме того, у него был обычай, если речь шла о праве или делах, приглашать только ученых и красноречивых людей, если — о военном деле, то старых военных, заслуженных стариков, хорошо знавших местности, порядок ведения войны, устройство лагеря, а также всяких образованных людей, главным образом тех, кто знал историю: у них он спрашивал, как поступали в случаях, подобных тем, какие разбирались, старинные римские императоры или вожди иноземных племен.

XVII. (1) Энколпий, с которым Александр был в самых дружественных отношениях, рассказывал, что при виде судьи-вора он готов был собственными руками вырвать у него глаза: так сильна была ненависть его к тем, относительно которых было доказано, что они — воры. (2) Септимин, обстоятельно исследовавший его жизнь, добавляет к этому, что раздражение Александра против тех судей, которые, по слухам, занимались воровством, даже если они не были осуждены, было очень велико: если он случайно видел

их, его охватывало душевное волнение, его рвало желчью, лицо его пылало, он даже терял способность говорить. (3) Когда некий Септимий Арабиан, получивший печальную известность после того, как он был обвинен в воровстве, и уже освобожденный при Гелиогабале, явился вместе с другими сенаторами приветствовать нового государя, Александр воскликнул: (4) «О Марна! О Юпитер! О бессмертные боги! Арабиан не только жив, но даже приходит в сенат, может быть, даже возлагает какие-то надежды на меня! Таким дураком, таким глупцом он меня считает!».

XVIII. (1) Приветствовали его всегда только по имени, то есть: «Будь здрав, Александр!». Если кто-нибудь склонял голову или говорил что-нибудь слишком ласковое, он либо прогонял его как льстеца, если допускало занимаемое этим человеком положение, либо громко смеялся, если достоинство человека не позволяло нанести ему более тяжкую обиду. (2) Приняв приветствия, он приглашал всех сенаторов посидеть с ним, но к этим приветствиям он допускал только честных и пользовавшихся доброй славой людей и велел объявить через глашатая (подобно тому как во время Элевзинских таинств говорят, что туда не должен вступать никто, кто не сознает себя чистым), чтобы не приходили приветствовать государя те, кто сознает себя вором, — иначе они, будучи избличены, подвергнутся смертной казни. (3) Он запретил падать перед ним ниц, тогда как перед Гелиогабалом уже начали падать ниц, как это принято у персидских царей. (4) Кроме того, он высказал суждение, что только воры жалуются на свою бедность, желая этим прикрыть совершаемые ими в жизни преступления. (5) Он при-

водил по-гречески известное изречение о ворах, которое по-латыни значит: «Кто много награл, немного дал защитникам, тот уцелеет».

XIX. (1) Префекта претория он назначил себе в соответствии с авторитетным суждением сената. Префекта Рима он получил от сената. Вторым префектом претория он назначил того, кто даже бежал, чтобы не быть назначенным; при этом Александр сказал, что на государственные должности нужно ставить тех, кто избегает их, а не тех, кто их домогается. (2) Нового сенатора он никогда не назначал, не посоветовавшись со всеми присутствовавшими сенаторами, так что тот избирался голосами всех и о нем давали показания самые высокопоставленные люди. Если же те, кто давал показания или высказывал мнение, обманывали, то впоследствии они низводились в самый последний разряд граждан — после осуждения их как подсудимых, уличенных в обмане, причем не допускалось смягчения наказания. (3) Он же назначал сенаторов только по ходатайству людей, занимавших высшие должности в Палатинском дворце, говоря, что тот, кто назначает сенатора, должен быть большим человеком. (4) Вольноотпущенников он никогда не вводил в сословие всадников, утверждая, что сословие всадников — это питомник сенаторов.

XX. (1) Он был столь выдержанным, что никого не прогонял от себя, со всеми обращался ласково и приветливо, посещал своих заболевших друзей не только первого и второго ранга, но и занимавших более низкие места. Он хотел, чтобы все высказывали ему свободно, что они думают, и выслушивал то, что говорилось. (2) Выслушав, он вводил улучшения и исправления, как того тре-

бовали обстоятельства дела. Если же что-нибудь было сделано не совсем хорошо, то он и сам указывал ошибки, притом без высокомерия и злобы в сердце. Он всегда собирал у себя всех, за исключением тех, кого преследовала упорная молва об их воровстве. Об отсутствовавших он всегда спрашивал. (3) Всякий раз, как мать его Маммея и жена Меммия, дочь консуляра Сульпиция, внучка Катула, упрекая его в излишней вежливости, говорили ему: «Ты сделал свое правление слишком мягким и не внушающим уважения к власти», он отвечал: «Зато — более спокойным и более продолжительным». (4) В сущности, не прошло ни одного дня, чтобы он не совершил какого-нибудь поступка, в котором не проявились бы кротость, любезность, благочестие, и при этом он не разорял государственного казначейства.

XXI. (1) Он приказал накладывать штраф в редких случаях, а если его накладывали, он относился к этому неодобрительно. Он передал городам налоги с тем, чтобы они пошли на их собственные постройки. (2) Государственный процент он брал в размере одной трети процента в месяц; при этом многим бедным людям он давал деньги без процентов для покупки земель, с тем чтобы уплата производилась из доходов. (3) Своим префектам претория он присвоил сенаторское достоинство, чтобы они и были и назывались светлейшими. (4) Раньше это бывало редко или вообще еще не было введено в обычай, так что если кто-нибудь из императоров хотел сменить префекта претория, он посылал ему с вольноотпущенником тогу с широкой пурпурной полосой, как передает в жизнеописаниях многих императоров Марий Максим. (5) Александр пожелал сделать префек-

тов претория сенаторами, для того чтобы никто, не будучи сенатором, не мог судить римского сенатора. (6) Своих воинов, где бы они ни находились, он хорошо знал и даже имел в своей спальне их списки с обозначением численности и сроков службы военных; оставаясь один, он всегда просматривал их отчетность и данные о численности, звании и жалованьи, чтобы иметь полные сведения обо всем. (7) Наконец, выступая среди военных по какому-нибудь делу, он многих называл по имени. (8) Он делал для себя заметки о том, кого следует продвинуть, часто перечитывал все листочки с записями; в соответствии с последними он и поступал, отмечая тут же дни, а также — по чьему предложению кто был повышен. (9) Он много помог снабжению провиантом римского народа: тогда как Гелиогабал растратил весь запас хлеба, Александр, произведя закупку на свои деньги, восстановил его в прежнем количестве.

XXII. (1) Для того чтобы торговцы охотно приезжали в Рим, он дал им величайшие льготы. (2) Он восстановил в полном размере выдачу народу масла, установленную Севером, — ее сократил Гелиогабал, предоставив должность префекта продовольственного снабжения самым негодным людям. (3) Право заключать брак в торжественной форме, которое этот грязный человек уничтожил, Александр восстановил для всех. (4) В Риме он устроил очень много механических сооружений. Он сохранил привилегии иудеям. Он терпимо относился к христианам. (5) Он настолько уважал понтификов, квиндецемвиров и авгуров, что позволил им вновь рассмотреть и разрешить иначе некоторые дела касательно священных обрядов, уже решенные и законченные им самим.

(6) Наместников провинций, которых по имевшимся у него сведениям хвалили по заслугам все, а не только их приверженцы, он во время своих путешествий всегда возил с собой в своей повозке и награждал подарками, говоря, что воров следует отстранить от государственных дел и делать их бедняками, а людей неподкупных — удерживать на государственной службе и делать богатыми. (7) Когда римский народ просил его о снижении цен, он спросил через глашатая, какой вид товара они считают дорогим. Все в один голос закричали: «Говядину и свинину». (8) Тогда он, не снижая цен, запретил убивать свиноматок, поросят-сосунков, коров, телят, не прошло и двух лет или даже одного года, как оказалось такое изобилие свинины и говядины, что, если прежде фунт продавался за восемь мелких монет, теперь цена того и другого вида мяса дошла до двух и даже до одной монеты за фунт.

XXIII. (1) Если при разборе дел, возбужденных воинами против трибунов, он находил кого-либо из трибунов виновным, то наказывал его без снисхождения сообразно с характером его проступка. (2) Обо всех он разузнавал через своих верных людей и через тех, о ком никто не знал, что они этим занимаются, так как, говорил он, всех можно подкупить взяткой. (3) Рабы у него всегда ходили в рабской одежде, вольноотпущенники — в одежде свободнорожденных. (4) Евнухов он исключил из своей прислуги и велел им служить на положении рабов у своей жены. (5) Тогда как Гелиогабал был рабом своих евнухов, Александр свел их к определенному числу и позволил им обслуживать в Палатинском дворце только женские дворцовые бани. (6) Тогда как Гелиогабал поставил

очень многих евнухов во главе счетных и прокураторских ведомств, Александр отнял у них и прежние их звания. (7) Он говорил, что евнухи — люди третьего пола и что мужчины не должны ни видеть их, ни пользоваться их услугами, что это могут делать, пожалуй, только знатные женщины. (8) Человека, который давал пустые обещания, торгуя его именем, и получил от какого-то военного сто золотых, он велел распять на той дороге, по которой чаще всего ходили в пригородные императорские имения его рабы.

XXIV. (1) Очень много легатских провинций он сделал наместническими, в проконсульских же провинциях он распоряжался, согласуясь с волей сената. (2) Он запретил устраивать в Риме смешанные бани; это было запрещено и раньше, но Гелиогабал разрешил. (3) Налог со сводников, блудниц и продажных мужчин он запретил вносить в священное казначейство и назначил его на государственные расходы по ремонту театра, цирка, амфитеатра, стадиона. (4) Он имел намерение запретить мужчинам торговать собою — то, что впоследствии осуществил Филипп, — но побоялся, что открытый позор превратится после запрещения в скрытый разврат, так как люди, одержимые бешеными страстями, стремятся к недозволенному, особенно тогда, когда оно запрещено. (5) Он установил превосходный налог на портных, ткачей, стекольщиков, скорняков, слесарей, серебряных и золотых дел мастеров и других ремесленников и на эти деньги велел содержать для общего пользования термы, заложенные и им самим и прежними государями; он назначил и леса на нужды общественных терм. (6) Он увеличил отпуск масла для светильников в термах, тогда как прежде последние

не открывались раньше рассвета и закрывались до захода солнца.

XXV. (1) Некоторые передают в своих сочинениях, что его правление было бескровным, но это было не так. (2) Ведь воины прозвали его Севером за его суровость, и в некоторых случаях он, накладывая наказания, оказывался слишком жестким. (3) Сооружения прежних государей он восстановил и сам выстроил много новых, в том числе — термы, носящие его имя, рядом с теми, которые называются Нероновыми, проведя сюда водопровод, ныне называемый Александровым. (4) Рощу для своих терм он устроил на частных владениях, купив их и разрушив на них строения. (5) Он первый из императоров дал название ванне Океана, тогда как Траян этого не сделал, но назначил дни для ванн. (6) Термы Антонина Каракалла он закончил и украсил, добавив к ним портики. (7) Он первый осуществил во дворце александровский способ применения мрамора, соединяя два вида мрамора — порфиновый и лакедемонский, украсив такими мраморными плитами дворы в Палатинском дворце. (8) Собрав отовсюду художников, он расставил по городу колоссальные статуи. (9) Он выбил много монет с изображением Александра, некоторые — из электра, а больше всего — золотых. (10) Он запретил женщинам, имевшим дурную славу, приходить с приветствиями к его матери и жене. (11) В Риме он часто выступал на сходках с речами, подобно древним трибунам и консулам.

XXVI. (1) Три раза он произвел раздачу народу, три раза сделал воинам денежный подарок; он прибавил народу раздачу мяса. (2) Заботясь также о бедных, он сократил проценты ростовщиков

до одной трети процента в месяц. (3) Сенаторам, если они занимались ростовщичеством, он сначала запретил брать проценты, разрешая брать что-либо только в качестве подарка, а потом позволил брать полпроцента в месяц, но отменил всякие дары. (4) Он поставил на форуме Траяна статуи выдающихся людей, перенося их туда отовсюду. (5) Он оказывал большой почет Павлу и Ульпиану, одни говорят, что их назначил префектами Гелиогабал, а другие — что сам Александр. (6) Говорят, что Ульпиан был у Александра и советником, и начальником канцелярии; но оба они, как говорят, были помощниками Папиниана. (7) Он соорудил базилику Александра между Марсовым полем и ограждениями Агриппы — шириной в сто футов, длиной в тысячу; вся она покоилась на колоннах. Закончить ее ему помешала смерть. (8) Храм Изиды и Сераписа он украсил пристойным образом, добавив статуи, делосские изваяния и все то, что имеет отношение к таинствам этих божеств. (9) К своей матери Маммее он относился с исключительной почтительностью; так, в Риме он устроил в Палатинском дворце апартаменты имени Маммеи, которые необразованный люд называет теперь «у Маммы»; в байской усадьбе он выстроил дворец с прудом, который и до сих пор еще именуется дворцом Маммеи. (10) В байской усадьбе он воздвиг и другие великолепные сооружения в честь своих родственников и устроил изумительные пруды, проведя воду из моря. (11) Мосты, построенные Траяном, он почти во всех местах восстановил, построил также несколько новых, а за восстановленными сохранил имя Траяна.

XXVII. (1) У него было намерение для всех ведомств и званий ввести особый род одежды,

чтобы их можно было различать по одеянию, а также ввести особую одежду для рабов, чтобы их можно было распознавать в толпе народа — с той целью, чтобы помешать им поднимать мятежи, а вместе с тем — не давать рабам смешиваться со свободнорожденными. (2) Против этого, однако, возражали Ульпиан и Павел, говоря, что отсюда произойдет очень много раздоров, поскольку люди склонны наносить друг другу обиды. (3) Тогда он решил, что будет достаточно отличить римских всадников от сенаторов качеством полосы на тоге. (4) Он позволил старикам пользоваться зимой в случае холода теплыми верхними плащами, тогда как раньше этого рода одежду носили в дороге или во время дождя. Матронам же он запретил пользоваться в городе плащами, а в дороге — позволил. (5) Он был более силен в греческом красноречии, нежели в латинском, писал неплохие стихи, имел музыкальные способности, был сведущ в астрологии, и по его приказанию астрологи публично выступали в Риме и делали объявления о преподавании. (6) Он был очень опытен в искусстве гарсуников, был прекрасным птицегадателем, так что превзошел и васконов из Испании и паннонских гадателей. (7) Он занимался геометрией, изумительно рисовал, замечательно пел, но никогда не делал этого в чьем-либо присутствии — свидетелями бывали только его рабы. (8) Он составил в стихах жизнеописания хороших императоров. (9) Он играл на лире, на флейте, на органе, также на трубе, но, став императором, перестал заниматься этим. Борцом он был первостепенным. (10) Он отличался в военном деле, так что вел много войн, и притом со славою.

XXVIII. (1) Он три раза вступал в должность консула — только ординарного — и по истечении первого срока всегда ставил на смену других. (2) Он был весьма строгим судьей по отношению к ворам; он отзывался о них, как о виновных в ежедневных преступлениях и карал их очень жестоко, называя их единственными врагами и недругами государства. (3) Одного письмоводителя, который представил лживое изложение одного судебного дела в императорский совет, он сослал, приказав подрезать ему жилы на пальцах так, чтобы он никогда больше не мог писать. (4) Когда некто из высокопоставленных, ведя скверную жизнь и даже когда-то обвинявшийся в воровстве, пожелал, движимый чрезмерным честолюбием, занять важное положение в армии и ему удалось проникнуть туда благодаря содействию дружественных ему царей, он тут же в присутствии своих покровителей был изобличен в воровстве. Выслушать его было приказано царям, виновность его была доказана, и он был осужден. (5) Когда спросили у царей, какому наказанию присуждаются у них воры, они ответили: «К кресту». Согласно с их ответом он и был распят. Так этот честолюбец был осужден приговором своих же покровителей, и Александр сохранил славу милостивого человека, которой он особенно дорожил. (6) По примеру Августа, который поместил на своем форуме мраморные статуи выдающихся людей с указанием их деяний, и Александр поставил на форуме божественного Нервы, называемом Проходным, колоссальные статуи обожествленных императоров, либо пешие, обнаженные, либо конные — с надписями и медными колоннами, на которых были по порядку записаны их деяния. (7) Он хо-

тел, чтобы его считали происходящим от римского племени, ему было стыдно, когда его называли сирийцем, особенно когда в какой-то праздник антиохийцы, египтяне и александрийцы осыпали его по своему обыкновению насмешками, называя его сирийским архисинагогом и архиереем.

XXIX. (1) Прежде чем говорить о его войнах, походах и победах, я скажу несколько слов о его повседневной домашней жизни. Проводил он время следующим образом. (2) Прежде всего, если была возможность, то есть если он не спал с женой, он совершал утром священнодействие в своем помещении для ларов, где у него стояли изображения и обожествленных государей, только самых лучших, избранных, и некоторых особенно праведных людей, среди которых был и Аполлоний, а также, как рассказывает историк его времени, — Христос, Авраам, Орфей и другие подобные им, а равно и изображения предков. (3) Если же он не мог это делать, то, смотря по условиям местности, он либо катался, либо ловил рыбу, либо гулял, либо охотился. (4) Затем, если позволяло время, он после ... немного занимался государственными делами, так как и военные, и гражданские дела, как сказано выше, рассматривались предварительно его друзьями, притом людьми безупречными, верными, ни в коем случае не подкупными. Рассмотренные дела он утверждал, если ему не было угодно принять какое-нибудь новое решение. (5) В случае надобности он еще до рассвета начинал заниматься государственными делами и сидел до позднего часа; при этом он никогда не скучал, никогда не сидел мрачным или разгневанным, но всегда сохранял одинаковое выражение лица и был весел при всяких обстоя-

тельстввах. (6) Он отличался необыкновенной про- ницательностью, так что никто не мог обмануть его; а если кто-нибудь хотел ловко обойти его, того он сразу разгадывал и наказывал.

XXX. (1) После государственных дел, военных или гражданских, он с наибольшим усердием занимался чтением по-гречески; читал он книги Платона «О государстве». (2) Когда же он читал по-латыни, то больше всего читал сочинения Цицерона «Об обязанностях» и «О государстве»; иногда он читал и речи, и поэтов, в том числе Серена Саммоника, которого он лично знал и любил, а также Горация. (3) Прочитал он и описание жизни Александра, которому больше всего подражал, хотя и осуждал его склонность к пьянству и жестокость по отношению к друзьям, несмотря на то что и тот и другой порок его стараются оправдать хорошие писатели, которым он часто верил. (4) После чтения он занимался борьбой или игрой в мяч, или бегом, или более легкими упражнениями, а затем, умастившись, купался, причем никогда не пользовался или очень редко пользовался горячей ванной, а всегда купался в водоеме, оставаясь в нем почти целый час. Он даже пил натошак холодную воду из Клавдиева водопровода в количестве до одного секстария. (5) Выйдя из ванны, он съедал много хлеба и молока, яйца, затем пил вино, смешанное с медом. Подкрепившись этим, он иногда приступал к завтраку, а иногда откладывал принятие пищи до обеда, но чаще все-таки завтракал. (6) Он часто употреблял тетрафармакон Адриана, о котором говорит в своих книгах Марий Максим, когда рассказывает о жизни Адриана.

XXXI. (1) После полудня он занимался писанием заключений и чтением писем; при этом все-

гда присутствовал секретарь, докладчик по прошениям и секретарь-напоминающий. Иногда, если по состоянию своего здоровья они не могли стоять, они сидели. Писцы или правители канцелярии прочитывали все, а Александр собственноручно приписывал то, что считал нужным, руководясь при этом мнением того, кто считался наиболее красноречивым. (2) После писем он принимал всех друзей вместе и со всеми одинаково беседовал; никогда ни с кем он не виделся наедине, кроме своего префекта, — именно — Ульпиана, который был раньше — ввиду своей необыкновенной справедливости — его помощником. (3) Если же он приглашал кого-либо другого, то приказывал призвать и Ульпиана. (4) Вергилия он называл Платоном поэтов и изображение его вместе с изображением Цицерона имел в своем втором помещении для ларов, где находились изображения Ахилла и других великих мужей. (5) Изображение же Александра Великого он почитал как святыню в большом помещении для ларов среди лучших и обожествленных мужей.

XXXII. (1) Никогда никого он не обидел ни из своих друзей и приближенных, ни из управителей и начальников дворцовых ведомств. (2) К префектам он всегда относился с уважением, утверждая, что тот, кто заслуживает обиду со стороны императора, должен быть осужден, а не отставлен. (3) Смещая кого-либо из начальственных лиц, он добавлял: «Государство благодарит тебя». При этом он одаривал его, так что тот, став частным человеком, мог жить вполне прилично сообразно со своим положением; дарами были — земля, быки, лошади, хлеб, железо, средства на постройку дома, мрамор для его отделки и другие

материалы, которых требовал характер постройки. (4) Золото и серебро он редко уделял кому-нибудь, за исключением воинов, говоря, что человек, ведающий расходом государственных средств, не имеет права обращать на свои удовольствия и удовольствия своих приближенных то, что доставили провинциалы. (5) Золото, получаемое в качестве налога с торговцев, и вечное золото он сложил с Рима.

XXXIII. (1) Он назначил в Риме четырнадцать попечителей города — из бывших консулов. Им он приказал разбирать городские дела вместе с префектом Рима, причем при рассмотрении дел требовалось присутствие всех или большинства. (2) Он учредил корпорации виноторговцев, продавцов бобов, сапожников и вообще корпорации всех ремесел, назначил им защитников из их среды и указал, какие из них подсудны каким судьям. (3) Актерам он никогда не дарил ни золота, ни серебра; с большой неохотой дарил он им деньги. Он отнял драгоценные одежды, розданные Гелиогабалом. Воинов, которых называют показными, он одевал в одежды не драгоценные, но красивые и блестящие; он не назначал большого количества золота и шелка на знаки отличия и царскую обстановку, утверждая, что власть заключается в доблести, а не во внешнем убранстве. (4) Он снова ввел в свое личное употребление грубошерстные хламиды Севера и туники без пурпура или с длинными рукавами, а также алые и пурпурные небольшие греческие плащи.

XXXIV. (1) Он не признавал золота на пирах. Бокалы у него были всегда недорогие, но изящные. Вес его серебряной посуды никогда не превышал двухсот фунтов. (2) Карликов, карлиц, дура-

ков, продажных мужчин — певчих, всяких виртуозов и пантомимов он подарил народу. Тех, кого нельзя было использовать, он роздал поодиночке на прокормление отдельным городам, чтобы жители последних не испытывали неприятного чувства при виде нищих. (3) Евнухов, которых Гелиогабал держал для участия в его позорных совещаниях и выдвигал на должности, он раздарил друзьям; при этом он вынес решение: если они не возвратятся к добрым нравам, их разрешается убить без приговора суда. (4) Распутных женщин, огромное число которых он нашел во дворце, он приказал предоставить народу, а продажных мужчин, с которыми тот негодяй обычно предавался мерзейшему разврату, он отправил в ссылку, причем некоторые из них утонули во время кораблекрушения. (5) Ни один из его слуг не носил золоченой одежды даже на парадных пирах. (6) Когда он пировал среди своих, то приглашал либо Ульпиана, либо ученых людей для просвещенных бесед, которые, как он говорил, восстанавливали его силы и питали его. (7) Когда он пировал в домашней обстановке, у него на столе была книга, и он читал, чаще — по-гречески. Однако он читал и латинских поэтов. (8) Его парадные пиры отличались той же простотой, что и частные; увеличивалось лишь количество полукруглых лож и число сотрапезников, что было ему неприятно: он говорил, что ест в театре или в цирке.

XXXV. (1) Он охотно слушал авторов и поэтов, если они произносили не панегирики ему (это он, по примеру Нигера Песценния, считал глупым), а декламировали речи или воспевали деяния древних, но охотнее он слушал, если кто-либо произносил похвальное слово в честь Алек-

сандра Великого или хороших государей прежних времен, или великих мужей города Рима. (2) Он часто приходил в Атеней, чтобы послушать греческих и латинских риториков и поэтов. (3) Он слушал также судебных ораторов, излагавших дела, которые они вели перед ним или перед префектами Рима. (4) Он председательствовал на состязании, главным образом — на Геркулесовом, в честь Александра Великого. (5) После полудня или в утренние часы он никогда не видался с некоторыми лицами наедине, так как узнал, что они наговорили о нем много лжи, — в частности, Верконий Турин. (6) Прежде он считал его в числе своих друзей, но тот, выдумывая всякие небылицы, бесславил власть Александра, изображая его глупым человеком, которого он держит в своих руках и которому он многое внушает; многих он таким образом убедил в том, что Александр во всем поступает согласно с его указаниями.

XXXVI. (1) Наконец, Александр поймал его, прибегнув к следующей хитрости. Он подослал к Турину одного человека, который должен был при всех просить о чем-то Александра, а тайно искать поддержки у Турина, чтобы тот наедине замолвил за него слово перед Александром. (2) Так и было сделано: Турин обещал свое содействие и сказал, что он кое о чем уже переговорил с императором (хотя на самом деле он ничего не говорил) и что будто бы от него зависит получение желаемого; при этом он назначил цену за успешное окончание дела. Тогда Александр приказал человеку повторить свою просьбу, и Турин, словно занятый чем-то другим, знаками дал понять ему, что дело сделано, а между тем он во дворце ничего не сказал. Просимое было получе-

но, и Турин, продавец дыма, получил огромную награду от человека, чья просьба была удовлетворена. За это Александр приказал предать Турина суду, и, после того как его виновность была доказана показаниями всех свидетелей — как тех, в чьем присутствии он получил взятку, так и тех, кто слышал его обещания, он приказал привязать его к столбу на Проходном форуме и умертвить, напустив на него дым от зажженной соломы и сырых дров, причем глашатай объявил: «Дымом наказывается тот, кто торговал дымом». (3) А чтобы не казалось, что он наложил жестокое наказание за одну провинность, Александр произвел — до осуждения Турина — тщательное расследование и нашел, что Турин часто брал взятки от обеих сторон в судебных делах, благоприятный исход которых он продавал, а также от всех, кто получал руководящие посты или провинции.

XXXVII. (1) Он часто посещал зрелища, но очень скупно одаривал их участников и говорил, что актеров, охотников и возниц следует содержать так, как наших рабов или охотников, или погонщиков мулов, или тех, кто обслуживает наши удовольствия. (2) Стол у него был не слишком обильным и не слишком скудным, но в высшей степени опрятным. Постилались чистые скатерти — чаще с алой полосой, но никогда не золоченые, хотя последние употреблял уже Гелиогабал, а раньше, как утверждают некоторые, — Адриан. (3) На стол ежедневно отпускалось: вина на целый день тридцать секстариев, чистого хлеба — тридцать фунтов, следующего по качеству хлеба для раздачи — пятьдесят фунтов. (4) Он ведь всегда собственноручно выдавал распорядителям стола и хлеб, и порции овощей, мяса, стручков,

исполняя роль хозяина дома и действуя при этом вполне зрело, словно старец. (5) Назначалось и тридцать фунтов разного мяса и два петуха. (6) По праздничным дням подавался и гусь, а в январские календы, в гиларии Матери богов, в Аполлоновы игры, в пиршество Юпитера, в сатурналии и тому подобные праздничные дни — фазан, а иногда и два, причем добавлялись еще два петуха. (7) У него ежедневно был к столу заяц — часто его охотничья добыча, но он делился ею с друзьями, особенно с теми, которые, как он знал, не могли иметь ее сами. (8) Богачам он никогда не посылал таких подарков, но всегда сам от них получал. (9) Ежедневно у него было четыре секстария вина, смешанного с медом без перца, и два с перцем. Чтобы не растягивать своего изложения перечислением всего того, что Гаргилий, историк его времени, дает во всех подробностях, скажу: все у Александра выдавалось по мерке и счету. (10) Он питал сильное пристрастие к фруктам; они часто подавались у него на десерт, откуда и возникла шутка: у Александра не десерт, а плодородное блюдо. (11) Сам он подкреплялся большим количеством пищи; вина пил не мало и не много, а вполне в меру. (12) Он всегда пил чистую холодную воду, а летом — с вином, приправленным розами; это одно он сохранил из всех видов приправленного вина, употреблявшихся Гелиогабалом.

XXXVIII. (1) И так как я упомянул о зайцах в связи с тем, что у него ежедневно был к столу заяц, то я добавлю следующее. Появилось шутовское стихотворение — вследствие того что многие говорят, будто те, кто поел зайца, бывают красивы в продолжение семи дней. Об этом говорится в

вина, он предлагал друзьям только один бокал — в честь Александра Великого, да и то не очень вместительный, разве только кто-нибудь прямо потребует большего — это дозволялось. (2) Делами Венеры он занимался очень умеренно; от продажных мужчин он был до такой степени далек, что даже, как мы сказали выше, хотел предложить против них закон. (3) Во всех районах Рима он устроил общественные зернохранилища, куда сносили свое добро те, кто не имел для хранения его собственных амбаров. (4) Он добавил бани — во всех районах, которые их почему-либо не имели; ведь и ныне еще многие бани называются банями Александра. (5) Он построил прекрасные дома и подарил их своим друзьям — людям, отличавшимся особенной неподкупностью. (6) Государственные подати он уменьшил до такого размера, что те, кто при Гелиогабале платил десять золотых, теперь платили одну треть золотого, то есть тридцатую часть прежнего. (7) Тогда впервые были отчеканены золотые монеты половинного размера. Тогда же, когда подать была уменьшена до одной трети золотого, были отчеканены и трети золотых, причем Александр говорил, что будут и четверти золотых, так как чеканить более мелких монет он не может. (8) Отчеканенные уже четверти золотых он задержал на монетном дворе с тем, чтобы выпустить их, если окажется возможным дальнейшее уменьшение подати. Но так как нужды государства не позволили ему этого, он приказал перелить их и чеканить только трети и цельные золотые. (9) Монеты в два, три, четыре золотых, а также в десять и более, вплоть до фунтовых и сотенных, которые придумал Гелиогабал, Александр приказал перелить и совер-

шенно изъять из употребления. (10) С этого времени монетам и было дано название от металла; Александр говорил, что причиной большей щедрости императора являлось то, что он, имея возможность дать много цельных меньшего размера золотых, но давая их десять и больше в виде одной монеты, тем самым принужден был давать тридцать, пятьдесят и сто золотых.

XL. (1) Сам он имел мало шелковых одежд; одежду из чистого шелка он никогда не надевал, а полушелковую никогда не дарил. (2) Он не завидовал ничьему богатству. Бедным помогал. Если он видел, что высокопоставленные люди действительно бедны, не вследствие расточительности и не притворно, он всегда наделял их многими благами — землей, рабами, животными, стадами, сельскохозяйственными орудиями. (3) Хранить одежду в кладовых больше года он никогда не позволял и приказывал немедленно пустить ее в ход. Всю одежду, которую он дарил, он сам осматривал. (4) Все золото и серебро он часто перевешивал. (5) Одновременно с прочей военной одеждой он дарил поножи, брюки и обувь. (6) Он самым тщательным образом следил за тем, чтобы самый яркий пурпур, которого сам он не употреблял, продавался для матрон, имевших возможность и желавших покупать его; поэтому и доныне зовется Александровым тот пурпур, который обычно зовется Пробовым, так как Аврелий Проб, начальник красилен, открыл этот вид пурпуровой улитки. Сам он часто носил алую хламиду. (7) Но в Риме и в городах Италии он был всегда в тоге. (8) Претексту и тогу, украшенную вышивками, он надевал только будучи консулом, притом такую, какую получали из храма Юпитера и

другие преторы и консулы. (9) Он надевал претексту и тогда, когда совершал священнодействия, но не в качестве императора, а в качестве великого понтифика. (10) Он был любителем хорошего, и притом чистого, полотна; он говорил: «Если льняное полотно существует для того, чтобы в нем не было никакой шероховатости, то для чего окрашивать полотно пурпуром?». (11) Вводить туда золото он считал даже безумием, так как к шероховатости в этом случае добавляется еще жесткость. Ноги его были всегда в ножных повязках. Брюки он носил белые, а не алые, как это было в обычае раньше.

XLI. (1) Все имевшиеся драгоценные камни он продал и деньги внес в государственную казну, говоря, что драгоценные камни не нужны мужчинам, а матроны царствующего дома должны довольствоваться одной головной сеткой, серьгами, жемчужным ожерельем, венцом, — когда они совершают жертвоприношения, единственным греческим плащом, усыпанным золотом, и цикладой, на которой не больше шести унций золота. (2) Вообще его собственные нравы делали его цензором его времени. Ему подражали вельможи, а его жене — благороднейшие матроны. (3) Придворную прислугу он сократил с таким расчетом, чтобы в отдельных ведомствах было столько человек, сколько требует необходимость, так что сукновальщицы, закройщицы, пекари, виночерпии, все дворцовые слуги получали не звание, как в свое время установила его та язва, а продовольственный паек, притом в одинарном размере, редко в двойном. (4) Ввиду того, что серебряной посуды у него было не более двухсот фунтов и не слишком много слуг, то, устраивая угощение, он брал столовое

серебро, слуг и скатерти у друзей. Так делается и в настоящее время, если в отсутствие императора угощение устраивают префекты. (5) Он никогда не устраивал в качестве развлечения во время пира театральные зрелища: самой большой забавой были для него игры щенят с поросятами или бой куропаток, или порхание вверх и вниз маленьких галок. (6) У него был в Палатинском дворце один вид развлечения, доставлявший ему величайшее удовольствие и отдых от государственных забот, (7) а именно: он устроил птичники для павлинов, фазанов, кур, уток, а также для куропаток; птицы очень забавляли его, в особенности голуби, которых у него было, говорят, до двадцати тысяч. А чтобы их пропитание не ложилось тяжелым бременем на продовольственные запасы государства, у него были рабы на оброке, которые кормили их на средства, получавшиеся от продажи яиц, цыплят и голубят.

XLII. (1) Термами, как своими, так и построенными прежними императорами, он часто пользовался вместе с народом, главным образом — летом, и возвращался оттуда во дворец в банной одежде; единственным знаком его императорского достоинства было то, что он брал с собой алого цвета плащ. (2) Скороходами были у него только его рабы, причем он говорил, что свободнорожденный должен бегать только на священных состязаниях; повара, пекари, сукновальщики, банщики — только из рабов, если их не хватало, то он покупал новых. (3) При нем получал содержание только один придворный врач; все прочие, которых было до шести, получали продовольственный паек в двойном и тройном размере, притом — по одному хлебу чистому, а остальные иного вида. (4) Выд-

вигая людей на должность судей, он, по примеру древних, как учит и Цицерон, снабжал их серебром и всем необходимым, так что наместники провинций получали по двадцати фунтов серебра, по шести мулиц, по два мула, по две лошади, по две выходных одежды, по две домашних, одну купальную, сто золотых, одного повара, одного погонщика мулов; если они не были женаты, то — по одной наложнице, так как без последних они не могли обходиться. По сложении с себя должности они должны были возратить мулиц и мулов, лошадей, погонщиков мулов и поваров, а все прочее сохраняли при себе, если хорошо исполняли свои обязанности; если же — плохо, то возвращали в четверном размере — с добавлением осуждения за казнокрадство или вымогательство.

XLIII. (1) Он установил бесчисленное количество законов. Всем сенаторам он позволил иметь в Риме выложенные серебром парадные колесницы и дорожные повозки, считая важным для римского достоинства, чтобы в них ездили сенаторы столь великого города. (2) Всех назначаемых им консулов, как ординарных, так и сменяющих, он ставил, руководствуясь мнением сената, сокращая их издержки; сроки он установил согласно старинному порядку (либо дни, либо время). (3) Он приказал, чтобы квесторы-кандидаты устраивали народу зрелища на свой счет, но при этом они после квесторства получали преторство, а затем управляли провинциями. (4) Он учредил должность казначеев, которые должны были устраивать зрелища, притом скромные, на средства императорского казначейства. Он намеревался распределить зрелища на весь год так, чтобы зрелище народу давалось в продолжение тридцати дней, но почему он

этого не сделал — остается неизвестным. (5) Когда он находился в Риме, то через каждые семь дней он поднимался на Капитолий, часто посещал храмы. (6) Он хотел построить храм Христу и принять его в число богов. Об этом, говорят, думал и Адриан, который приказал построить во всех городах храмы без изображений богов; они и поныне называются храмами Адриана, так как не имеют божества; он, говорят, с этой целью и построил храмы. (7) Но этому воспротивились те, которые, справившись в священных изречениях, нашли, что, если он это сделает, все станут христианами и прочие храмы будут заброшены.

XLIV. (1) Александр был очень мил в своих шутках, любезен в беседах и так приветлив на пирах, что каждый мог требовать себе чего хотел. (2) Золото он старательно собирал, тщательно хранил, ревностно искал, но при этом никого не разорял. (3) Он не хотел, чтобы его называли сирийцем, но хотел считаться потомком римлян и изобразил свою родословную таким образом, что она показывала происхождение его рода от Метеллов. (4) Он установил содержание риторам, грамматикам, врачам, гаруспикам, астрологам, механикам, архитекторам и назначил им аудитории. Он приказал дать им учеников из сыновей бедняков с назначением этим ученикам продовольственного пайка, лишь бы они были свободнорожденными. (5) И в провинциях он выказывал большое уважение к судебным ораторам, многим, о которых было известно, что они вели дела бесплатно, он назначил даже продовольственный паек. (6) Он подтвердил старые и новые законы и сам тщательнейшим образом соблюдал их. Он часто посещал театральные зрелища. (7) Театр Мар-

целла он хотел восстановить. (8) Многим городам, которые после землетрясения лежали в развалинах, он дал денег из податных сумм на восстановление общественных и частных сооружений. (9) В храмы он никогда не делал вкладов, превышавших четыре или пять фунтов серебра, золота же не давал ни крупицы, ни листика, повторяя про себя стих Персия Флакка:

К чему ваше золото храмам?

XLV. (1) Он совершал военные походы, о которых я расскажу в своем месте. Однако сначала я скажу, о чем он имел обыкновение умалчивать и о чем объявлять. (2) Держались в секрете военные тайны, о днях же его выступлений в поход заранее открыто объявлялось, так что уже за два месяца вывешивался эдикт, в котором было написано: «В такой-то день, в такой-то час я выступлю из Рима и, если будет угодно богам, остановлюсь у первой остановки». Затем перечислялись по порядку остановки, затем — лагерные стоянки, затем места, где следует получить продовольствие, и так далее, вплоть до границ с варварами. (3) С этого же места начиналось молчание, и все шли в неведении, чтобы варвары не знали планов римлян. (4) И действительно, он никогда не обманывал относительно своих намерений, говоря, что не желает, чтобы его придворные торговали его распоряжениями. Так было при Гелиогабале, когда евнухи торговали всем. (5) Эта порода людей желает знать все придворные тайны, чтобы казаться единственными, сколько-нибудь осведомленными, и иметь средства для приобретения влияния или денег. (6) И так как речь зашла об обнародовании распоряжений, то я

добавлю следующее: когда он хотел дать провинциям правителей или поставить начальников и прокураторов, то есть счетных чиновников, он объявлял их имена и предлагал всякому, кто обвиняет их в чем-либо, доказать свое обвинение ясными уликами, — если же они не докажут своего обвинения, то сами подлежат смертной казни. (7) Он говорил, что раз христиане и иудеи поступают таким образом, заранее оглашая имена тех, кто должен быть поставлен в священники, то тем более необходимо делать это в отношении правителей провинции, которым доверяется состояние и жизнь людей.

XLVI (1) Он назначил содержание помощникам должностных лиц. Впрочем, он часто говорил, что выдвигать нужно тех, кто может вести государственные дела самостоятельно, а не через помощников. При этом он добавлял, что у военных — свой круг деятельности, у образованных людей — свой, и поэтому каждый должен делать то, что знает. (2) Найденные клады он дарил тем, кто их нашел. Если ж клады были значительны, то он предлагал нашедшим поделиться с его домашними слугами. (3) Он обдумывал и делал себе записи — кому он что дал. Если он знал, что кто-нибудь ничего не просил у него или просил немного, чтобы улучшить свое положение, то призывал такого человека и говорил ему: «Почему ты ни о чем меня не просишь? Не хочешь ли ты сделать меня своим должником? Проси, чтобы не жаловаться потом, что ты от меня ничего не получил». (4) В порядке благодеяния он давал то, что не вредило его доброй славе, — имущество наказанных, но при этом никогда не дарил золота, серебра или драгоценных камней, так как все

это он вносил в государственную казну, давал он должности начальников в гражданском управлении (но не у воинов), давал и административные посты, относящиеся к прокураторам. (5) Счетных чиновников он быстро менял, так что никто из них не выслуживал больше года. Даже если они были хороши, он ненавидел их, называя неизбежным злом. Должности наместников, проконсулов и легатов он никогда не давал в качестве благодеяния, но всегда — руководствуясь либо собственным суждением, либо суждением сената.

XLVII. (1) Питание воинов во время похода он распределял так, что они получали продовольствие на остановках и не носили с собой, как это обычно делается, съестных припасов на семнадцать дней. Исключение делалось только в варварской стране, но и там он помогал им мулами и верблюдами; при этом он говорил, что воинов он оберегает больше, чем самого себя, так как благополучие государства зависит от них. (2) Больных воинов, даже самых младших, он сам навещал в палатках, возил в крытых повозках и помогал им всем необходимым. (3) Если они заболели очень тяжело, он распределял их по городам и поместьям у наиболее уважаемых отцов семейств и у безупречных матрон. Понесенные последними расходы он возмещал независимо от того, выздоравливали ли воины или умирали.

XLVIII. (1) Когда некий Овиний Камилл, сенатор из древней фамилии, человек очень изнеженный, задумал, стремясь к тирании, поднять против него восстание, и об этом было донесено Александру, причем вина сразу же была доказана, — Александр пригласил его в Палатинский дворец, поблагодарил его за то, что тот доброволь-

но принимал на себя заботу о государстве, от которой отказываются хорошие люди, когда ее на них возлагают, (2) затем отправился с ним в сенат и назвал его там участником верховной власти, между тем как тот был в ужасе и чуть ли не умирал от сознания своей великой дерзости. Затем Александр принял его в Палатинском дворце, пригласил на пир и наделил знаками императорского достоинства, да еще лучшими по сравнению с теми, какие носил он сам. (3) Когда же был объявлен поход против варваров, он убеждал его либо идти самому, если желает, либо отправиться вместе с ним. (4) Так как сам он совершал путь пешком, то и Овинию предложил потрудиться. Тот, пройдя пять миль, стал отставать; тогда Александр приказал ему сесть на коня. Когда же после двух переходов тот устал и от верховой езды, Александр посадил его в крытую повозку. (5) Тот отказался и от этого — из страха или вполне искренне, причем даже отрекался от власти и готовился к смерти, а Александр отпустил его; препоручив его воинам, которые питали особенную любовь к Александру, он приказал ему спокойно отправиться в свои имения, где тот еще долго прожил. (6) Впоследствии, однако, он был убит — по приказу императора Максимиана — на том основании, что и он — военный человек, и Александр был убит воинами. Я знаю, что народная молва связывает приведенный мною случай с Траяном, однако в жизнеописании последнего ни Марий Максим, ни Фабий Марцеллин, ни Аврелий Вер, ни Стаций Валент, описавшие всю его жизнь, не рассказали этого случая. (7) Наоборот, и Септимин, и Ахолий, и Энколпий, описавшие жизнь Александра, и прочие писатели сообщили

это об Александре. Я добавил это для того, чтобы никто не полагался на народную молву больше, чем на историю; последняя оказывается, во всяком случае, вернее народной молвы.

XLIX. (1) Он никогда не допускал продажи почестей, добываемых мечом. Он говорил: «Кто покупает, тот неизбежно и продает. Я не терплю торговцев полномочиями и тех, кого я не мог бы осудить, если бы они занялись торгом. Ведь мне стыдно наказывать человека, который купил и продал». (2) Он установил почетные звания понтификов, квиндецемвиров и авгуров, притом таким образом, что о назначениях доводилось до сведения сената. (3) Дексипп сказал, что Александр женился на дочери некоего Макриана и нарек последнего Цезарем; (4) когда же Макриан задумал коварным образом убить Александра и интрига была обнаружена, Макриан был казнен, а жена Александра отвергнута. (5) Он же говорит, что Гелиогабал приходился Александру дядей по отцу и не был сыном сестры его матери. (6) Когда христиане заняли какое-то место, раньше бывшее общественным, а трактирщики возражали против этого, выставляя свои притязания, Александр в своем рескрипте написал: «Лучше пусть так или иначе совершается поклонение богу, чем отдавать это место трактирщикам».

L. (1) Таким выдающимся и превосходным императором он был в своей домашней и общественной жизни, когда он начал парфянский поход. Он провел его при такой дисциплине, таком уважении к императору, что можно было бы сказать, — поход совершают не воины, а сенаторы. (2) Всюду, где проходили легионы, трибуны были всегда молчаливы, центурионы скромны, воины

вежливы. На самого Александра за все эти столь многочисленные и великие благодеяния провинциалы смотрели как на бога. (3) Да и сами воины любили молодого императора как брата, как сына, как отца. Они были прекрасно одеты, обуты даже красиво, великолепно вооружены, обеспечены конями с отличными уздечками и седлами. Вообще, всякий, кто видел войско Александра, понимал, что такое Римское государство. (4) И сам он старался казаться достойным своего великого имени и — мало того — превзойти великого македонянина. Он говорил, что должна быть большая разница между римским Александром и македонским. (5) Он создал себе отряд среброщитников и златощитников, создал и фалангу из тридцати тысяч воинов, которых приказал называть фалангариями, и с ними очень успешно действовал в Персидской земле. Фаланга состояла из шести легионов, одинаково вооруженных; после Персидской войны они получали повышенное жалованье.

LI. (1) Дары от царей он помещал в храмах. Преподнесенные ему драгоценные камни он продал, полагая, что владеть драгоценными камнями — женское дело: их нельзя раздать воинам, и мужчине нельзя их иметь. (2) Когда какой-то посол преподнес его жене через него же самого две жемчужины огромного веса и небывалой величины, он приказал продать их. (3) Ввиду невозможности установить их цену он предназначил их на серьги Венере — чтобы царица, если она будет пользоваться тем, чего нельзя купить, не подавала дурного примера другим. (4) Опекуном его был Ульпиан, причем мать сначала была против этого, а потом была благодарна Ульпиану. Александр часто защищал его от гнева воинов, прикрывая

его своей порфирой. Если он стал великим императором, то именно потому, что правил государством, руководясь советами Ульпиана. (5) Готовясь к бою и во время походов, он завтракал и обедал в раскрытых палатках, причем ел солдатскую пищу на виду у всех и ко всеобщему удовольствию. Он обходил почти все палатки и никому не позволял отлучаться из части. (6) Если кто-нибудь сворачивал с дороги в чье-нибудь владение, то — в зависимости от достоинства этого владения — подвергался в его присутствии наказанию палками или розгами или же — штрафу; если же такие наказания были несовместимы с высоким положением виновного, Александр обращался к нему с самыми тяжкими упреками. Он говорил: «А ты хочешь, чтобы на твоей земле было сделано то, что ты делаешь у другого?». (7) Он часто повторял слова, которые он запомнил, услышав их от каких-то иудеев или христиан, и, наказывая кого-либо, приказывал глашатаю говорить: (8) «Не делай другому того, чего не хочешь самому себе». Он так любил это изречение, что приказал написать его в Палатинском дворце и в общественных сооружениях.

ЛII. (1) Услышав о том, что воин обидел какую-то старушку, он лишил его воинского звания и отдал ей в рабы, чтобы тот кормил ее, так как он был тележным мастером. Эта мера огорчила воинов, но Александр убедил всех спокойно отнестись к ней и припугнул их. (2) Хотя он был жестким и непреклонным, но правление его названо было *αυαιμακτου*, бескровным, так как он не предал смерти ни одного сенатора, как рассказывает греческий историк Геродиан в истории своего времени. (3) Он был так строг по отношению к вои-

нам, что часто кассировал целые легионы, называя воинов не воинами, а квиритами. Он никогда не боялся войска, потому что в жизни его нельзя было упрекнуть в том, что трибуны или военные начальники утаивали что-нибудь из жалованья воинов. Он говорил: «Воин не внушает опасения, если он одет, вооружен, обут, сыт и имеет кое-что в поясе» — ведь нищенство воина доводило вооруженного человека до самых отчаянных поступков. (4) Он позволял трибунам и военным начальникам иметь обслуживающий персонал только из воинов и приказал, чтобы перед трибуном шло четверо воинов, перед военным начальником — шестеро, перед легатом — десятеро и чтобы они брали этих воинов в свои дома.

LIII. (1) Чтобы можно было ясно представить себе его строгость, я счел необходимым привести здесь одну его речь на солдатской сходке; она показывает, как он смотрел на военное дело. (2) Когда он прибыл в Антиохию и ему сообщили, что воины проводят время в банях, с женщинами, в наслаждениях, он приказал всех их схватить и заключить в оковы. (3) Когда весть об этом распространилась, поднялся мятеж среди воинов того легиона, сотоварищи которых были заключены в оковы. (4) Тогда он поднялся на трибуну, к трибуне были приведены все заключенные в оковы и он, окруженный воинами, притом вооруженными, начал так: (5) «Соратники, впрочем, соратники только в том случае, если вы не одобряете поступков ваших товарищей, — дисциплина предков охраняет существование государства. Если она поколеблется, мы потеряем и имя римлян и империю. (6) Под нашей властью не должно происходить то, что делалось недавно при той грязной

скотине. (7) Римские воины, ваши товарищи, мои товарищи и соратники, занимаются любовью, пьянствуют, купаются по греческому обычаю и предаются роскошной жизни. Неужели я буду дальше терпеть это? Неужели я не предаю их казни?». (8) После этих слов поднялся шум. Тогда он продолжал: «Что же вы не можете удержать вашего крика? На войне он нужен против врага, а не против вашего императора. (9) Ваши инструкторы научили вас, конечно, издавать его против сарматов, германцев, персов, а не против того, кто дал вам полученное от провинциалов продовольствие, дал одежду, дал жалованье. (10) Итак, удержите ваш дикий крик, нужный на поле битвы и на войне, чтобы я сейчас же не распустил вас всех одним движением уст и одним словом: квириты. Да и неизвестно, квириты ли вы еще. (11) Ибо вы недостойны принадлежать даже к римскому простому народу, раз вы не признаете римского закона».

LIV. (1) И так как воины стали шуметь еще сильнее и даже угрожать ему оружием, он сказал: «Опустите ваши руки, которые должны быть подняты против врага, если вы храбры, ибо меня это не пугает. (2) Ведь если вы убьете одного человека, то останется еще государство, останется сенат, останется римский народ — они отомстят за меня». (3) Так как воины и после этого продолжали шуметь, он воскликнул: «Квириты, разойдитесь и сложите оружие!». (4) Изумительное дело — все сложили оружие, сбросили даже военные плащи и ушли не в лагерь, а на разные постоянные дворы. (5) Тогда-то впервые и стало ясно, какое значение имеет его строгость. (6) Его свита и те, кто окружал императора, принесли в лагерь

значки, а народ, собрав оружие, понес его во дворец. (7) Раскассированный же легион Александр после долгих просьб через тридцать дней, перед отправлением в персидский поход, восстановил в его прежнем виде. Победу он одержал главным образом благодаря храбрости этого легиона. Трибунов последнего он, однако, предал казни за то, что вследствие их нерадивости воины предавались роскошной жизни в Дафне, или за то, что по их попустительству войско подняло мятеж.

LV. (1) Отправившись затем в Персию с большим военным снаряжением, он победил могущественнейшего царя Артаксеркса. Сам Александр обходил фланги, ободрял воинов, находился в пределах досягаемости копий, очень много действовал и своей собственной рукой, воодушевлял словами отдельных воинов на славные дела. (2) Разбив и обратив в бегство столь могучего царя, который пошел на войну с семьюстами слонов, тысячью восьмьюстами серпоносных колесниц и многими тысячами всадников, он немедленно вернулся в Антиохию и обогатил свое войско добычей, взятой у персов, позволив трибунам, военным начальникам и самим воинам сохранить у себя то, что они захватили в селениях. (3) Тогда впервые у римлян появились рабы-персы; впрочем, он возвратил их, получив за них выкуп, так как персидские цари считают позором для себя, чтобы их подданные были где-либо рабами; выкуп он частью отдал тем, кто собственноручно взял в плен рабов, частью — внес в государственную казну.

LVI. (1) После этого он прибыл в Рим и, отпраздновав блестящий триумф, прежде всего произнес в сенате следующую речь. (2) Из сенатских протоколов — за шесть дней до октябрьских ка-

ленд: «Отцы сенаторы, мы победили персов. Нет нужды в долгом красноречии. Вы должны лишь знать, каково было их оружие, каково снаряжение. (3) Прежде всего семьсот слонов, на них башни со стрелками и грузом стрел. Из них тридцать мы захватили, двести лежат убитые, восемнадцать мы привели сюда. (4) Тысяча восемьсот колесниц, снабженных серпами. Мы могли бы привезти сюда двести колесниц, у которых животные были убиты, но так как это можно было и подстроить, то мы сочли излишним делать это. (5) Мы разбили сто двадцать тысяч их всадников — конников-панцирников, тех, кого они называют клибанариями, — мы убили во время войны десять тысяч; их оружием мы вооружили своих. Много персов мы взяли в плен и продали. (6) Мы вернули себе междуречные земли (то есть земли Месопотамии), о которых не заботилось это грязное чудовище. (7) Артаксеркса, и на деле и по имени могущественнейшего царя, мы разбили и обратили в бегство, так что бегство его видела Персидская земля, и сам царь, бросив свои значки, бежал по той дороге, по которой некогда были пронесены значки наших войск. (8) Вот что совершено, отцы сенаторы. Нет нужды в красноречии. Воины возвращаются богатыми, при победе никто не чувствует труда. (9) Ваш долг — назначить благодарственное моление, чтобы нам не оказаться неблагодарными по отношению к богам». — Возгласы сената: «Александр Август, да хранят тебя боги! Величайший Персидский, да хранят тебя боги! Подлинно — Парфянский, подлинно — Персидский! Трофеи твои и мы видим, победы и мы видим! (10) Хвала молодому императору, отцу отечества, великому понтифику! Благодаря тебе мы надеемся победить

германцев, благодаря тебе всюду предвидим победу! Побеждает тот, кто управляет воинами! Богат сенат, богат воин, богат римский народ!».

LVII. (1) Отпустив сенат, он поднялся на Капитолий и, совершив священнодействие и поместив в храме персидские рубашки, произнес на народной сходке следующую речь: «Квириты, мы победили персов. Воинов мы привели назад богатыми. Вам обещаем раздачу, а завтра дадим Персидские игры в цирке». (2) Это мы нашли и в анналах и у многих писателей. Некоторые, однако, говорят, что, преданный своим рабом, он не победил царя, а бежал, чтобы не быть побежденным. (3) Кто прочитал большую часть писателей, тот не сомневается, что это сообщение противоречит мнению многих. Ведь говорят и то, что он потерял свое войско вследствие голода, холода и болезней, как рассказывает, например, Геродиан, вопреки мнению многих. (4) После этого Александр с необыкновенной славой, в сопровождении сената, всаднического сословия и всего народа, среди обступивших его со всех сторон женщин и детей, главным образом — жен воинов, поднялся пешком на Палантин, а четыре слона повезли назад триумфальную колесницу, (5) Александра люди несли на руках и почти не позволяли ему идти в течение четырех часов. Со всех сторон неслись общие крики; «Рим благоденствует, государство благоденствует, ибо благоденствует Александр!». (6) На следующий день, по окончании цирковых игр и театральных представлений, он затем произвел раздачу народу. (7) Подобно тому как Антонин учредил «фаустининских девочек», Александр учредил «маммеинских девочек» и «маммеинских мальчиков».

LVIII. (1) Счастливо шли дела и в Мавретании Тингитанской под начальством Фурия Цельза, и в Иллирии под начальством Вария Макрина, родственника Александра, и в Армении под начальством Юния Пальмата — из всех мест ему были доставлены таблички, украшенные лаврами. Они в разное время были прочитаны в сенате и перед народом, а после того как их, наконец, получили из Исаврии, Александру были присвоены все почетные звания. (2) Тем, кто хорошо вел государственные дела, были назначены знаки консульского достоинства с добавлением жреческих должностей и имений тем из них, кто был беден и отягощен годами. (3) Пленников из различных народов он подарил друзьям, если это позволял детский или молодой возраст этих людей. Однако людей, близких к царю и знатных, он назначил в войска — на невысокие должности. (4) Земли, отнятые у врагов, он раздал пограничным начальникам и воинам, с тем, чтобы эти земли принадлежали им лишь в том случае, если и наследники их будут служить в войске, и чтобы земли никогда не переходили в частные руки, он говорил, что воины будут ревностнее нести службу, если будут защищать и свои поля. (5) Кроме того, он дал им скот и рабов, чтобы они могли обрабатывать полученную ими землю и чтобы соседившие с варварскими областями поля не были покинуты из-за недостатка в людях и вследствие старости владельцев — это он считал в высшей степени позорным.

LIX. (1) После этого он жил, окруженный необыкновенной любовью народа и сената. Когда он отправился на войну с германцами, все были уверены в победе, но неохотно отпускали его и провожали на протяжении ста и даже ста пятидеся-

ти миль. (2) Очень тяжело были и для государства и для него самого то, что германцы грабили и опустошали Галлию. (3) В довершение позора этот народ, который, казалось, всегда подчинялся даже ничтожным императорам, теперь угрожал Римскому государству уже после победы над парфянами. (4) Александр шел большими переходами, ведя радостных воинов. Однако, узнав, что и здесь легионы мятежны, он приказал распустить их. (5) Но галлы, народ по своему характеру суровый и непокорный, часто причинявший неприятности императорам, не могли вынести чрезмерной строгости этого человека, которая после Гелиогабала казалась еще большей. (6) Итак, когда он был с небольшим отрядом в Британии, а по утверждению других — в Галлии, в поселке, называвшемся Сицилией, его убили какие-то воины — не по общему решению войска, но как разбойники; это были главным образом воины, которые разбогатели от наград Гелиогабала и не могли терпеть строгого государя. (7) Многие говорят, что его убили подосланные Максиминем новобранцы, которые были даны последнему для обучения; многие говорят иначе. (8) Однако верно то, что его убили воины; при этом они говорили много оскорбительного о нем, как о мальчишке, и о его матери, скупой и жадной.

LX. (1) Правил он тринадцать лет и девять дней. Прожил он двадцать девять лет, три месяца и семь дней. (2) Он во всем руководствовался советами матери, вместе с которой он и был убит. (3) Знаменья его смерти были следующие. Когда он молился в день своего рождения, окровавленное жертвенное животное убежало и обагрило кровью его белую одежду, в которой он стоял, — ведь

он держал себя как простой гражданин и находился среди народа. (4) Огромное старое лавровое дерево во дворце какого-то города, откуда он отправлялся на войну, внезапно рухнуло целиком на землю. (5) Три фиговых дерева — из тех, что приносят так называемые александровские фиги, — внезапно упали перед его палаткой, когда императорская палатка была прикреплена к ним. (6) Когда он проходил, женщина-друидесса крикнула ему по-галльски: «Иди, но не надейся на победу и не верь своим воинам!». (7) Когда он поднялся на трибуну, чтобы говорить речь, и хотел сказать что-нибудь благоприятное, он начал так: «После убийства императора Гелиогабала». (8) Знамение заключалось в том, что, готовясь отправиться на войну, он начал речь к воинам неблагоприятными словами.

LXI. (1) Но ко всему этому он отнесся с полнейшим презрением и, отправившись на войну, был убит в указанном выше месте следующим образом. (2) Он на виду у всех позавтракал, получив солдатскую пищу (ничего другого воины, разбирая палатку, не нашли). (3) В то время как он после еды отдыхал, приблизительно в седьмом часу дня один из германцев, исполнявший обязанности щитоносца, вошел в палатку. Все спали, бодрствовал между тем только император, который и увидел его. (4) Александр спросил у германца: «Что там такое, товарищ? (5) Ты приносишь какую-нибудь весть о врагах?». Тот перепугался и, не надеясь оправдаться в том, что он грубо ворвался в палатку государя, бросился к своим сотоварищам по палатке и поднял их на убийство сурового государя. (6) Те, вооруженные, вбежали в большом числе в палатку, изрубили безоружных

и сопротивлявшихся, а самого Александра поразили множеством ударов. (7) Некоторые говорят, что вообще не было сказано никаких слов и только воины кричали: «Выходи, уходи». Так был убит превосходный молодой человек... (8) Но все военное снаряжение, которое потом взял с собой в Германию Максимин, было создано Александром; оно показало свою мощь у армян, осдроенов, парфян и у всех других людей.

LXII. (1) Что Александр относился с презрением к смерти — это доказывает и та неустрашимость, с какой он всегда усмирял воинов, и следующее обстоятельство. (2) Астролог Тразибул был с ним в очень дружественных отношениях. Когда он сказал Александру, что тот обязательно погибнет от варварского меча, Александр сначала обрадовался, так как думал, что его ждет смерть на войне, достойная императора. (3) Затем он стал рассуждать, указывая, что все наиболее выдающиеся люди погибли насильственной смертью; при этом он назвал самого Александра, чье имя он носил, Помпея, Цезаря, Демосфена, Туллия и других замечательных мужей, погибших беспокойной смертью. (4) Он преисполнился такой гордости, что считал себя достойным сравняться с богами, если он погибнет на войне. (5) Однако действительность обманула его, ибо он погиб от варварского меча и от руки варвара-щитоносца — не на войне, а во время войны.

LXIII. (1) Смерть его причинила величайшее огорчение воинам, даже тем, которые были когда-то раскассированы им, и они перебили виновников убийства. (2) Римский народ и весь сенат вместе со всеми провинциалами никогда не испытывали большей грусти и горечи, тем более что

грубость и неотесанность его преемника Максимиана, как военного человека, к которому вместе с его сыном перешла после Александра императорская власть, предвещали, по-видимому, неизбежность наступления более тяжелых времен. Сенат причислил Александра к богам. (3) Он был почтен кенотафием в Галлии и великолепнейшей гробницей в Риме. (4) Учреждено было и товарищество жрецов, названных Александровыми. Добавлено было и празднество в память его матери и его самого, которое и поныне весьма набожно справляется в Риме в день его рождения. (5) В качестве причины его убийства иные выставляют то, что мать его хотела из чванства бросить Германскую войну и возвратиться на Восток, и это вызвало гнев со стороны войска. (6) Но это — выдумки почитателей Максимиана, которые не хотели, чтобы обнаружилось, что превосходный император убит своим другом вопреки божеским и человеческим законам.

LXIV. (1) До этого времени империя римского народа имела такого государя, который правил более или менее долго. После Александра власть захватывали, вырывая ее друг у друга, многие, и одни из них правили по полгода, другие по году, большинство — два года, самое большее — три года. Так длилось вплоть до тех государей, которые удерживали власть дольше, — я разумею Аврелиана и следующих за ним. (2) Если хватит моей жизни, я опубликую о них все, что стало мне известно. (3) Порицали Александра за то, что он не хотел быть сирийцем, за то, что любил золото, был крайне подозрителен, придумывал много податей, хотел казаться Александром Великим, был чересчур строг по отношению к воинам, про-

являл любопытство по отношению к делам частных лиц — все это из области его государственной деятельности. (4) Я знаю, большинство утверждает, будто его провозгласил Цезарем не сенат, а воины; но они совершенно не знают истины — они же говорят, что он не был двоюродным братом Гелиогабала. (5) Пусть они по моему примеру прочитают историков его времени, особенно Ахолия, который описал и походы этого государя.

LXV. (1) Ты неоднократно спрашивал, величайший Константин, что сделало таким государем его, сирийца родом, иноземца, тогда как столько людей, римлян родом, столько людей из других провинций оказалось бесчестными, грязными, жестокими, отвратительными, несправедливыми, развратными. (2) Прежде всего, я могу ответить на основании мнения порядочных людей, что хорошим государем можно быть от природы, которая повсюду является единой матерью. Затем, этот мог стать превосходным под влиянием страха, так как весьма дурной был убит. (3) Но так как твоей милости и благочестию следует сообщать правду, то я изложу то, что я прочитал. (4) Твоему благочестию известно — это ты прочитал у Мариа Максима, что в лучшем положении и едва ли не в более безопасном состоянии находится то государство, в котором дурной государь, нежели то, в котором дурные друзья государя, так как недостатки одного дурного могут быть исправлены многими хорошими людьми, но над многими дурными людьми никоим образом не может одержать верх один, как бы он ни был хорош. (5) Это было сказано Гомуллом — самому Траяну, когда последний сказал, что Домициан был очень дурным, но имел хороших друзей и

что поэтому больше ненависти вызывал к себе Клавдий, который доверил управление государством в высшей степени порочным вольноотпущенникам: ведь лучше терпеть одного дурного, чем многих.

LXVI. (1) Но чтобы вернуться к делу, — Александр и сам был превосходным человеком... — ведь этого желает только хороший человек — и он следовал советам превосходной матери. (2) Однако и друзья у него были безупречны, достойные уважения, не лукавые, не грабители, не интриганы, не коварные, не склонные ко злу, не враждебные добрым людям, не развратные, не жестокие, не обманывавшие его, не насмешники, не такие, которые старались бы вводить его в заблуждение как глупца, но безупречные, достойные уважения, воздержанные, набожные, любящие своего государя люди, которые и сами над ним не смеялись и не желали, чтобы он служил предметом насмешек для других, люди, которые ничего не продавали, ни в чем не лгали, ничего не выдумывали, никогда не обманывали надежд своего государя, но любили его. (3) К тому же — он не держал евнухов ни в советах, ни среди прислуги, а ведь только эти люди и губят государей, желая, чтобы те жили по обычаям некоторых племен или персидских царей: ведь это они отдаляют государя от народа и друзей, они являются передатчиками и часто сообщают не тот ответ, какой был дан, отгораживают от всех своего государя и принимают все меры к тому, чтобы он ничего не знал. Раз они были куплены и в детстве были рабами, то какие у них могут быть порядочные мысли? (4) Наконец, сам Александр высказывал такое мнение: «Я не позволяю рабам, куп-

ленным за деньги, распоряжаться головами префектов, консулов и сенаторов».

LXVII. (1) Я знаю, император Константин, как опасно говорить это перед императором, который находится в подчинении у таких людей, но, к счастью для государства, после того как ты понял, какое зло представляют собой эти негодяи и как они обманывают государя, ты ставишь их так низко, что не позволяешь им носить хламиду и пользуешься ими только для домашних услуг. (2) Замечательно то, что Александр не принимал наедине в Палатинском дворце никого, кроме префекта, именно — Ульпиана, и никому не давал возможности ни давать пустые обещания, торгуя его именем, ни дурно говорить ему о других — в особенности после казни Турина, который часто болтал попусту, изображая его глупцом и безумцем. (3) Кроме того, если Александр находил, что его друзья или родственники — дурные люди, он либо наказывал их, либо, если старинная дружба или родственная связь не позволяли наказывать их, он удалял их от себя, говоря: «Мне дороже все государство, чем они».

LXVIII. (1) Чтобы ты знал, какие лица находились в его совете, я перечислю их: Фабий Сабин, сын замечательного человека Сабина, Катон своего времени; Домиций Ульпиан, чрезвычайно сведущий в праве; Элий Гордиан ...императора Гордиана, само дело, человек замечательный; Юлий Павел, чрезвычайно сведущий в праве; Клавдий Венак, блестящий оратор; Катилий Север, его родственник, превосходивший всех своей ученостью; Элий Серениан, превосходивший всех своей праведностью; Квинтилий Марцелл — лучшего человека не знает даже история. (2) При наличии та-

кого количества этих и других подобных им людей, что плохого могло быть задумано или сделано, когда они совместно стремились к добру? (3) Правда, их отстранила кучка дурных людей, которые окружили Александра в первые дни его правления. Однако, благодаря благоразумию молодого человека, дурные люди были частью казнены, частью изгнаны, и одержала верх эта безупречная дружба. (4) Таковы были те, кто сделал сирийца хорошим государем, а дурные друзья были виновниками того, что государи-римляне, заразившись их пороками, являются весьма дурными даже в глазах потомства.

Требеллий Поллион

**БОЖЕСТВЕННЫЙ
КЛАВДИЙ**

I. (1) Мы дошли до государя Клавдия, чью жизнь мы, учитывая желание Констанция Цезаря, должны тщательно описать. Отказаться писать о нем я не мог уже потому, что о других, скороспелых, императорах и царьках я написал в выпущенной мною книге о тридцати тиранах, в которой содержится сейчас упоминание о потомках Клеопатры и Виктории, (2) — раз уж дело дошло до того, что сравнение с Галлиеном привело к необходимости дать даже жизнеописание женщин. (3) И непозволительно было бы умолчать о том государе, который оставил такое многочисленное потомство, который доблестно окончил войну с готами, который как победитель ухаживал за общественными бедствиями, который на благо человеческого рода, хотя и не по собственному почину, но сам как будущий император удалил от кормила государственного управления чудовищного императора Галлиена; если бы он мог дольше пробыть в этом государстве, то вернул бы нам благодаря своим доблестям, своей рассудительности, своей предусмотрительности Сципионов, Камиллов и всех прочих древних героев.

II. (1) Его правление, я не могу отрицать это, было кратковременным, но оно было бы кратковременным и в том случае, если бы этот великий муж мог властвовать столько времени, насколько могло бы хватить человеческой жизни. (2) Есть ли в нем что-нибудь, что не вызывало бы удивления, что не являлось бы замечательным, в чем он не превосходил бы древнейших триумфаторов? (3) В нем — доблесть Траяна, благочестие Антонина, умеренность Августа, все добрые качества великих государей соединялись таким образом, что ему не было надобности брать пример с других, но, если бы не было перечисленных государей, он сам оставил бы пример для других. (4) Ученейшие из астрологов считают, что человеку дано прожить сто двадцать лет, и утверждают, что никому не уделено больше, добавляя при этом, что один только Моисей, близкий богу, как говорят книги иудеев, прожил сто двадцать пять лет; когда он жаловался на то, что умирает молодым, ему, говорят, был дан неведомым божеством ответ, что никто не будет жить дольше. (5) Поэтому, если бы Клавдий прожил даже сто двадцать пять лет, его поразительная и удивительная жизнь учит, что даже неизбежная смерть его была бы неожиданной, как говорит Туллий о Сципионе (за Милона). (6) Чем только не был велик этот великий муж в своей общественной и домашней жизни? Он любил родителей, — что в этом удивительно? Но он любил и братьев, — это уже может считаться достойным изумления. Он любил своих близких, — в наши времена это можно приравнять к чуду; он никому не завидовал, преследовал дурных. Судьям-ворам он выносил

приговоры явно и открыто; к глупцам относился снисходительно, смотря на них как бы сквозь пальцы. (7) Он дал превосходные законы. (8) Управляя государством, он был таким, что его потомков выдающиеся государи выбирали в императоры, а сенат, если только он был хорош, желал их.

III. (1) Возможно, кто-нибудь подумает, что я говорю это, чтобы угодить Констанцию Цезарю, но и твоя совесть и моя жизнь являются свидетелями того, что я никогда ничего не думал, не говорил, не делал ради угождения. (2) Я говорю о государе Клавдии, чей образ жизни, порядочность и вся государственная деятельность принесли ему такую славу у потомков, что римский сенат и народ оказали ему после его смерти небывалые почести. (3) В его память, по единодушному решению сената, в римской курии был помещен золотой щит (*clupeus*) или, как говорят грамматики, *clupeum*; так что еще и сейчас можно видеть его рельефный погрудный портрет. (4) В его память, чего раньше ни для кого не делалось, римский народ на свой счет поставил на Капитолии перед храмом Юпитера всеблагого и величайшего статую в десять футов. (5) В его память, по решению всего мира, у ростр была воздвигнута колонна, украшенная пальмовыми ветвями, а на ней водружена статуя из серебра в тысячу пятьсот фунтов. (6) Он, как бы памятуя о будущем, расширил владения Флавиев, принадлежавшие Веспасиану и Титу (я не хочу, однако, говорить Домицину). Он в короткое время закончил войну с готами. (7) Значит, льстит сенат, льстит римский народ, льстят иноземные племена, льстят провинции, если даже все сословия, люди всех возра-

тов, все города почтили хорошего государя статуями, знаменами, венками, святилищами, арками (алтарями и храмами).

IV. (1) Важно для тех, кто подражает хорошим государям, и для всего населенного людьми мира, узнать, какие постановления сената были вынесены относительно этого замечательного человека, чтобы все знали суд общественного мнения. (2) Когда за восемь дней до апрельских календ было объявлено в самом святилище Матери, в день крови, что Клавдий стал императором, а сенат не мог собраться из-за того, что совершались священнодействия, присутствовавшие, надев тоги, пошли в храм Аполлона, и по прочтении письма государя Клавдия о Клавдии было сказано: (3) «Клавдий Август, да покровительствуют тебе боги!», — сказано шестьдесят раз. «Клавдий Август, мы всегда желали иметь государем тебя или такого человека, как ты!», — сказано сорок раз. «Клавдий Август, в тебе нуждается государство!», — сказано сорок раз. «Клавдий Август, ты брат, ты отец, ты друг, ты хороший сенатор, ты подлинно государь!», — сказано восемьдесят раз. (4) «Клавдий Август, охрани нас от Авреола!», — сказано пять раз. «Клавдий Август, охрани нас от пальмирцев!», — сказано пять раз. «Клавдий Август, освободи нас от Зенобии и Витрувии!», — сказано семь раз. «Клавдий Август, Тетрик ничего не сделал!», — сказано семь раз.

V. (1) Став императором, он прежде всего после столкновения с Авреолом, который ввиду того, что он был очень угоден Галлиену, был в тягость государству, удалил его от кормила правления и, послав народу эдикт, а сенату свое обраще-

ние, объявил Авреола тираном. (2) К тому же серьезный и грозный император не внял просьбе Авреола, предлагавшего заключить договор, и отверг ее, дав такой ответ: «Этого надо было просить у Галлиена; тот, чьи нравы соответствовали твоим, мог бы и побояться тебя!». (3) Наконец, Авреол, по решению своих воинов, получил в Медиолане конец, достойный его жизни и нравов. Однако и его некоторые историки пытались хвалить, притом смехотворным образом. (4) Так, Галл Антипатр, прислужник важных лиц и позор для историков, начал об Авреоле таким образом: «Мы дошли до императора, оправдывающего свое имя». (5) Нечего сказать, великое достоинство — получить имя, происходящее от названия золота. Среди гладиаторов, я знаю, такое имя часто дается хорошим бойцам. Совсем недавно в твоей программе имелось это имя в списке участников игр.

VI. (1) Но вернемся к Клавдию. Как мы сказали выше, те готы, которые ушли от преследовавшего их Марциана и которых Клавдий не позволил выпустить, чтобы не произошло то, что действительно случилось, подняли все свои племена для грабительского набега на римлян. (2) Затем различные скифские народности — певки, грутунги, австроготы, тервинги, визы, гипеды, а также кельты и эрулы, охваченные жаждой добычи, вторглись в римскую землю и произвели там большие опустошения, пока Клавдий был занят другими делами и по-императорски готовился к войне, которую он и закончил для того, чтобы было ясно, что роковые бедствия Рима затягиваются, если хороший государь слишком занят, (3) но я думаю для того, чтобы слава Клав-

дия возросла и его победа приобрела большую славу во всем мире. (4) Ведь число вооруженных в этих племенах доходило тогда до трехсот двадцати тысяч. (5) Пусть те, кто обвиняет нас в лести, скажут, что Клавдий заслуживает меньшей любви. Триста двадцать тысяч вооруженных! У какого Ксеркса было их столько? В какой сказке выдуманно это число? Какой поэт сочинил его? Было триста двадцать тысяч вооруженных! (6) Прибавь к этому рабов, прибавь домочадцев, прибавь обоз, прибавь то, что реки были выпиты, леса уничтожены, что сама земля, наконец, страдала, приняв на себя такую массу варваров.

VII. (1) Имеется его письмо, посланное сенату для прочтения народу, в котором он указывает количество варваров. Оно таково: (2) «Римскому сенату и народу государь Клавдий (говорят, что это письмо он сам продиктовал, слова его начальника канцелярии мне не нужны). (3) Отцы сенаторы, с удивлением выслушайте то, что истинно. Тридцать двадцать тысяч вооруженных варваров вступило на римскую землю. Если я одержу победу над ними, воздайте мне по заслугам. Если же я не одержу победы, то знайте, что я хочу вести войну после Галлиена. (4) Все наше государство изнурено: мы бьемся после Валериана, после Ингенуя, после Региллиана, после Лоллиана, после Постума, после Цельза, после тысячи других, которые вследствие того, что император Галлиен внушал к себе презрение, отложились от нашего государства. (5) У нас нет уже ни щитов, ни палашей, ни копий. Галлии и Испании — источник силы нашего государства, держит в своей власти Тетрик; всеми стрелками, стыдно сказать, владеет Зенобия. Что бы мы ни

сделали, все будет достаточно великим». (6) Однако Клавдий благодаря своей прирожденной доблести победил этих врагов; в короткое время он сокрушил их и лишь несколькими из них позволил вернуться в родную землю. Я спрашиваю: большой ли наградой за столь великую победу является щит в курии? Большой ли наградой является одна золотая статуя? (7) Энний говорит о Сципионе: «Какую статую сделает римский народ, какую колонну, которая способна рассказать о твоих деяниях?». (8) Мы можем сказать, что славу Флавия Клавдия, единственного на земле государя, поддерживают не колонны, не статуи, а сила общественного мнения.

VIII. (1) Сверх того, варвары имели две тысячи судов, то есть двойное число сравнительно с тем, с каким также некогда вся Греция и вся Фессалия пытались завоевать города Азии. Но что — выдумка поэтического стиля, а это относится к истинной истории. (2) Итак, мы, писатели, льстим Клавдию, который уничтожил две тысячи варварских судов и истребил, разгромил, стер в порошок триста двадцать тысяч вооруженных; частью предал огню, частью со всеми их домочадцами отдал в рабство римлянам тот огромный обоз, какой такая масса вооруженных могла заготовить себе и оборудовать, (3) как мы узнаем из его же письма, написанного Юнию Брокху, защищавшему Иллирик: (4) «Клавдий Брокху. Мы уничтожили триста двадцать тысяч готов, потопили две тысячи судов. (5) Реки покрыты их щитами, все берега завалены их палашами и короткими копьями. Не видно полей, скрытых под их костями, нет проезжего пути, покинут огромный обоз. (6) Мы захватили в плен такое количество женщин, что каж-

дый воин-победитель может взять себе по две и три женщины.

IX. (1) О, если бы государству не пришлось претерпеть Галлиена! О, если бы не пришлось вынести на себе шестьсот тиранов! Если бы остались целыми воины, которых унесли у нас разные сражения, если бы остались целыми легионы, которые Галлиен, горе-победитель, предал смерти, какое было бы прибавление у государства, (2) если еще и теперь нашим старанием собрано для спасения Римского государства то, что осталось после крушения государственного корабля». (3) Сражались же в Мезии, было много битв у Марцианополя. (4) Многие погибли во время кораблекрушения, большинство царей было взято в плен, были взяты в плен знатные женщины различных племен, римские провинции были наводнены рабами-варварами и скифскими земледельцами. Гот стал поселенцем пограничной линии с варварами. (5) Не было ни одной области, которая не имела бы раба-гота, попавшего в рабство после этого триумфа. (6) Какое множество варварских быков увидели наши предки! Какое множество овец! Какое множество кельтских кобылиц, прославляемых молвой! Все это надо целиком отнести к славе Клавдия. Клавдий даровал государству и безопасность и изобилие богатств. (7) Кроме того, бились у Византии, причем храбро действовали сами уцелевшие византийцы. (8) Бились и у Фессалоники, которая в отсутствие Клавдия была осаждена варварами. (9) Бились в разных областях, и везде под верховным командованием Клавдия над готами были одержаны победы, так что казалось, будто уже тогда Клавдий устанавливал спокойную жизнь в

государстве для своего будущего внука Констанция Цезаря.

Х. (1) Мне, кстати, приходит на ум, что надо сообщить предсказание, данное ему, как передают, в Коммагенах, чтобы все поняли, что роду Клавдиев было суждено свыше принести счастье государству. (2) Когда он, став императором, вопрошал о том, как долго он будет императором, ему выпал такой жребий:

(3) *Ты, что правишь теперь страну отчей
И над миром царишь, богов посредник,
Молодежью ты старших одолеешь,
Ибо будут царить твои потомки
И своим отдадут потомкам царство.*

(4) Также, когда он вопрошал о себе в Апеннине, он получи ответ такого рода:

*Третье лето доколь не узрит,
как он Лацием правит.*

(5) Также — на вопрос о своих потомках:

*Я же могуществу их
не кладу ни предела, ни срока.*

(6) Также — на вопрос о своем брате Квинтилле, которого он хотел иметь соправителем, он получил ответ:

Юношу явят земле на мгновение судьбы.

(7) Все это я поместил сюда для того, чтобы всем было ясно, что Констанций, муж божественного

происхождения, безупречнейший Цезарь, и сам происходит из августейшей семьи и после себя даст многих Августов, — да пребудут во здравии Диоклетиан и Максимиан Августы и его брат Галерий.

XI. (1) В то время как божественный Клавдий был занят всем этим, пальмирцы под предводительством Сабы и Тимагена начинают войну против египтян, но терпят поражение вследствие упорства и неутомимости египтян в бою. (2) Однако египетский полководец Пробат был умерщвлен вследствие козней Тимагена. Все египтяне отдались под власть римского императора и присягнули отсутствовавшему Клавдию. (3) В консульство Аттициана и Орфита божественное покровительство помогло начинаниям Клавдия; множество уцелевших варварских племен устремилось в Гемимонт и там так сильно страдало от голода и моровой язвы, что Клавдий считал уже недостойным победить их. (4) Наконец, была окончена эта тягчайшая война, и римская мощь освободилась от опасений. (5) Моя добросовестность заставляет меня говорить правду, и пусть в то же время те, кто желает считать нас льстецами, знают, что я не умалчиваю о тех подробностях, сообщения которых требует история: (6) в то время, когда уже была достигнута победа, большинство воинов Клавдия, опьяненные успехами, которые иногда смущают даже души мудрых людей, набросились на добычу, не думая о том, что даже очень небольшое количество врагов может обратить их в бегство, раз они душой и телом предаются похищению добычи. (7) Словом, во время самой победы почти две тысячи воинов были перебиты небольшим количеством варва-

ров, теми самими, которые бежали. (8) Когда об этом узнал Клавдий, он, стянув свое войско, схватил всех тех, кто проявил непокорный дух, и отправил их в Рим в оковах, предназначая их для общественных игр. Итак, то, что было сделано либо судьбой, либо воинами, было прекращено благодаря доблести хорошего государя. И не только победа над врагом, но и наказание оказались предусмотренными. (9) В этой войне, которую вел Клавдий, необыкновенную доблесть проявили далматские всадники, потому что думали, что Клавдий происходит из этой провинции, хотя другие говорили, что он — дарданец и ведет свой род от родоначальника троянцев Ила и от самого Дардана.

XII. (1) В это время скифы побывали и на Крите и пытались опустошить Кипр, но были побеждены повсюду, так как их войско страдало от болезней и голода. (2) После окончания Готской войны стала распространяться очень тяжелая болезнь; тогда и Клавдий, сраженный болезнью, покинул смертных и устремился на небо, столь близкое ему в силу его доблестей. (3) После его переселения к богам и светилам его брат Квинтилл, человек безупречный и, чтобы сказать правду, подлинный брат своего брата, принял императорскую власть, врученную ему всеобщим решением, не по праву наследования, а потому, что он заслужил ее своими доблестями; он стал бы императором, даже если бы не был братом государя Клавдия. (4) В это время уцелевшие варвары попытались опустошить Анхиал и даже захватить Никополь. Но благодаря доблести провинциалов, они были уничтожены. (5) Квинтилл же за краткостью времени не мог совершить ничего

достойного императорской власти, так как на семнадцатый день своего правления ввиду того, что он выказал себя требовательным и строгим по отношению к воинам и обещал стать настоящим государем, он был убит таким же образом, как Гальба и как Пертинакс. (6) Дексипп не говорит, что Квинтилл был убит, а только что он умер. Однако он не добавил от какой болезни, так что, по видимому, он сам находился в сомнении.

ХІІІ. (1) Так как мы уже рассказали о его военных делах, то сейчас следует сказать хотя бы несколько слов о его роде и семье, чтобы не показалось, что мы обошли молчанием то, что необходимо знать. (2) Клавдий, Квинтилл и Крисп были братьями. У Криспа была дочь Клавдия; от нее и Евтропия, знатнейшего мужа дарданского племени, родился Констанций Цезарь. (3) Были также и сестры, из которых одна, по имени Константина, выданная за трибуна ассирийцев, умерла в первые годы после брака. (4) О его дедах нам известно мало. Многие писатели дают о них противоречивые сведения. (5) Сам Клавдий замечателен строгостью нравов, замечателен своим необыкновенным образом жизни и исключительной целомудренностью. Воздержанный в употреблении вина, он был охотником до еды; имел высокий рост, огненный взгляд, широкое и полное лицо и настолько крепкие пальцы, что часто одним ударом кулака выбивал зубы у лошадей и мулов. (6) Он проделал нечто подобное, будучи еще юношей, на военной службе, когда во время Марсовых игр на поле была устроена борьба между всеми сильнейшими. (7) Рассердившись на того, кто вывернул у него не пояс, а половой орган, он одним ударом кула-

ка выбил у него все зубы. К этому отнеслись снисходительно, так как это было мщение за оскорбленную стыдливость. (8) Император Деций, в присутствии которого все это произошло, публично превозносил доблесть и стыдливость Клавдия и, одарив его браслетами и шейными цепями, потребовал от собрания воинов, чтобы они старались не причинять жестоких повреждений, которых не требуют правила борьбы. (9) У самого Клавдия детей не было. Квинтилл оставил двоих, а Крисп, как мы сказали, дочь.

XIV. (1) Теперь перейдем к суждениям, высказанным о нем разными государями, и остановимся на них не больше, чем это необходимо для того, чтобы было ясно, что рано или поздно Клавдий должен был стать императором. (2) Письмо Валериана Зосимиону, прокуратору Сирии: «Мы назначили Клавдия, человека иллирийского происхождения, трибуном пятого Марсова храбрейшего и преданнейшего легиона, этого человека следует поставить выше всех храбрейших и преданнейших людей древности. (3) Ты будешь давать ему содержание из нашей частной казны: в год — три тысячи модиев пшеницы, шесть тысяч ячменя, две тысячи фунтов сала, старого вина — три тысячи пятьсот секстариев, хорошего масла — сто пятьдесят секстариев, масла второго сорта — шестьсот секстариев, соли — двадцать модиев, воску — сто пятьдесят фунтов, сена, мякины, винного уксуса, овощей, зелени — сколько ему нужно, шкур для палаток — тридцать десятков, мулов — шесть в год, лошадей — трех в год, верблюдиц — десять в год, мулиц — девять в год, изделий из серебра — пятьдесят фунтов в год, филиппеев с нашим изображением — сто

пятьдесят в год и в виде новогодних подарков — сорок семь и сто шестьдесят третей золотого. (4) Также в кубках, кружках и горшках — одиннадцать фунтов. (5) Туник военных красных — две в год, военных хламид — две в год, застежек серебряных позолоченных — две, золотую застежку с кипрской булавкой — одну. Один серебряный позолоченный пояс, одно кольцо весом в унцию с двумя драгоценными камнями, один обруч весом в семь унций, одну шейную цепь весом в один фунт, один позолоченный шлем, два щита с изображениями из золота, один панцирь — с возвратом. (6) Два геркулианских копья, две палки с остриями, два кривых ножа, четыре косы. (7) Одного повара — с возвратом, одного погонщика мулов — с возвратом. (8) Двух красивых женщин — из пленниц. Одну полушелковую белую одежду с гирбитанским пурпуром, одну подпанцирную одежду с мавретанским пурпуром. (9) Одного письмоводителя — с возвратом, одного распорядителя на пирах — с возвратом. (10) Две пары кипрских ковров для ложа, две чистые нижние рубашки, два мужских шарфа, одну тогу — с возвратом, одну — с широкой пурпурной полосой — с возвратом. (11) Двух охотников, чтобы следовать за ним, одного тележного мастера, одного домоуправителя, одного водоноса, одного рыболова, одного кондитера. (12) Дров на день — тысячу фунтов, если есть запас, если же нет, то сколько и где будет; ежедневно четыре лопаты сухих дров. (14) Одного банщика и дрова для бани; если их нет, пусть моется в общественной бане. (14) Все прочие мелочи, которых нет возможности перечислить, ты будешь предоставлять ему в разумном количестве, но так,

чтобы он ничего не переводил на деньги и, если чего-нибудь где-либо будет не хватать, то не предоставлять этого и не требовать взамен этого деньги. (15) Все это я назначил ему в особом порядке не как трибуну, а как военному начальнику, потому что это такой человек, которому следовало бы дать еще больше».

XV. (1) Также из другого его письма префекту претория Аблавию Мурене, среди прочего: «Перестань жаловаться на то, что Клавдий до сих пор остается трибуном и не получил войска как военный начальник, на что, как ты не раз говорил, жалуется и сенат, и народ. (2) Он назначен военным начальником и притом военным начальником всего Иллирика. Под его начальством войска фракийские, мезийские, далматские, паннонские, дакийские. (3) Этот замечательный человек должен, и по нашему суждению, надеяться на консульство и, если это будет ему по душе, пусть получит, когда захочет, должность префекта претория. (4) Ты, конечно, знаешь, что мы назначили ему такое содержание, какое полагается занимающему должность префекта Египта, столько одежд, сколько мы определили для проконсула Африки, столько денег, сколько получает управляющий горными разработками Иллирика, такое количество прислуги, какое мы сами себе назначаем по каждому городу, чтобы все поняли, каково мы мнения о таком человеке».

XVI. (1) Также письмо Дения о том же Клавдии: «Деций Мессале, наместнику Ахайи, привет». Среди прочего: «Нашему трибуну Клавдию, превосходному молодому человеку, храбрейшему воину, весьма стойкому гражданину, который необходим и лагерю, и сенату, и государству, мы

предписали направиться в Фермопилы и поручили ему наблюдение за пелопоннесцами, так как мы знаем, что никто лучше его не выполнит всех обязанностей, которые мы на него возлагаем. (2) Ты дашь ему двести воинов из Дарданской области, сто человек из панцирников, шестьдесят из всадников, шестьдесят из критских стрелков, тысячу хорошо вооруженных из новобранцев. (3) Ведь хорошо, если мы поручим ему новонабранные войска, ибо нельзя найти человека, более преданного, более храброго, более почетного, чем он».

XVII. (1) Также письмо Галлиена, написанное тогда, когда были получены от тайных агентов сведения о том, что Клавдий негодует против него за его изнеженный образ жизни: (2) «Ничто не произвело на меня такого тяжелого впечатления, как то, о чем ты сообщаешь в своем донесении: Клавдий, родственник и друг наш, под влиянием многих злостных сплетен, сильно разгневался. (3) Поэтому прошу тебя, мой Венуст, если ты хочешь показать мне свою верность, постарайся умиротворить его с помощью Грата и Геренниана, но так, чтобы об этом не знали дакийские воины, которые уже сейчас неиствуют: как бы они не приняли этого слишком близко к сердцу. (4) Сам я послал ему подарки; ты постарайся, чтобы он принял их с удовольствием. Кроме того, следует позаботиться о том, чтобы он не догадался, что я об этом знаю, чтобы он не подумал, что я гневаюсь против него, и не был вынужден принять крайнее решение. (5) Я послал ему две украшенные драгоценными камнями трехфунтовые жертвенные чаши, две золотые кружки с драгоценными камнями весом каждая в три фунта, серебряную

тарелку с украшениями в виде ягод плюща весом в двадцать фунтов, серебряный поднос с украшениями в виде листьев винограда весом в тридцать фунтов, серебряную миску с украшениями в виде плюща весом в двадцать три фунта, серебряное блюдо с изображением рыбака весом в двадцать фунтов, два оправленных в золото серебряных кувшина весом в шесть фунтов и в меньших сосудах двадцать пять фунтов серебра, десять египетских и разной работы чаш; (6) две хламиды с каймой, блестящие по-настоящему, шестнадцать различных одежд, белую полуншелковую одежду, одну шелковую цветную ленту в три унции, три пары мягких парфянских сапог из числа наших, десять далматских коротких одежд, одну дарданскую плащеобразную хламиду, один иллирийский плащ, одну бардскую накидку с капюшоном, (7) два мохнатых капюшона, четыре сарептских платка; сто пятьдесят золотых валерианов, триста салонинских третей золотого».

XVIII. (1) Прежде чем достигнуть императорской власти, он получил из ряда вон выходящие отзывы и со стороны сената. По получении известия о том, что он вместе с Марцианом храбро боролся против разных племен в Иллирике, в сенате раздались возгласы: (2) «Будь здрав, Клавдий, наш храбрейший полководец! Хвала твоим доблестям, твоей преданности! Мы все посвящаем Клавдию статую! Мы все хотим видеть Клавдия консулом! (3) Так действует тот, кто любит государство! Так действует тот, кто любит государей! Так действовали древние воины! Счастлив ты, Клавдий, благодаря суждениям о тебе государей, счастлив, благодаря своим доблестям, ты — консул, ты — префект! Живи, Валерий, и будь любим госуда-

рем!». (4) Долго было бы писать о нем столько, сколько он заслужил. Однако об одном обстоятельстве я не должен умолчать: и сенат, и народ и до того, как он стал императором, и в то время, как он был императором, и после того, как он перестал быть императором, любили его так, что можно вполне определенно сказать, что ни Траян, ни Антонины, ни кто-либо другой из государей не были так любимы.

Флавий Вописк Сиракузянин

**БОЖЕСТВЕННЫЙ
АВРЕЛИАН**

I. (1) В гиларии, когда, как мы знаем, все действия и речи должны быть преисполнены веселья, префект Рима Юний Тиберян, славнейший муж, имя которого следует произносить, предварительно выразив уважение, по окончании праздника пригласил меня сесть в его служебную повозку. (2) Там, на досуге, свободный от судебных и государственных дел, он вел со мной длинную беседу — от Палатина до Вариевых садов, главным образом о жизни государей. (3) Когда мы доехали до храма Солнца, освященного государем Аврелианом, Юний, состоящий в некотором кровном родстве с ним, спросил, кто дал в литературе его жизнеописание. (4) Когда я ответил ему, что из латинских писателей я не читал ни одного, а лишь кое-кого из греческих, этот безупречный человек излил свою скорбь в следующих словах: (5) «Следовательно, Терсита, Синона и прочие чудовища древних времен и мы хорошо знаем, и наши потомки будут часто вспоминать, а о боженственном Аврелиане, славнейшем государе, в высшей степени строгом императоре, благодаря которому весь мир вновь вернулся под власть римской мощи, наши потомки знать не будут? Да

избавит нас бог от такого безумия! (6) А ведь, если я не ошибаюсь, у нас есть дневники, в которых записаны деяния этого человека, есть также исторические описания его войн. Я хотел бы, чтобы ты взял их и описал все по порядку, добавив подробности, относящиеся к его жизни. (7) Все это ты изучишь благодаря свойственному тебе усердию на основании полотняных книг, в которых он сам приказал делать день за днем записи о его деяниях. Я позабочусь о том, чтобы тебе были выданы из Ульпиевой библиотеки и полотняные книги. (8) Прошу тебя, опиши, насколько возможно, жизнь Аврелиана в соответствии с действительностью». (9) Я выполнил указания, мой Пиниан, получил греческие книги, взял в руки все, что было мне нужно, и из всего этого собрал в одну книгу то, что было достойно упоминания. (10) Ты же прими, пожалуйста, благосклонно мое подношение и, если оно не удовлетворит тебя, прочти греческих авторов, обратись также к полотняным книгам, которые по первому твоему желанию предоставит тебе Ульпиева библиотека.

II. (1) Пока мы ехали в той же повозке, у нас зашла речь о Требеллии Поллионе, который увековечил память и славных, и малоизвестных императоров, начиная с обоих Филиппов до божественного Клавдия и его брата Квинтилла, причем Тибериан утверждал, что Поллион изложил многое небрежно, многое слишком кратко, а я возражал ему, говоря, что нет ни одного писателя, по крайней мере историка, который в чем-нибудь не солгал бы. Я привел ряд примеров, где можно уличить в этом на основании ясных свидетельств Ливия, Саллюстия, Корнелия Тацита и, наконец, Трога. Тогда Тибериан, соглашаясь с моим мнением и

протягивая руку, сказал шутливо: (2) «Пиши, что тебе угодно. Ты спокойно будешь говорить все, что захочешь, так как попутчиками твоей неправды будут люди, которыми мы восхищаемся как мастерами исторического красноречия».

III. (1) Чтобы не заполнять предисловие многословными мелочными сообщениями и не стать нудным, скажу, что божественный Аврелиан родился в незнатной семье, по словам многих — в Сирмии, а по словам некоторых — в прибрежной Дакии. (2) Помнится, читал я одного автора, который заявляет, будто он родился в Мезии. Случается, что родина людей, происходящих из незначительных мест, неизвестна, и они по большей части сами придумывают себе родину, чтобы благодаря славе, которой окружены эти места, придать себе блеск в глазах потомства. (3) Но при описании деяний великих государей главное знать не то, где родился каждый из них, а то, каким правителем он был. (4) Разве Платона более возвеличивает то, что он был афинянином, а не то, что он был самым ярким светочем мудрости? (5) Или разве менее знаменитыми окажутся Аристотель из Стагиры, Зенон из Элеи или скиф Анахарзис вследствие того, что они родились в очень незначительных поселках, раз великие достоинства их философии вознесли их до небес?

IV. (1) Чтобы вернуться к прежнему порядку изложения — Аврелиан, происходивший от родителей скромного звания, с ранних лет проявлял исключительные природные дарования. Обладая выдающейся силой, он, не пропуская ни одного дня, даже праздничного, даже свободного от занятий, упражнялся в метании копья, пускании стрел и во всем прочем, что относится к военному делу.

(2) Относительно его матери Калликрат Тирский, весьма ученый греческий писатель, сообщает, что она была жрицей храма непобедимого Солнца в том поселке, где жили его родители. (3) Говорят, что, кроме того, она обладала некоторым даром прорицания и даже как-то раз, браня своего мужа за его глупость и ничтожество, бросила ему с укоризной: «И это отец императора!» — из чего можно заключить, что эта женщина знала предопределения судьбы. (4) Тот же писатель рассказывает, что у Аврелиана были следующие предвестники ожидавшей его императорской власти. Прежде всего тот таз, в котором купали его в детстве, много раз обвивала змея и ни разу не удавалось ее убить; наконец, сама мать, которая увидела это, не захотела убивать змею как существо, сроднившееся с семьей. (5) Вдобавок ко всему этому говорят, будто из небольшого пурпурного плаща, пожертвованного тогдашним императором в храм Солнца, жрица сделала пеленки для своего сына. (6) Он добавляет также, что завернутого в пеленочку Аврелиана орел поднял из колыбели и, не причиняя ему вреда, положил на находившийся у часовни жертвенник, на котором случайно не было огня. (7) Тот же писатель сообщает, что в стаде его матери родился теленок удивительной величины, весь белый, но с пятнами пурпурного цвета, так что на одном боку у него получились слова «будь здрав», а на другом — венец.

V. (1) Я помню, что у того же автора я прочитал много ненужного. Он серьезно утверждает, будто на дворе у этой женщины при рождении Аврелиана вырос куст пурпурных роз с запахом розы, но с золотистыми цветами. (2) И позднее, когда Аврелиан был уже на военной службе, было

много знамений, предвещавших ему в будущем, как показал исход дела, императорскую власть. (3) Когда он на повозке въезжал в Антиохию ввиду того, что вследствие ранения он не мог тогда сидеть на коне, — покрывало, растянутое в его честь, упало и легло ему на плечи. (4) Когда же он затем пожелал пересесть на коня из-за того, что пользоваться повозками в городе считалось предосудительным, ему подвели императорского коня, на которого он второпях и сел; однако узнав в чем дело, он пересел на своего коня. (5) Кроме того, когда он был отправлен послом к персам, ему была дана в подарок жертвенная чаша, какую персидский царь обыкновенно дает в подарок императорам, — на ней было изображение Солнца в том виде, в каком его почитали в том храме, где мать Аврелиана была жрицей. (6) Ему был также подарен замечательный слон, которого он преподнес императору; таким образом, Аврелиан был единственным частным человеком, который владел слоном.

VI. (1) Но оставим в стороне все эти и другие подробности. Аврелиан имел привлекательную внешность, отличался мужественной красотой; он был довольно высокого роста, обладал очень большой телесной силой, питал некоторую страсть к вину и еде, но редко поддавался любовной страсти. Он был безмерно строг, поддерживал особенно строгую дисциплину, любил обнажать меч. (2) В войске было два трибуна Аврелиана — этот и другой, который был взят в плен вместе с Валерианом. Нашему войско дало прозвище «рубака», так что, если, бывало, спрашивали, который Аврелиан что-либо совершил или выполнил, то подсказывали «Аврелиан-рубака», и становилось понятно, о

ком идет речь. (3) Еще не став императором, он совершил много славных подвигов. Так, когда сарматы сделали набег на Иллирик, он сокрушил их один с тремя сотнями гарнизонных воинов. (4) Теоклий, описавший времена Цезарей, рассказывает, что Аврелиан во время Сарматской войны в один день убил своей собственной рукой сорок восемь человек, а за много дней в разное время свыше девятисот пятидесяти, так что мальчики придумали в честь Аврелиана такие песенки и пляски, которые они исполняли в праздничные дни во время военных плясок:

(5) *Много, много, много тысяч*
мы с ним обезглавили.
Он один! А много тысяч
мы с ним обезглавили.
Многи лета, многи лета
многих перебившему!
Столько и вина не выпить,
сколько крови пролил он.

(6) Я понимаю, что это сущие пустяки, но так как вышеназванный автор поместил в свои произведения эти стихи в том виде, как они звучат по-латыни, то я и не счел возможным умолчать о них.

VII. (1) Будучи трибуном шестого Галльского легиона, он нанес под Могонциаком сильное поражение вторгшимся и бродившим по всей Галлии франкам, убил семьсот человек, взял в плен и продал в рабство триста. (2) По этому поводу опять-таки была сочинена песенка: «Много франков и сарматов разом перебили мы, много, много, много тысяч персов надо перебить». (3) Он внушал воинам такой страх, что под его начальством, после

того как он один раз наложил необыкновенно суровую кару за нарушение лагерного порядка, никто уже больше не делал нарушений. (4) Наконец, он единственный из всех военачальников подверг воина, совершившего прелюбодеяние с женой своего хозяина, такому наказанию: он велел наклонить верхушки двух деревьев, привязать их к ногам этого военного и сразу отпустить их, так что тот повис, разорванный пополам. Это навело на всех великий страх. (5) Вот его письмо, написанное им по поводу военных дел своему заместителю: «Если ты хочешь быть трибуном, даже больше — если ты хочешь быть живым, удерживай руки воинов. Пусть никто не крадет чужого цыпленка, пусть никто не трогает овцы, пусть никто не уносит винограда, пусть никто не топчет жатвы, пусть никто не вымогает масла, соли, дров. Пусть всякий довольствуется своим пайком. Пусть они живут за счет добычи от врагов, а не за счет слез провинциалов. (6) Пусть оружие будет вычищено, железные острия отточены, обувь прочна. Пусть старую одежду сменяет новая. Пусть их жалованье будет у них в поясе, а не в трактире. Пусть носят шейную цепь, обруч на руке, кольцо. (7) Пусть каждый чистит своего коня и выючную лошадь, пусть не продает фуража животных, а за мулом, приписанным к центурии, пусть ходят все сообща. (8) Пусть один служит другому как господину, но пусть никто не служит как раб; пусть они пользуются бесплатным лечением у врачей, ничего не дают гарусникам, на постое ведут себя скромно. Кто будет заводить ссоры, тот должен быть бит».

VIII. (1) Недавно я нашел в Ульпиевой библиотеке среди полотняных книг письмо божественного Валериана, касающееся государя Аврелиана-

на. Как и подобает, я привожу его дословно: (2) «Валериан Август консулу Антонину Галлу. В дружеском письме ты обвиняешь меня в том, что я поручил своего сына Галлиена Постуму, а не Аврелиану, тогда как следовало бы доверить и мальчика и войско во всяком случае человеку более строгому. (3) Однако ты перестанешь так думать, если узнаешь, как строг Аврелиан: это строгость чрезмерная, переходящая всякие границы, тяжкая и уже не соответствующая нашему времени. (4) Призываю в свидетели всех богов — я боялся, как бы он и с моим сыном не поступил слишком строго, если тот по своей природной склонности к забавам проявит легкомыслие». (5) Это письмо показывает, как был строг Аврелиан: даже сам Валериан говорит, что боится его.

IX. (1) Есть другое письмо того же Валериана, заключающее в себе похвалы Аврелиану. Я извлек его на свет из архивов городской префектуры: когда Аврелиан ехал в Рим, ему было назначено содержание в соответствии с его рангом. Копия письма: (2) «Валериан Август Цейонию Альбину, префекту Рима. Мы хотели бы отдельных лиц, наиболее преданных государству, наделить гораздо более значительными доходами, нежели это полагается по их званию, особенно же в тех случаях, когда самая их жизнь вызывает уважение. Ведь, кроме звания, еще кое-что должно быть наградой за заслуги. Однако государство строго следит за тем, чтобы никто не мог получать из провинциальных взносов больше, чем полагается по его положению. (3) Мы предназначили храбрейшего мужа Аврелиана для осмотра и приведения в порядок всех лагерей; ему и мы, и все государство, по единодушному признанию всего войска,

обязаны столь многим, что едва ли можно найти достойные его или слишком большие награды. (4) Действительно, разве он славен не во всех отношениях? В чем его нельзя сравнить с Корвинами и Сципионами? Он — освободитель Иллирика, он — восстановитель Галлий, он — во всем великий пример полководца. (5) И тем не менее я не могу ничего больше прибавить такому мужу к милости подарка: это несовместимо с хорошим и трезвым ведением государственных дел. (6) Поэтому ты, мой дражайший родственник, со свойственной тебе добросовестностью, все время, пока вышеназванный муж будет в Риме, будешь добавлять ему шестнадцать чистых солдатских хлебов, сорок лагерных солдатских хлебов, сорок секстариев столового вина, полпоросенка, двух петухов, тридцать фунтов свинины, сорок фунтов говядины, один секстарий масла, а также секстарий рыбной подливки, секстарий соли, зелени и овощей — сколько нужно. (7) Разумеется, так как ему во время его пребывания в Риме надо назначить что-либо особенное, назначь в чрезвычайном порядке фураж, а ему самому на расходы по два золотых антониниана, по пятисот малых серебряных филиппеев и по сто медных денариев. Все прочее будет доставляться ему через префекта государственного казначейства».

X. (1) Возможно, кому-нибудь все это покажется пустячным и слишком легковесным, но любопытство ни от чего не отказывается. (2) Много раз он исполнял должность военного начальника, очень много раз нес обязанности трибуна, в разное время был до сорока раз заместителем военных начальников и трибунов. Он даже заменял Ульпия Кринита, который выводил свой род от Траяна и на

самом деле был очень храбрым человеком и очень походил на Траяна, — он изображен в храме Солнца вместе с Аврелианом (этого Ульпия Валериан имел в виду возвести в звание Цезаря). Аврелиан водил войска, восстановил пограничную линию, раздавал воинам добычу, обогатил Фракию быками, конями, пленными рабами, поместил в Палатинском дворце свою долю добычи, собрал для частного имени Валериана пятьсот рабов, две тысячи коров, тысячу кобылиц, десять тысяч овец и пятнадцать тысяч коз. (3) Это было тогда, когда Ульпий Кринит публично выразил благодарность находившемуся в термах в Византии Валериану, говоря, что его высоко ценят, если дадут ему Аврелиана в качестве заместителя. Поэтому он и решил усыновить Аврелиана.

XI. (1) Важно узнать письма, написанные об Аврелиане и обстоятельства его усыновления. Письмо Валериана Аврелиану: «Если бы милейший Аврелиан, кто-нибудь другой мог стать заместителем Ульпия Кринита, то я посоветовался бы с тобой относительно его доблести и усердия. Но так как я не мог найти никого, кто был бы лучше тебя, возьми на себя военные действия со стороны Никополя, чтобы болезнь Кринита не оказалась для нас помехой. (2) Сделай, что можешь. Не буду распространяться: в твоих руках будет начальство над армией. (3) У тебя есть триста итирейских стрелков, шестьсот армян, сто пятьдесят арабов, двести сарацин, четыреста человек вспомогательного войска из Месопотамии. (4) У тебя есть третий Счастливый легион и восемьсот всадников-панцирников. (5) Вместе с тобой будут Гариомунд, Гальдагат, Гильдомунд, Кариовиск. Префектами заготовлен необходимый провиант во всех лагерях. (6) Твое дело

в соответствии с твоей доблестью и умением расположить свой зимний и летний лагерь там, где ты ни в чем не будешь терпеть недостатка. Кроме того, разузнай, где находится вражеский обоз, и доподлинно узнай, сколько врагов и каковы они, чтобы попусту не тратить продовольствия и не метать копий, — на том и другом держится военное дело. (7) На тебя, да покровительствует мне бог, я возлагаю такие же надежды, какие могло бы возлагать государство на Траяна, если бы он был жив. Ведь не менее велик и тот, на чье место и чьим заместителем я тебя выбрал. (8) Тебе следует надеяться на консульство на следующий год вместе с тем же Ульпием Кринитом, на смену Галлиену и Валериану, начинается оно за десять дней до июньских календ. Расходы возьмет на себя государство. (9) Ведь больше чем кому бы то ни было мы должны облегчить бедность тем людям, которые, несмотря на долгую службу государству, остаются бедными». (10) Это письмо также показывает, сколь велик был Аврелиан; и действительно, никто никогда не достигает вершины власти, если он с ранних лет не поднимался последовательно по ступенькам доблести.

ХII. (1) Письмо относительно консульства: «Валериан Август Элию Ксифидию, префекту государственного казначейства. Аврелиану, которого мы назначили консулом, ты выдашь ввиду его бедности, благодаря которой он велик (а в прочих отношениях еще выше), для устройства цирковых игр триста золотых антонинианов, три тысячи маленьких филиппеев и пятьдесят тысяч сестерциев медью, десять тонких мужских туник, двадцать полотняных египетских, две одинаковые кипрские скатерти, десять африканских ковров,

десять мавретанских покрывал, сто свиней, сто овец. (2) Ты распорядишься устроить парадный пир для сенаторов и римских всадников и принести две большие жертвы и четыре малые». (3) И так как я сказал, что изложу некоторые подробности его усыновления, так как они касаются столь великого государя, (4), то, прошу, не сочти меня слишком нудным и многословным в передаче того, что я в интересах достоверности решил поместить в своем повествовании, позаимствовав из книг Ахолия, который был церемониймейстером императора Валериана, — из девятой книги его «Деяний».

XIII. (1) Когда Валериан Август заседал в термах в Византии в присутствии войска, в присутствии дворцовой прислуги, причем рядом с ним сидели ординарный консул Нуммий Туск, префект претория Бебий Макр, наместник Востока Квинт Анкарий, а по левую руку сидели начальник скифской границы Авульний Сатурнин, предназначенный в наместники Египта Мурренций Мавриций, начальник восточной границы Юлий Трифон, префект продовольственного снабжения на Востоке Меций Брундизин, начальник иллирийской и фракийской границы Ульпий Кринит и начальник ретийской границы Фульвий Бой, (2) Валериан Август сказал: «Государство благодарит тебя, Аврелиан, за то, что ты освободил его от владычества готов. Благодаря тебе мы так богаты добычей, богаты славой и всем тем, от чего возрастает счастье Рима. (3) Получай за свои подвиги четыре стенных венка, пять венков за взятие валов, два морских венка, два гражданских венка, десять копий без наконечников, четыре двуцветных знамени, четыре присвоенные военным начальни-

кам красные туники, два проконсульских плаща, тогу-претексту, расшитую пальмовыми ветвями тунику, украшенную вышивками тогу, толстую подпанцирную одежду, украшенное слоновой кожей кресло. (4) Ведь сегодня я намечаю тебя в консулы и напишу сенату, чтобы он наделил тебя жезлом, наделил также связками: этого обычно не дает император, но сам, становясь консулом, получает это от сената».

XIV. (1) После этих слов Валериана поднялся Аврелиан, подошел к руке и выразил благодарность в чисто военных выражениях, которые я решил привести в их подлинном виде. (2) Аврелиан сказал: «Владыка Валериан, император, Август, я для того все это делал, для того терпеливо переносил ранения, для того утомлял и своих коней и своих подчиненных, чтобы получить благодарность от государства и от своей совести. (3) Но ты сделал больше. Поэтому приношу благодарность твоей доброте и принимаю должность консула, которую ты мне даешь. Пусть боги и непобедимый бог Солнце сделают так, чтобы и сенат судил обо мне таким же образом». (4) Когда все окружавшие стали выражать благодарность, поднялся Ульпий Кринит и произнес следующую речь: (5) «У предков наших, Валериан Август, был обычай, принятый и в нашей семье и свойственный ей: лучшие люди брали себе в сыновья храбрейших мужей для того, чтобы плодovitость этого заимствованного потомства украсила угасающие фамилии или семьи, лишенные детей. (6) То, что сделал Кокцей Нерва, усыновляя Траяна, Ульпий Траян — Адриана, Адриан — Антонина и вслед за ними на основании поданного им совета прочие, я решил повторить, признав своим сыном

Аврелиана, которого ты своим авторитетным решением назначил моим заместителем. (7) Итак, прикажи действовать по закону, чтобы Аврелиан стал наследником святынь, имени, имущества и всех прав Ульпия Кринита, который является уже консуляром, Аврелиан, который, по твоему соизволению, и сам очень скоро станет консуляром».

XV. (1) Долго рассказывать обо всем. Валериан благодарил Кринита, и усыновление было произведено согласно существовавшему обычаю. (2) Помнится, я читал в какой-то греческой книге, о чем я не счел возможным умолчать, будто Валериан поручил Криниту усыновить Аврелиана главным образом потому, что Аврелиан был беден; но я думаю, что этот вопрос следует оставить без обсуждения. (3) Ввиду того, что выше я привел письмо, на основании которого Аврелиану были отпущены средства на расходы, сопряженные с консульством, я счел нужным объяснить, почему я привел сообщение о таком едва ли не пустячном деле. (4) Мы недавно видели, что вступление в консульство Фурия Плацидия было отпраздновано в цирке с такой расточительностью, что, казалось, возницам давались не награды, а целые состояния: дарились полушелковые туники, полотняные одежды с цветной шелковой полосой, дарились даже кони при горестных вздохах честных людей. (5) Получалось так, словно консульство принадлежит богатству, а не человеку, так как ведь если оно дается за доблести, оно, во всяком случае, не должно разорять того, кто устраивает игры. (6) Миновали те чистые времена, и искательство перед народом будет все дальше уводить нас от них! Но мы, по своему обыкновению, оставим и этот вопрос без обсуждения.

XVI. (1) В силу стольких и столь великих полученных им преимуществ и пожалований, Аврелиан занял во времена Клавдия такое блестящее положение, что после смерти Клавдия, когда был умерщвлен и брат его Квинтилл, Аврелиан один оказался обладателем верховной власти, так как был убит и Авреол, с которым Галлиен когда-то заключил мир. (2) По этому поводу у историков, особенно у греческих, существует великое разногласие: одни говорят, что Авреол был убит Аврелианом против воли Клавдия, другие — что это случилось по прямому поручению и желанию Клавдия, иные — будто Аврелиан убил Авреола, когда уже стал императором, другие, наоборот, — когда он был еще частным человеком. (3) Но и этот вопрос следует оставить без обсуждения: за разрешением его пусть обращаются к тем, кто описал все это. (4) Бесспорно только то, что божественный Клавдий доверил ведение всей войны против меотийцев исключительно Аврелиану.

XVII. (1) Имеется письмо, которое я, по своему обыкновению, счел необходимым поместить здесь, чтобы быть добросовестным или, скорее, таким же образом, как это делают, как я вижу, другие авторы анналов. (2) Флавий Клавдий своему (Валериану) Аврелиану — привет. Наше государство требует от тебя обычной услуги. Наступай. Что медлишь? Я хочу, чтобы войско было под твоим начальством, а трибуны — под твоим руководством. Нужно напасть на готов. Нужно выгнать готов из Фракии. Ведь многие из них, бежавшие после битв с тобою, тревожат Гемимонт и Европу. (3) Под твою власть я ставлю все фракийские войска, все иллирийские и всю пограничную линию. Покажи нам свою обычную доблесть.

С тобой будет и брат мой Квинтилл, после того как он с тобой встретится. (4) Занятый другими делами, я вверяю твоей доблести главное руководство этой войной. Я послал тебе десять коней, два панциря и все прочее, чем необходимо снабдить того, кто отправляется на войну». (5) Благодаря ряду удачных сражений он под верховной властью Клавдия восстановил целостность государства. Как мы сказали выше, все легионы немедленно объявили его единогласно императором.

XVIII. (1) До получения императорской власти Аврелиан в правление Клавдия командовал всей конницей, так как начальники последней попали в немилость за то, что они неосторожно вступали в битву вопреки приказанию Клавдия. (2) В это же время Аврелиан дал решительное сражение свевам и сарматам и одержал блестящую победу. (3) Но при Аврелиане было и поражение от маркоманнов вследствие того, что была допущена ошибка: в то время как он не позаботился напасть с фронта на внезапно прорвавшихся врагов и когда он готовился преследовать их с тылу, все окрестности Медиолана подверглись жестокому опустошению. Однако впоследствии сами маркоманны были побеждены. (4) Среди такой тревоги, когда маркоманны производили повсюду опустошения, в Риме произошли очень большие мятежи; все боялись, как бы не случилось того, что было при Галлиене. (5) Поэтому справились в Сивиллиных книгах, известных теми благодеяниями, которые они оказали государству. Там было найдено указание — принести жертвы в определенных местах, чтобы варвары не могли пройти по ним. (6) Словом, предписания относительно разного рода священнодействий были вы-

полнены; таким образом, варвары были остановлены, а затем, когда они разбрелись по стране, Аврелиан всех их перебил. (7) Мне хочется привести здесь в его подлинном виде самое сенатское постановление, в силу которого авторитетной волей светлейшего сословия было приказано обратиться к Сивиллиным книгам.

XIX. (1) За два дня до январских ид городской претор Фульвий Сабин сказал: «Докладываем вам, отцы сенаторы, о совете понтификов и о письме государя Аврелиана; в них заключается повеление обратиться к книгам судеб, в которых содержится для нас надежда на окончание войны согласно святому велению богов. (2) Ведь вы и сами знаете, что к этим книгам обращались всякий раз, как возникало какое-нибудь особенно значительное волнение и общественные бедствия оканчивались только после принесения жертв согласно их авторитетному указанию». (3) Тогда поднялся Ульпий Силан, имевший право первым высказывать свое мнение, и говорил так: «Слишком поздно, отцы сенаторы, мы начали думать о спасении государства, слишком поздно справляемся о велениях судеб, подобно тем болящим, которые посылают за лучшими врачами только тогда, когда находятся в совершенно безнадежном состоянии, как будто опытные люди должны лечить только тяжелые случаи, хотя было бы лучше, если бы они оказывали помощь при всяких заболеваниях. (4) Ведь вы помните, отцы сенаторы, что я часто говорил среди этого сословия еще тогда, когда было получено известие о прорыве маркоманнов, о необходимости спросить о предначертаниях Сивиллы, воспользоваться благодеяниями Аполлона и покориться предписаниям бес-

смертных богов. Однако некоторые возражали, притом возражали, совершенно искажая действительность, так как льстиво утверждали, что доблесть государя Аврелиана делает совершенно излишним обращение за советом к богам, как будто и сам этот великий муж не чтит богов, не возлагает своих надежд на бессмертных богов. (5) Но к чему распространяться? Мы сами прослушали чтение письма, где он испрашивает божью помощь, — ведь это никогда никому не приносило позора. Пусть храбрейшему мужу будет оказано содействие. (6) Действуйте же, понтифики, и чистые, опрятные, безупречные, с соответствующими священным обрядам одеяниями и душами, взойдите в храм, расставьте ваши скамьи, увитые лаврами, прикрытыми руками перелистайте книги и узнайте незыблемые судьбы нашего государства. Велите мальчикам, у которых живы отец и мать, исполнить песню. Мы здесь назначим суммы на расходы по выполнению священных обрядов, мы назначим все принадлежности жертвоприношений, мы назначим обход полей».

XX. (1) После этого многие сенаторы были опрошены и высказали свое мнение; приводить эти мнения было бы слишком долго. (2) Затем одни протягиванием руки, другие переходом, а многие словесно выразили свое согласие, и было составлено постановление сената. (3) Затем пошли в храм, обратились к книгам, извлекли стихи, произвели очищение города, пропели песни, совершили обход города, обещали обход полей, и, таким образом, было выполнено предписание насчет торжественного обряда. (4) Письмо Аврелиана по поводу Сивиллиных книг (я привожу его для подтверждения рассказанного): (5) «Я удивляюсь, бе-

зупречные отцы сенаторы, тому, что вы так долго колебались, прежде чем раскрыть Сивиллины книги, как будто вы рассуждали в христианской церкви, а не в храме всех богов. (6) Действуйте же и нравственной чистотой понтификов и торжественными священнодействиями помогите государю, пекущемуся о государственных нуждах. (7) Пусть обратятся к книгам; если следует что-либо сделать, пусть это будет совершено. Я не отказываю в средствах на любой расход, в присылке пленников из любого племени, в выдаче любых царских животных, — все это я охотно предлагаю: ведь нет ничего позорного в том, чтобы победить с помощью богов. У наших предков так было закончено много войн, так же и начато. (8) На случай расходов я отправил префекту государственного казначейства письмо с приказом назначить средства. Кроме того, вам подведомственна государственная касса, которая, как нахожу, наполнена больше, чем мне это желательно».

XXI. (1) Когда Аврелиан, сосредоточив в одном месте свое войско, пожелал вступить в столкновение со всеми врагами, он потерпел под Плаценцией такое поражение, что Римская империя едва не распалась. (2) Причиной такой опасности было коварное и хитрое движение варваров. (3) Не будучи в состоянии вступить в открытый бой, они скрылись в очень густых лесах и таким образом с наступлением вечера привели в замешательство наших. (4) В сущности, если бы благодаря божьей помощи вследствие обращения к Сивиллиным книгам и заботе о выполнении жертвоприношений варвары не были окружены ужасными видениями и божественными призраками, то не было бы у римлян победы. (5) Окончив борьбу с марко-

маннами, Аврелиан, человек по природе жесткий, устремился в Рим преисполненный гнева и охваченный жадой мщения, которого требовала серьезность мятежей. Во всех других отношениях человек превосходный, он здесь грубо проявил свою власть: казнив зачинщиков мятежа, он произвел кровавое усмирение там, где можно было воздействовать более мягкими мерами. (6) Были убиты даже некоторые из родовитых сенаторов на основании легковесных обвинений, которые более мягкий государь мог бы оставить без внимания, исходивших от одного единственного свидетеля, притом ненадежного или ничтожного. (7) Но к чему много слов? Свое правление, бывшее до того столь славным и обещавшее, и не напрасно, быть таким же и впредь, он запятнал таким прискорбным и бесславным поступком. (8) Этот превосходный государь стал внушать страх, а не любовь; одни говорили, что такого государя надо глубоко ненавидеть, а не считать желанным; другие — что он хороший врач, но лечит дурным способом. (9) После этих событий, увидев, что может повториться нечто, подобное тому, что было при Галлиене, он, посоветовавшись с сенатом, расширил стены Рима. Однако добавление к померию он сделал не в это время, а позднее. (10) Делать добавление к померию дозволено только тому государю, который обогатил Римское государство какой-нибудь частью варварской земли. (11) Добавление сделал Август, сделал Траян, сделал Нерон, в правление которого были подчинены мощи Рима Полемонов Понт и Коттийские Альпы .

XXII. (1) Закончив все дела, связанные с укреплениями, устройением города и восстановлением гражданского порядка, он направился против

пальмирцев, то есть против Зенобии, которая от имени своих сыновей держала в своих руках власть на Востоке. (2) По пути он вел много разного рода больших войн. Так, он победил варваров, встретившихся с ним во Фракиях и в Иллирике, а за Дунаем уничтожил вождя готов Каннаба, или Каннабауда, с пятью тысячами человек. (3) Оттуда через Византий он прошел к Вифинии и занял ее без боя. (4) Много славных дел и слов он там совершил и сказал, но включить все это в свою книгу мы не можем и не хотим, боясь наскучить читателям. Однако для понимания нравов и доблестей Аврелиана кое-что узнать следует. (5) Дойдя до Тианы и найдя ее запертой, он, говорят, в гневе воскликнул: «Собаки живой не оставлю в этом городе!». (6) Благодаря решению воинов, воодушевленных надеждой на добычу, и измене некоего Геракламмона, предавшего свою родину из страха быть убитым среди прочих, город был взят.

XXIII. (1) Тут Аврелиан, действительно императорски, принял два решения, из которых одно показывает его строгость, а другое — мягкость. (2) Мудрый победитель убил Геракламмона, предателя своей родины; когда же воины, согласно его слову о том, что он не оставит в Тиане живой собаки, требовали разрушения города, он ответил: «Да, я объявил, что в этом городе не оставлю ни одной собаки: всех собак убивайте!». (3) Благородно слово государя, но еще благороднее поведение воинов, так как шутку государя, из-за которой все войско лишилось добычи, но сохранился целый город, войско приняло так, словно его наделили богатством. (4) Письмо по поводу Геракламмона: «Аврелиан Август Маллию Хилону. Я позволил убить того, от кого я, как бы

в виде благодеяния, получил Тиану. Я не мог чувствовать расположение к предателю и охотно примирился с тем, что воины убили его. Ведь тот, кто не пощадил своей родины, не мог бы сохранить верность и по отношению ко мне. (5) В сущности, из всех тех, кто был осажден, пал он один. Не могу отрицать того, что он был богатым человеком, но его состояние я отдал его детям, чтобы никто не мог обвинить меня в том, что я допустил убийство богатого человека ради его денег».

XXIV. (1) Взят был город удивительным образом. Когда Геракламмон показал приподнятое в виде естественной насыпи место, куда мог подняться в императорском одеянии Аврелиан, последний взошел туда и, подняв свою пурпурную хламиду, показал себя гражданам, находившимся в городе, и воинам, бывшим вне его, и таким образом был взят этот город, словно все войско Аврелиана было уже на стенах. (2) Нельзя умолчать об обстоятельстве, которое имеет отношение к славе высокочтимого мужа. (3) Передают, что Аврелиан действительно сказал и действительно думал о разрушении города Тианы. Однако в то время, когда он удалялся в свою палатку, перед ним внезапно предстал в том виде, в каком его обычно можно видеть, Аполлоний Тианский, прославленный молвою и пользующийся великим авторитетом мудрец, древний философ и истинный друг богов, который и сам должен быть предметом поклонения, подобно божеству. Он сказал полатини, чтобы его мог понять уроженец Паннонии, следующие слова: (4) «Аврелиан, если ты хочешь победить, то тебе не следует помышлять об убийстве моих сограждан. Аврелиан, если ты хочешь быть императором, воздержись от пролития кро-

ви безвинных. Аврелиан, будь милостив, если ты хочешь жить». (5) Аврелиан был знаком с обликом высокочтимого философа и видел его изображение во многих храмах. (6) Словом, пораженный Аврелиан сразу обещал ему изображение, статуи и храм и изменил к лучшему свой образ мыслей. (7) Обо всем этом я узнал от почтенных людей и прочитал в книгах Ульпиевой библиотеки; принимая во внимание величие Аполлония, я еще больше поверил этому. (8) Действительно, был ли среди людей человек более безупречный, более чтимый, более значительный и более божественный? Умершим он возвращал жизнь; он сделал и сказал многое такое, чего не в силах сделать и сказать люди. Кто хочет узнать об этом, пусть прочтет греческие книги, в которых описана его жизнь. (9) Я сам, если хватит моей жизни и поможет милость этого мужа, опишу хотя бы вкратце деяния столь великого мужа не потому, чтобы дела этого мужа нужно было поддерживать моим словом, но для того, чтобы всеми голосами прославлялось то, что достойно удивления.

XXV. (1) Отвоевав обратно Тиану, Аврелиан, пообещав всем неприкосновенность, овладел Антиохией после небольшого сражения под Дафной. С этих пор он, как указывают, повинуюсь наставлениям высокочтимого мужа Аполлония, стал более человечным и милостивым. (2) Затем под Эмесой произошел крупный бой с Зенобией и ее союзником Забой, где должен был решиться вопрос о верховной власти. (3) Когда утомленные всадники Аврелиана уже готовы были отступить и обратиться вспять, внезапно, как выяснилось впоследствии, под воздействием божества, так как некий божественный образ ободрял воинов, пехо-

тинцы восстановили порядок среди всадников. Зенобия вместе с Забой была обращена в бегство, и одержана полная победа. (4) Спасши положение на Востоке, Аврелиан победителем вступил в Эмесу и немедленно направился в храм Гелиогабала под предлогом выполнения обетов от имени всех. (5) Там он и нашел тот образ божества, который, как он видел, покровительствовал ему на войне. (6) Поэтому он и здесь заложил храмы, сделав необыкновенные приношения, и в Риме соорудил храм Солнцу, освященный с великим торжеством, как мы расскажем в своем месте.

XXVI. (1) После этого он направил путь в Пальмиру, чтобы завоеванием этого города положить конец трудам. В пути он много перенес от сирийских разбойников, которые не раз устраивали дурной прием его войску; и во время осады он подвергался большой опасности, даже был ранен стрелой. (2) Имеется его собственноручное письмо, посланное им Мукапору, где он, отложив в сторону свою императорскую гордость, признает трудность этой войны: (3) «Римляне говорят теперь, что я веду войну против женщины, как будто со мной сражается одна Зенобия и только своими собственными силами, однако врагов здесь столько, как если бы мне приходилось осаждать мужчину; но они — под начальством женщины, которая гораздо слабее из-за страха и нечистой совести. (4) И выразить нельзя, сколько тут стрел, какое военное снаряжение, сколько копий, сколько камней. Нет ни одного места на стене, где не стояло бы по две и по три баллисты. Метательные орудия выбрасывают даже огонь. (5) Но к чему распространяться? Она боится как женщина и сражается как мужчина, который боится наказания.

Но я верю, что боги помогут Римскому государству: они никогда не отказывали в содействии нашим начинаниям». (6) Наконец, утомленный, уставший от бедствий, Аврелиан послал Зенобии письмо, предлагая ей сдаться и обещая сохранить ей жизнь. Даю копию этого письма: (7) «Аврелиан, император Римского государства, отвоевавший Восток, Зенобии и всем тем, кто воюет сообща с ней. (8) Вы должны были бы сами сделать то, чего я требую от вас теперь в моем письме. Я предписываю вам сдаться и обещаю сохранить неприкосновенной вашу жизнь, причем ты, Зенобия, будешь жить вместе со своими в том месте, куда я помещу тебя согласно решению блистательного сената. (9) Драгоценные камни, золото, серебро, шелк, коней, верблюдов вы должны передать в римское государственное казначейство. Пальмирцам будут оставлены их права».

XXVII. (1) Получив это письмо, Зенобия ответила более высокомерно и заносчиво, чем позволяло ее положение, думаю, для того, чтобы устранить врагов. Копию ее письма я также привожу здесь: (2) «Зенобия, царица Востока, Аврелиану Августу. Никто, кроме меня, до сих пор не просил в письме того, чего требуешь ты. На войне все решает доблесть. (3) Ты предлагаешь мне сдаться, как будто не знаешь, что царица Клеопатра предпочла умереть, а не жить в каком угодно почете. (4) Персы не отказываются прислать мне на помощь войска, и мы уже ждем их; за нас стоят сарацины, за нас — армяне. (5) Твое войско, Аврелиан, победили сирийские разбойники. Что же? Если соберутся все вооруженные силы, которые ожидаются со всех сторон, тебе придется отказаться от той надменности, с какой ты пове-

леваешь мне теперь сдаться, как будто ты в полной мере победитель». (6) Это письмо, продиктованное самой Зенобией, Никомах, по его словам, перевел с сирийского языка на греческий. Ведь и приведенное выше письмо Аврелиана было написано по-гречески.

XXVIII. (1) Получив это письмо, Аврелиан не смутился, напротив — он даже разгневался. Собрав немедленно свое войско и своих начальников, он со всех сторон осадил Пальмиру; решительный вождь ничего не упустил из виду: все довел до конца, обо всем позаботился. (2) Он перехватил отряды, которые были посланы на помощь персами, подкупил конные отряды сарацинов и армян, и, действуя то жестко, то мягко, привлек их на свою сторону. Наконец, пустив в ход большие силы, он победил эту могущественнейшую женщину. (3) Когда побежденная Зенобия пыталась бежать на верблюдах, которых называют беговыми, и направилась к персам, она была захвачена посланной вдогонку конницей и передана в руки Аврелиана. (4) Победитель и уже владыка всего Востока, державший в оковах Зенобию, стал проявлять при переговорах с персами, армянами, сарацинами по поводу дел, возникавших в связи с тогдашним положением, слишком большое высокомерие и заносчивость. (5) Тогда были привезены те осыпанные драгоценными камнями одеяния, которые мы видим в храме Солнца, тогда же — и персидские драконы, и тиары, и тот род порфиры, какого впоследствии не присылало ни одно племя и какого не видал еще римский мир. О ней хочется сказать хоть немного.

XXIX. (1) Вы помните, что в храме Юпитера Капитолийского, всеблагого и величайшего, на-

ходиллся небольшой пурпурный шерстяной греческий плащ; когда матроны и даже сам Аврелиан приближали к нему свои пурпурные одежды, последние при сравнении с его божественным блеском теряли свою окраску и приобретали пепельный цвет. (2) Говорят, что персидский царь, получив этот подарок от индийцев, живущих во внутренних частях страны, прислал его Аврелиану и при этом написал ему: «Прими пурпурную одежду, какая бывает у нас». Но это была неправда. (3) Ведь впоследствии и Аврелиан, и Проб, и еще недавно Диоклетиан разыскивали подобного рода пурпур, послав для этого самых старательных мастеров, но найти его не могли. Говорят, что такой пурпур дает индийская киноварь, если уметь с ней обращаться.

XXX. (1) Но, чтобы вернуться к начатому рассказу, среди воинов поднялся необыкновенный шум: все они требовали наказания Зенобии. (2) Аврелиан, однако, считал недостойным убить женщину; казнив большинство тех, по чьему подстрекательству она начала, подготовила и вела войну, он сохранил эту женщину для триумфа, чтобы показать ее очам римского народа. (3) Из числа тех, кто был убит, тяжкой, как передают, была утрата философа Лонгина, под руководством которого Зенобия, как говорят, изучала греческую литературу. Аврелиан, говорят, казнил его потому, что гордое письмо Зенобии было, как говорили, написано по его совету, хотя оно и было составлено на сирийском языке. (4) Итак, установив мир на всем Востоке, Аврелиан вернулся победителем в Европу. Там он разбил войска карпов и, когда сенат дал ему в его отсутствие прозвание Карпского, он, говорят, прислал шуточный ответ:

«Недостает только того, отцы сенаторы, чтобы вы назвали меня еще Карписклом». (5) Всем известно, что карпискл — это особый род обуви. Такое прозвание казалось безобразным, тогда как он уже назывался Готским, Сарматским, Армянским, Парфянским и Адиабенским.

XXXI. (1) Редко бывает, чтобы сирийцы сохранили верность, им это даже трудно. Когда Аврелиан был занят европейскими делами, пальмирцы, уже побежденные и разбитые, подняли крупное восстание. (2) Сандариона, которого Аврелиан оставил там с гарнизоном, они убили вместе с шестьюстами стрелков и вручили власть некоему Ахиллу, родственнику Зенобии. (3) Однако Аврелиан в полной готовности вернулся с Родопы и разрушил город, так как он того и заслуживал. (4) Словом, жесткость Аврелиана или, как выражаются некоторые, его строгость заходила слишком далеко, так что в одном известном письме сам он открыто сознается в том, что проявил самую лютую ярость. Вот его копия: (5) «Аврелиан Август Церронию Бассу. Не следует долее давать волю мечам воинов. Довольно уже зарублено и зарезано пальмирцев. Мы не пощадили женщин, мы перебили детей, перерезали стариков, истребили жителей деревень. (6) Кому же мы оставим потом землю, кому оставим город? Надо пощадить тех, кто остался в живых. Я уверен, что эти, столь немногие, исправились после наказания многих. (7) Я хочу привести в прежний вид храм Солнца, который разграбили в Пальмире орлоносцы третьего легиона вместе с знаменосцами, дракононосцем, горнистами и трубачами. (8) У тебя есть триста фунтов золота из ларцов Зенобии, у тебя есть тысяча восьмьсот фунтов серебра из пальмирского добра, у тебя есть

царские драгоценные камни. (9) Имея все это, постарайся почтить храм. Этим ты очень угодишь и мне, и бессмертным богам. Я напишу сенату и попрошу прислать понтифика, который произвел бы освящение храма». (10) Это письмо, как мы видим, указывает на то, что суровый император насытил свою лютую жестокость.

XXXII. (1) Наконец, он вторично, но уже чувствуя себя в большей безопасности, вернулся в Европу и, проявляя свою прославленную доблесть, разбил бродивших здесь врагов. (2) Между тем, пока Аврелиан совершал во Фракиях и по всей Европе свои необыкновенные подвиги, появился некий Фирм, который, не имея никаких законных знаков власти, завладел Египтом, словно последний был независимым государством. (3) Аврелиан немедленно обратился против него, и его обычное счастье не изменило ему: он тотчас же отвоевал обратно Египет. Как человек жестокий, Аврелиан отомстил за замыслы. Пылая сильным гневом из-за того, что Тетрик до сих пор еще держит в своей власти Галлии, он устремился на запад. Тетрик сам передал ему свое войско, так как не мог больше выносить злодеяний последнего. Аврелиан принял власть над переданными ему легионами. (4) Став, таким образом, государем всего мира, усмирив Восток, галлов и все земли со всех сторон, Аврелиан направил свой путь в Рим, чтобы представить очам римлян триумф над Зенобией и над Тетриком, то есть над Востоком и над Западом.

XXXIII. (1) Не будет уклонением в сторону дать понятие о том, какой был триумф Аврелиана: ведь он был очень блестящим. (2) Там было три царские колесницы; из них одна — колесни-

ца Одената, отделанная и разукрашенная серебром, золотом и драгоценными камнями; вторая — присланная персидским царем в подарок Аврелиану, такой же искусной работы; третья — которую сделала для себя Зенобия, надеясь вступить в ней в город Рим. И в этом она не ошиблась: вместе с ней она вошла в Рим побежденная, в чужом триумфе. (3) Была еще одна колесница, запряженная четырьмя оленями, она, говорят, принадлежала царю готов. На ней, как передают многие, Аврелиан въехал на Капитолий, чтобы там заклать оленей; говорят, что он захватил их вместе с колесницей и посвятил Юпитеру всеблагому и величайшему. (4) Впереди шло двадцать слонов, двести различных прирученных диких животных из Ливии и Палестины — Аврелиан немедленно раздал их частным лицам, чтобы не отягощать императорскую казну их прокормом; четыре тигра, жирафы, лоси и другие подобные звери — в полном порядке; восемьсот пар гладиаторов, не считая пленников из варварских племен, — блеммии, аксомиты, арабы из Счастливой Аравии, индийцы, бактрийцы, иберы, сарацины, персы, — все с произведениями своих стран; готы, аланы, роксоланы, сарматы, франки, свевы, вандалы, германцы со связанными руками как пленники. (5) Среди них шли впереди и уцелевшие знатнейшие лица города Пальмиры, и египтяне — в наказание за восстание.

XXXIV. (1) Вели и десять женщин, которые сражались в мужской одежде среди готов и были взяты в плен, тогда как много других женщин было убито; надпись указывала, что они из рода амазонок: впереди несли надписи, указывавшие названия племен. (2) Тут же был Тетрик, одетый

в алую хламиду, желто-зеленую тунику, галльские брюки, рядом с ним шел его сын, которого он объявил в Галлии императором. (3) Выступала и Зенобия в украшениях из драгоценных камней, в золотых цепях, которые поддерживали другие. Впереди несли золотые венки от всех городов; названия последних были обозначены в высоко поднятых надписях. (4) Много блеска придавали торжественному шествию сам римский народ, затем знамена коллегий и лагерей, воины, воины-панцирники, сокровища царей, все войско и сенат, хотя и несколько опечаленный, так как сенаторы видели, что над ними справляется триумф. (5) Наконец, лишь в девятом часу он прибыл на Капитолий и поздно вечером — в Палатинский дворец. (6) В следующие дни для народа были устроены развлечения — театральные представления, цирковые игры, охоты, бои гладиаторов, морские сражения.

XXXV. (1) Я не считаю возможным обойти молчанием то, о чем помнит народ и неоднократно сообщает достоверная история. Отправляясь на восток, Аврелиан обещал народу венки весом по два фунта, если он вернется победителем. Народ ожидал золотых венков, но Аврелиан либо не хотел, либо не мог дать их и велел сделать венки из хлеба, который теперь называется крупитчатым, и дать каждому из граждан, причем каждый мог получать свой крупитчатый хлеб в течение всей своей жизни и передать это право по наследству своим потомкам. (2) Аврелиан же раздавал римскому народу и свиное мясо, которое распределяется и донныне. (3) Он установил очень много законов, притом благодетельных. Он учредил жреческие должности, заложил храм Солнца и

укрепил его портиками. Он назначил также средства для починки храмов и вознаграждения служителям культа. (4) После этого он отправился в Галлию и освободил винделиков от осады, в которой их держали варвары. Затем он вернулся в Иллирик и, собрав скорее большое, нежели огромное войско, объявил войну персам, которых он разбил с великой славой уже в то время, когда победил Зенобию. (5) Но в пути, в местечке Кенотрурии, находящемся между Гераклеей и Византием, он был убит по злому умыслу своего письмоводителя и рукою Мукапора.

XXXVI. (1) Я вкратце изложу, что было причиной его убийства и каким образом оно было совершено, для того чтобы подробности такого события не остались неизвестными. (2) Аврелиан был, отрицать этого нельзя, государем суровым, жестоким, кровожадным. (3) Так как в своей суровости он дошел до того, что велел убить дочь своей сестры, хотя обвинение против нее было незначительное и недостаточно веское, то он прежде всего возбудил ненависть к себе со стороны своих же близких. (4) Случилось — так роковым образом складываются обстоятельства, что своими угрозами он вызвал ненависть к себе со стороны подозреваемого им в чем-то Мнестея, который был у него письмоводителем по секретным бумагам и, как говорят, его вольноотпущенником. (5) Зная, что Аврелиан никогда не грозит попусту, а если грозит, то никогда не прощает, Мнестей составил список имен, в котором были перемешаны с именами тех, на кого Аврелиан действительно гневался, также имена тех, о ком он не думал ничего дурного, и добавил к ним свое имя для того, чтобы проявляемое им беспокой-

ство вызвало больше доверия. Список он прочитал отдельным лицам, имена которых в нем значились, добавляя, что Аврелиан решил всех их убить и что они, если они настоящие мужчины, должны позаботиться о собственной жизни. (6) Страх овладел теми, кто заслужил кару, а скорбь — теми, кто не имел вины, так как Аврелиан, казалось, не чувствовал признательности за все оказанные ему благодеяния и услуги, и они в пути, в вышеназванном месте, внезапно напали на государя и умертвили его.

XXXVII. (1) Таков был конец Аврелиана, государя скорее необходимого, нежели хорошего. Когда он был убит, и все это дело раскрылось, то те же самые люди, которые умертвили его, почили его огромной гробницей и храмом. (2) Впоследствии Мнестей был подвешен к столбу и отдан на растерзание диким зверям, на что указывают мраморные статуи, поставленные по обе стороны там, где были воздвигнуты на колоннах и статуи в честь божественного Аврелиана. (3) Тяжкую скорбь испытал по поводу его смерти сенат, но еще более тяжкую — римский народ, который обычно называл Аврелиана дядькой сенаторов. (4) Он был императором пять лет и шесть месяцев без нескольких дней и за свои великие деяния был причислен к богам. (5) Я не счел себя в праве умолчать о том, что сообщается в истории, так как это имеет отношение к Аврелиану. Многие передают, что брат Клавдия Квинтилл, оставленный для охраны Италии, услышав о смерти Клавдия, взял на себя императорскую власть. (6) Но потом, когда стало известно, что императором стал Аврелиан, все войско покинуло его. Он выступил с речью против Аврелиана, но вои-

ны не слушали его; тогда он, перерезав себе вены, погиб на двадцатый день своей власти. (7) Аврелиан совершенно очистил весь мир от всего того, что было преступным, от всего того, что порождено нечистой совестью или пагубными ухищрениями, наконец, — от всяких интриг.

XXXVIII. (1) Некоторый интерес представляет, как я полагаю, и то, что Зенобия держала в своих руках власть от имени своего сына Вабалата, а не Тимолая и Геренниана. (2) В правление Аврелиана была также война с работниками монетного двора, которыми руководил счетный чиновник Фелициссим. Аврелиан подавил восстание чрезвычайно жестоко и сурово, но при этом было убито семь тысяч его собственных воинов, как это можно видеть из письма, посланного им Ульпию Криниту, бывшему в третий раз консулом, — тому, который когда-то усыновил его: (3) «Аврелиан Август своему отцу Ульпию. Какие бы войны я ни вел, все они, словно так предопределено судьбой, непременно осложняются всякого рода волнениями; так и вспыхнувший в стенах города мятеж породил в высшей степени тяжелую войну. Работники монетного двора под руководством Фелициссима, самого последнего из рабов, которому я поручил управление императорским казначейством, поднялись, преисполненные непокорного духа. (4) Их восстание было подавлено, причем погибло семь тысяч лембариев, рипарийцев, кастрианов и даков. Отсюда ясно, что бессмертные боги не дали мне ни одной победы без трудностей».

XXXIX. (1) Тетрика, над которым он справил триумф, он назначил корректором Лукании, сына же его оставил в сенате. (2) Он выстроил велико-

лепный храм Солнца. Он расширил стены города Рима, так что окружность его стен равнялась почти пятидесяти милям. (3) Ябедников и доносчиков он преследовал с необыкновенной строгостью. Ради спокойствия частных лиц он велел раз навсегда сжечь на форуме Траяна государственные списки должников. (4) При нем была объявлена амнистия по государственным преступлениям по примеру афинян (о чем упоминает и Туллий в своих Филиппиках). (5) Грабителей провинций, уличенных в казнокрадстве и вымогательстве, он преследовал с более чем военной строгостью и карал жесточайшими казнями и истязаниями. (6) В храм Солнца он поместил много золота и драгоценных камней. (7) Видя, что Иллирик опустошен и Мезия разорена, он покинул созданную Траяном задунайскую провинцию Дакию, уведя оттуда войско и провинциалов, так как потерял надежду удержать ее; увезенных оттуда людей он поселил в Мезии и назвал своей Дакией область, которая сейчас разделяет две Мезии. (8) Кроме того, он, говорят, отличался такой жестокостью, что выдвигал против многих сенаторов вымышленные обвинения в интригах, направленных к составлению заговоров и установлению тирании, для того чтобы получить возможность легко казнить их. (9) Некоторые добавляют, что он лишил жизни не дочь своей сестры, а сына, но очень многие утверждают, что и сына сестры.

XL. (1) Как трудно избрать императора на место хорошего государя, это доказано и твердостью, проявленной безупречным сословием сенаторов, и авторитетным волеизъявлением благоразумного войска. (2) После убийства столь сурового государя войско поручило сенату избрание нового императора,

не считая возможным поставить кого-либо из тех, кто убил столь хорошего государя. (3) Однако сенат передал это же поручение об избрании обратно войску, зная, что воины уже неохотно принимают тех императоров, которых избрал сенат. (4) Словом, это повторилось три раза, так что в течение шести месяцев римский мир не имел императора, а судьи оставались те же, каких выбрал сенат или Аврелиан, только вместо Ареллия Фуска проконсулом Азии был назначен Фальтоний Проб.

XLI. (1) Небезынтересно поместить здесь самое письмо, посланное войском сенату: «Счастливые и храбрые войска римскому сенату и народу. Наш император Аврелиан лишился жизни вследствие коварства одного человека и заблуждения хороших и дурных людей. (2) Причислите его к богам, безупречные и почтенные господа отцы сенаторы, и пришлите нам государя из вашей среды, но такого, кто по вашему суждению, является достойным. Ведь никому из тех, кто находился в заблуждении или совершил злодеяние, мы не позволим властвовать над нами». (3) Ответ был дан на основании сенатского постановления. Когда за два дня до февральских нон блистательный сенат собрался в Помпилиевой курии, консул Аврелий Гордиан сказал: «Докладываем вам, отцы сенаторы, письмо от счастливейшего войска». (4) По прочтении письма сенатор Аврелий Тацит, имевший право первым высказывать свое мнение (после Аврелиана он был единогласно провозглашен императором), сказал так: (5) «Правильным и надлежащим, отцы сенаторы, было бы решение бессмертных богов, чтобы хорошие государи были неуязвимы для железа, для того чтобы они могли проводить более долгую жизнь и чтобы те, кто в

своих черных мыслях задумывает незаконные убийства, не могли каким-либо образом посягнуть на них. (6) Был бы тогда жив государь Аврелиан, храбрее и полезнее которого не было никого. (7) После несчастья Валериана, после бедствий от Галлиена наше государство впервые свободно вздохнуло в правление Клавдия и только в правление Аврелиана, одерживавшего победы во всем мире, оно было нам возвращено. (8) Он дал нам Галлии, он освободил Италию, он избавил винделиков от ига и рабства у варваров. Его победами восстановлен Иллирик, возвращены под власть римских законов Фракии. (9) Он вернул под нашу власть Восток, томившийся — о позор! — под гнетом женщины; персов, которые до того хвастались убийством Валериана, он разбил, обратил в бегство, сокрушил. (10) Сарацины, блеммии, аксомиты, бактрийцы, серы, иберы, албанцы, армяне, даже индийские народы чтили его почти как воплощенного бога. (11) Дарами, которые он получил от варварских племен, полон Капитолий. Один храм, благодаря его щедрости, владеет пятнадцатью тысячами фунтов золота; все святилища в городе сияют благодаря его дарам. (12) Поэтому, отцы сенаторы, я готов судиться с самими бессмертными богами, которые допустили гибель такого государя, если только они не предпочли иметь его при себе. (14) Итак, я предлагаю назначить ему божеские почести и думаю, что все вы сделаете то же самое. Избрание императора, я полагаю, следует поручить тому же войску. (14) В самом деле, если при решении вопросов такого рода не поступить так, как сказано, то возникнет и опасность для того, кто избран, и ненависть против того, кто избирал». (15) Мнение Тацита полу-

чило одобрение. Однако ввиду того, что к сенату снова и снова приходили послы, Тацит стал императором на основании сенатского постановления.

XLII. (1) Аврелиан оставил только одну дочь, потомки которой еще и теперь живут в Риме. (2) Тот Аврелиан, который был проконсулом Киликии, превосходный сенатор, человек действительно высоких правил и почтенного образа жизни, живущий теперь в Сицилии, является его внуком. (3) Чем мне объяснить то, что хороших государей было так мало, хотя Цезарей было большое количество? В государственном списке содержится последовательный ряд порфиросцев, начиная с Августа и до государей Диоклетиана и Максимиана. (4) Среди них лучшими являются сам Август, Флавий Веспасиан, Флавий Тит, Кокцей Нерва, божественный Траян, божественный Адриан, Антонины Пий и Марк, Север-африканец, Александр, сын Маммеи, божественный Клавдий и божественный Аврелиан. Что же касается Валериана, то, хотя сам он и был превосходным, но его несчастливая судьба отгородила его от всех прочих. (5) Подумай, прошу тебя, как мало хороших государей, так что правильно сказал во времена этого Клавдия один мимический шут, что в одно кольцо можно вписать имена и сделать там изображения хороших государей. (6) Напротив того, как длинен ряд плохих императоров! Чтоб уж не говорить о Вителлиях, Калигулах и Неронах, — кто мог бы перенести Максиминов, Филиппов и всех прочих, эти подонки беспутной толпы! Правда, я должен сделать исключение для Дециев, образ жизни и смерть которых позволяют сравнивать их с древними.

XLIII. (1) Спрашивается, что делает государей дурными. Прежде всего, друг мой, безнаказан-

ность, затем обилие всяких средств; кроме того, бесчестные друзья, заслуживающие проклятия прислужники, алчные евнухи, глупые или презренные придворные и, чего нельзя отрицать, неосведомленность в государственных делах. (2) Я слышал от своего отца, что император Диоклетиан, став уже частным человеком, говорил, что нет ничего более трудного, чем быть хорошим императором. (3) Собираются четверо-пятеро человек, договариваются между собой обманывать императора и подсказывают ему, что он должен утвердить. (4) Император, запертый в своем доме, не знает истины. Он вынужден знать только то, что говорят ему эти люди; он назначает судьями тех, кого не следовало бы назначать, отстраняет от государственных дел тех, кого он должен был бы привлекать. Но к чему много слов? Как говорил сам Диоклетиан, хорошего, осторожного, превосходного государя продают за деньги. (5) Это слова Диоклетиана; я включил их в свой рассказ для того, чтобы твоя мудрость знала, что нет ничего более трудного, чем быть хорошим государем.

XLIV. (1) Правда, многие не причисляют Аврелиана ни к хорошим, ни к дурным государям, потому что ему недоставало милосердия, первого свойства императоров. (2) Префект претория Диоклетиана Верконний Геренниан, по свидетельству Асклепиодота, часто говорил, что Диоклетиан, укоряя Максимиана за его свирепость, не раз повторял, что Аврелиану следовало бы скорее быть полководцем, нежели государем. Ему не нравилась его чрезмерная жестокость. (3) Может быть, кому-либо кажется удивительным то, что Асклепиодот, как передают, узнал от Диоклетиана и сообщил Цельзину, своему советнику; но об этом

будут судить потомки. (4) Он утверждал, что Аврелиан обратился как-то к галльским друидессам с вопросом, останутся ли у власти его потомки. Те, по его словам, ответили, что в государстве не будет более славного имени, чем имя потомков Клавдия. (5) И уже есть император Констанций, человек той же крови, а его потомки, думается, достигнут той славы, какая была предсказана друидессами. Я включил это в жизнеописание Аврелиана потому, что такой ответ был дан самому Аврелиану на поставленный им вопрос.

XLV. (1) Аврелиан установил на вечные времена подать из Египта в пользу города Рима в виде стекла, бумаги, полотна, пеньки и других вывозных товаров. (2) Он готовился выстроить в Затибском районе Аврелиевы зимние термы, так как там не было достаточно холодной воды. В области Остии он начал строить у моря форум своего имени. Впоследствии здесь было выстроено государственное присутственное место. (3) Своих друзей он обогащал пристойным образом и умеренно, чтобы избавить их от лишений, связанных с бедностью, и для того, чтобы они благодаря скромности своего состояния избегли зависти, которую вызывает богатство. (4) Одежд из чистого шелка он и сам не имел в своем гардеробе и другим не давал для ношения. (5) Когда жена попросила его позволить ей иметь один багряный греческий шелковый плащ, он ответил: «Да не будет того, чтобы нитки ценились на вес золота», — дело в том, что в это время фунт шелка стоил фунт золота.

XLVI. (1) Он намеревался запретить употребление золота для украшения сводчатых потолков, туник, кожаных изделий и для сплавки с серебром и говорил, что золота в природе больше, чем

серебра, но золото бесполезно тратится на всякого рода блески, нити и плавку, серебро же употребляется в своем естественном виде. (2) Он же разрешил желающим пользоваться золотыми сосудами и бокалами. (3) Кроме того, он позволил частным лицам иметь парадные колесницы, выложенные серебром, тогда как раньше были повозки, выложенные медью и слоновой костью. (4) Он же дал право матронам носить багряные туники и другие одежды, тогда как раньше они носили цветные и — самое большее — цвета опала. (5) Он же первый дал право рядовым воинам носить золотые застёжки, тогда как раньше они носили серебряные. (6) Он первый дал воинам одежды с цветными шелковыми полосами, тогда как прежде они получали одежды с прямыми пурпурными полосами; одним он дал одежды в одну полосу, другим — в две, в три, до пяти полос, подобно нынешним полотняным.

XLVII. (1) Из египетской подати он добавил одну унцию к хлебам, выпекавшимся в городе Риме. Он сам хвалится этим в одном письме, написанном им префекту продовольственного снабжения Рима: (2) «Аврелиан Август префекту продовольственного снабжения Флавию Арабиану. Среди прочего, чем мы благодаря покровительству богов помогли Римскому государству, я больше всего горжусь тем, что увеличил все виды продовольственных пайков в городе на одну унцию. (3) Для того чтобы эта мера стала постоянной, я поставил в Египте новых нильских корабельщиков, а в Риме — речных, поднял берега Тибра, прокопал проход там, где дно поднялось, дал новые обеты богам и долговечности, освятил кормилицу Цереру. (4) Теперь твое дело, милейший Ара-

биан, постараться, чтобы мои распоряжения не оказались тщетными. Ведь ничто не доставляет большей радости, чем сытость римского народа».

XLVIII. (1) Он решил производить и даровую раздачу вина римскому народу, чтобы наравне с даровым маслом, хлебом и свиной выдалось и вино; этой мере, которая должна была стать постоянной, он придумал следующий вид. (2) В Этрурии по Аппиевой дороге, вплоть до приморских Альп, тянутся на огромном пространстве плодородные и покрытые лесами земли. Он решил отдавать хозяевам даром столько необработанной земли, сколько они захотят, и, поселив там рабов из числа пленных, засадить горы виноградными лозами, а получаемое отсюда вино раздавать так, чтобы императорская казна не получала отсюда никакого дохода, но отдавала все вино в распоряжение римского народа. Был уже произведен расчет количества единиц меры, бочек, кораблей, рабочих рук. (3) Многие, однако, говорят, что Аврелиану отсоветовали делать это, а по словам других, этому воспротивился и префект претория, который, как говорят, заметил ему: «Если мы даем римскому народу и вино, то остается только раздавать ему цыплят и гусей». (4) Доказательством того, что Аврелиан действительно думал об этом, даже решил осуществить это и частично привел в исполнение, служит то, что в портиках храма Солнца помещается казенное вино, отпускаемое народу не даром, а за деньги. (5) Следует, однако, знать, что Аврелиан три раза производил раздачу, подарил римскому народу также белые туники с длинными рукавами, привезенные из разных провинций, а также чистольняные африканские и египетские; он же первый подарил рим-

кому народу платки для того, чтобы народ пользовался ими для выражения своего расположения.

XLIX. (1) Бывая в Риме, он не любил жить в Палатинском дворце и предпочитал проживать в садах Саллюстия или Домиции. (2) В садах Саллюстия он отделал портик в тысячу шагов длиной и, ежедневно упражняясь в нем, утомлял и себя, и своих коней, даже когда был не совсем здоров. (3) Своих провинившихся рабов и служителей он приказывал сечь в своем присутствии, по словам многих, ради соблюдения строгости, по словам других, из жестокости. (4) Свою служанку, которая вступила в любовную связь со своим сотоварищем — рабом, он наказал смертью. (5) Многих из своих собственных рабов он за провинности передавал в общие суды, чтобы с ними поступили по закону. (6) Он хотел вернуть матронам их сенат, или сенакул, с тем, чтобы там первыми были те, кого сенат удостоил жреческого сана. (7) Он запретил всем мужчинам носить красные, желтые, белые, зеленые башмаки, а женщинам разрешил. Он позволил сенаторам одевать своих скороходов в такую же одежду, какую носили его собственные скороходы. (8) Он запретил держать свободнорожденных наложниц. Он установил определенное число евнухов, которых мог иметь в услужении сенатор в соответствии со своим положением, потому что цена на них дошла до невероятных размеров. (9) Его серебряные сосуды никогда не весили больше тридцати фунтов. Стол его состоял главным образом из жареного мяса. Особенно любил он крепкое вино.

L. (1) Когда он болел, то никогда не звал к себе врачей, но сам лечил себя голодом. (2) Для своей жены и дочери он установил, словно частный че-

ловек, ежегодный праздник сигилларий. (3) Когда он был уже императором, то своим рабам он давал такую же одежду, какую они носили в то время, когда он был частным человеком, — за исключением двух стариков, которым он оказывал очень большое уважение, считая их как бы своими вольноотпущенниками; это были Антистий и Гиллон, которые после его смерти были отпущены на волю по постановлению сената. (4) Он редко позволял себе развлекаться, но необыкновенно любил мимы; особенное удовольствие доставлял ему обжора, который поедал так много, что однажды съел перед его столом целого кабана, сто хлебов, барана и поросенка и выпил, вставив себе воронку, больше кадки. (5) Если не считать некоторых мятежей внутри государства, то время Аврелиана было очень счастливым. Римский народ любил его, а сенат, сверх того, и боялся.

Серия «Исторические силуэты»

Двенадцать цезарей

Редактор Благородова Н.

Корректор Шумкина Н., Благородова Н.

Художник Пыльцын М.

Компьютерная верстка Ефимов И.

OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа

Лицензия ЛР № 065194 от 2 июля 1997 г.

Сдано в набор 11.12.98

Подписано в печать 15.01.99

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Бум. газетная

Гарнитура «Школьная».

Тираж 10000. Заказ № 1

Издательство «Феникс»

344007 г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга»
344019 г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57

Рим в первой половине II в. Ушел в историю золотой век Августа, ушла в историю стабильная эпоха правления Флавиев. К власти пришли совсем иные люди, которые, находясь на ее вершине, утратили ради своих дурных похотей все рычаги управления. Поставив Римскую империю на грань развала, они вынуждены были бесславно сойти с исторической арены. Наступил кризис императорской власти, характерной чертой которого было правление «солдатских императоров», выдвигаемых и через некоторое время убиваемых своими же солдатами.

Адрес

21079

Двадцать один, ИС

18

9 10.06.99